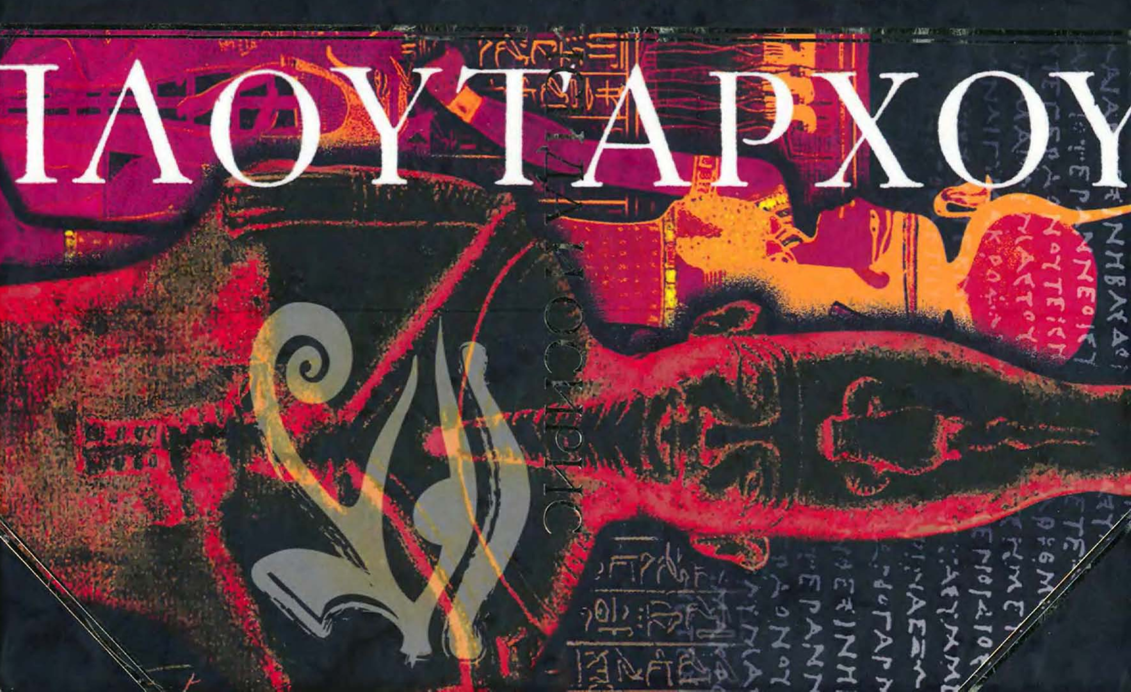

ПЛУТАРХ
ΠΛΟΥΤΑΡΧΟΥ
ИСИДА И ОСИРИС

Москва
ЭКСМО
2006

Плутарх

ИСИДА И ОСИРИС

УДК 82'01
ББК 84(0)3
П 40

Дизайн книги и иллюстрации *А. Пилипенко*

Оформление серии и переплета *Е. Шамрай*

Плутарх
П 40 Исида и Осирис / Плутарх. — М.: Эксмо, 2006. — 464 с. — (Антология мудрости).

ISBN 5-699-15907-X

Плутарх (до 50 — после 120 н. э.), древнегреческий писатель, историк и общественный деятель, — одна из наиболее известных и популярных фигур античного мира. И хотя «отцом истории» называли Геродота, которого Плутарх недолюбливал по принципиальным соображениям, не он, а именно Плутарх на все века стал символом исторической науки. Имя Плутарха уже давно приобрело нарицательный смысл — еще в XIX веке возникла традиция называть «плутархами» издания биографий знаменитых людей.

Неудивительно, что в глазах читателя Плутарх и сейчас остается одним из самых привлекательных авторов. В произведениях Плутарха отразились лучшие стороны гармоничного эллинского миропонимания: добродушная искренность, нравственная теплота, спокойная умеренность в суждениях и так недостающий нашим современникам оптимистический взгляд на события и недостатки людей.

УДК 82'01
ББК 84(0)3

ISBN 5-699-15907-X

Предисловие

Плутарх (до 50 — после 120 н.э.), древнегреческий писатель, историк и общественный деятель, относится к числу наиболее известных и популярных фигур античного мира. Его часто упрекали в небрежном отношении к историческим фактам и их вольной интерпретации, но это проблемы, скорее, для специалистов — в глазах читателя Плутарх и сейчас остается одним из самых привлекательных авторов не только древности, но и вообще среди всех писавших на исторические темы.

Он родился в Херонее, небольшом городке в греческой области Беотия. Хотя в то время Греция уже давно смирилась с потерей независимости и Беотия, например, была просто частью римской провинции Ахайя, греческая наука и образование по-прежнему цени-

лись в Риме исключительно высоко. Поэтому Плутарх получил традиционное грамматическое и риторическое образование в родном городе, а завершил обучение в Афинах, в школе философа-платоника Аммония.

Уже юношей он выполнял дипломатические поручения в интересах родного города, побывал Египте и Азии, несколько раз подолгу жил в Риме, где прибрел влиятельных друзей и покровителей. Несмотря на блестящие карьерные перспективы, открывавшиеся перед ним в «Вечном городе», Плутарх предпочел вернуться в маленькую Херонею, чтобы, как он выражался, «не сделать ее своим отсутствием еще меньше».

Он деятельно участвовал в управлении родным городом, занимая должности смотрителя за постройками, архонта и беотарха (члена совета Беотийского союза). При этом он вел спокойную и размеренную семейную жизнь, жил в полном согласии с согражданами и состоял в дружбе и переписке со многими римлянами и греками. Плутарху вообще не было свойственно противопоставлять греков и римлян: и в соотечественниках, и в завоевателях его родины он видел и сильные, и слабые стороны, по-разному заслуживающие его писательского внимания.

Большую часть свободного времени Плутарх проводил, занимаясь обучением сыновей и других молодых людей, не превращая при этом свой кружок в настоящую школу. Часть его бесед с учениками вошла в его многочисленные сочинения. Судя по разным источникам, их было 227 или даже больше; около трети работ Плутарха сохранилось до нашего времени.

В произведениях Плутарха отразились лучшие стороны гармоничного эллинского миропонимания: добродушная искренность, нравственная теплота, спокойная умеренность в суждениях, оптимистический взгляд на вещи.

Вадим Татаринов

Об Исиде и Осирисе

Перевод *Н. Н. Трухиной*

1. Всяких благ, Клея[1], люди, имеющие разум, должны просить у богов, более же всего мы желаем и молим получить от них знание о них самих, насколько это доступно людям; ибо и человек не может принять ничего более великого, и бог даровать ничего более священного, чем истина. Все остальное, в чем нуждаются люди, бог дает им полностью, разума же и мудрости — часть, владея и распоряжаясь ими как своей особой собственностью. Ибо божество блаженно не золотом и серебром и сильно не громами и молниями, но способностью постигать и знанием. Гомер провозгласил это прекраснее всего того, что он говорил о богах:

Оба они и единая кровь и единое племя;
Зевс лишь Кронион и прежде родился и более ведал[2].

Он ясно изрек, что превосходство Зевса более свято, ибо старше знание и мудрость его. И я полагаю, что в той вечной жизни, которая суждена богу, блаженство состоит в том, что его знание ничего не упускает из происходящего, а если бы отнято было познание и постижение сущего, то бессмертие было бы не жизнью, но временем.

2. Поэтому устремленность к истине, особенно касающейся богов, есть тяга к божественному, ибо она содержит изучение, исследование и восприятие вещей священных и является делом более святым, чем любое очищение и служение в храме; не менее приятна она и богине, которой ты служишь, небывало мудрой и расположенной к мудрости, само имя которой, как представляется, говорит о том, что более всего ей присущи способность познавать и знание. Ибо Исида — греческое имя, так же как имя Тифона[3], который, будучи врагом Исиды, беснуется в своем невежестве и лживости и разрывает, и уничтожает священное слово[4], которое богиня собирает, соединяет и передает посвященным в таинства; и посвящение, предписывающее постоянно умеренный образ жизни и воздержание от многих видов пищи и любовных услад, ос-

лабляет разнузданность и любовь к наслаждениям и приучает людей пребывать в служении непреклонными и суровыми, целью чего является постижение Первого, Владычествующего и доступного только мысли; богиня призывает искать его, и он пребывает вместе с ней, рядом с ней и в связи с ней. Название же храма, бесспорно, возвещает о постижении и знании сущего: он именуется Исейон[5] в знак того, что мы познаем сущее, если разумно и благочестиво приблизимся к святыням богини.

3. Более того, многие пишут, что Исида — дочь Гермеса, и многие — будто она дочь Прометея[6], потому что считают последнего изобретателем мудрости и предвидения, а Гермеса — грамматики и музыки. Поэтому в Гермополе первую из муз называют одновременно Исидой и Справедливостью, ибо она, как я уже говорил, мудра и открывает божественное тем, которые правильно и справедливо зовутся гиерофорами и гиеростолами[7]. Это они несут и укрывают в душе, как в ларце, священное слово о богах, чистое от всякого суеверия и суетности, приоткрывая лишь некоторые части своего учения, то окутанные мраком и затененные, то ясные и светлые, как те символы, что явлены в священных одеяниях. Поэтому, когда в них обряжают умерших жрецов Исиды, то это есть знак того, что То Слово пребывает с ними и что, владея только

им и ничем больше, они отходят в иной мир. Но как не борода и ношение рубища, Клея, делают философов, так не создают жрецов Исиды льняное платье и бритье волос. Ибо истинным служителем Исиды является тот, кто всегда по правилам воспринимает все, что говорят о богах и что во имя их совершают, исследуя это разумом и рассуждая о заключенной в этом истине.

4. Однако большинству людей непонятны даже такие самые общеизвестные и незначительные правила: почему жрецы удаляют волосы и носят льняные одежды[8]. Некоторые вообще не заботятся знать это, другие же говорят, что жрецы отказываются как от шерсти, так и от мяса потому, что они почитают овцу, бреют голову в знак скорби, а лен носят из-за цвета, который он испускает во время цветения и который голубизной подобен воздуху, окружающему мир. Но истинная причина для всего этого одна: не дозволено, как говорит Платон, нечистому касаться чистого[9]. Отходы же и отбросы не чисты и не почтенны, а принадлежащие к отходам шерсть, пух, волосы и ногти рождаются и растут. И смешно было бы, если бы жрецы, удаляя при очистительных обрядах свои собственные волосы, выбривая и полируя тело, надевали бы и носили волосы животных. Надо полагать, что когда Гесиод говорит:

> На пятипалом суку средь цветущего пира бессмертных
> Светлым железом не надо с зеленого срезывать суши[10],

он учит, что следует приступать к празднику, очистившись от всего этого, а не прибегать к очищению и удалению излишков во время священных церемоний. Что же касается льна, то он рождается из бессмертной земли, производит съедобное семя и поставляет простую и чистую одежду, не отягощающую защитой; она пригодна для всякого времени года и, как говорят, менее всего плодит вшей. Но это уже разговор иной.

5. Жрецы питают такое отвращение к природе отходов, что не только отказываются от многих видов бобов, от овечьего и свиного мяса, но во время очистительных обрядов удаляют из пищи и соль, для чего есть много оснований, но также то, что соль, возбуждая аппетит, заставляет больше есть и пить. А считать соль нечистой из-за того, что в ней, когда она застывает, как утверждает Аристагор[11], увязают и погибают малые существа — глупо. Говорят также, что Аписа поят из особого колодца и вообще не подпускают к Нилу, и это не потому, что считают воду нечистой из-за крокодилов, как думают некоторые: ничто египтяне так не почитают, как Нил; но считается, что нильская вода, когда ее пьют, вызывает тучность и ожирение. Жрецы не желают этого ни Апису, ни себе, но хотят, чтобы их тела удобно и легко обволакивали души и чтобы божественное не было стеснено и обременено смертным началом, которое бы одолевало и отягощало его.

6. Что касается вина, то из тех, кто служит богу в Гелиополе, одни вообще не вносят его в святилище, ибо непристойно пить днем, на глазах владыки и царя, другие употребляют его, но мало. И у них есть много празднеств, когда вино под запретом, когда они проводят время, предаваясь мудрости, учась и уча божественному. И цари, сообразуясь со священными предписаниями, пьют определенное количество, как пишет Гекатей[12], ибо они — жрецы. Цари начали пить вино со времен Псамметиха[13], а сначала его не пили и не совершали им возлияний как чем-то приятным богам; напротив, вино считают кровью тех, кто некогда воевал с богами; когда они пали и смешались с землей, из них якобы произросла лоза. Поэтому пьянство делает людей бешеными и безумными, словно они наполнились кровью предков. Эвдокс[14] во второй книге «Описания земли» утверждает, что именно так об этом рассказывают жрецы.

7. Также морскую рыбу отвергают не всякую, но некоторые ее виды, например, оксиринхиты — рыбу, пойманную на крючок. Ибо они почитают оксиринха[15] и боятся, что крючок может оказаться нечистым из-за того, что осетр клевал на него. А сиэниты избегают фагра[16], потому что считается, что он приходит одновременно с подъемом Нила и, являясь взорам как добровольный глашатай, возвещает радостным

людям о разливе. Жрецы же воздерживаются от всякой рыбы. В девятый день первого месяца, когда все остальные египтяне едят жареную рыбу у своих наружных дверей, жрецы, не отведав блюда, жгут ее у ворот, имея на то два объяснения; об одном из них, священном и тонком, я расскажу потом: оно относится к высшему учению об Осирисе и Тифоне; второе, ясное и доступное, гласит, что рыбные блюда не являются необходимой и простой пищей, а в свидетели берется Гомер, у которого и изнеженные фракийцы, и жители Итаки, островной народ, не пользовались рыбой, так же как и товарищи Одиссея в столь долгом плавании и посреди моря, пока они не впали в крайнюю нужду[17]. Вообще египтяне считают, что море выделилось из огня[18] и, выходя за пределы мира, является не частью его или элементом, но чуждым ему отбросом, вредным и губительным.

8. Ничего бессмысленного и фантастического, как думают некоторые, ничего, проистекающего от суеверия, не вводят они в священные обряды: одно имеет основанием нравственность и пользу, другое не чуждо тонкостям истории и природы, как, например, то, что связано с луком. Что Диктис, потомок Исиды, хватаясь за лук, упал в реку и утонул — это крайне неправдоподобно. Но жрецы, остерегая себя от лука, брезгуют им и отвращаются от него потому, что только он один вызревает и зацветает при убывающей луне. И неприемлем

он для постящихся и празднующих, так как у первых, отведавших его, вызывает жажду, а вторых заставляет плакать. Также и свинью считают они нечистым животным, ибо имеется представление, что чаще всего она спаривается при убывающей луне и что у пьющего ее молоко тело покрывается проказой и накожными струпьями[19]. Историю же, которую они рассказывают тогда, когда раз в год, в полнолуние, приносят в жертву и едят свинью, и которая гласит, будто Тифон, преследуя при полной луне кабана, нашел деревянный гроб, где лежали останки Осириса, и разломал его, эту историю признают не все; некоторые считают ее, как и многое другое, пустыми россказнями. О древних же говорят, будто они презирали роскошь, расточительность и наслаждения настолько, что в Фивах, в храме, имеется, по слухам, стела, исписанная проклятиями царю Миносу[20], который первым отучил египтян от умеренного, бескорыстного и простого образа жизни. Говорят еще, что Технакт, отец Бокхориса[21], во время похода на арабов, когда запоздал его обоз, с удовольствием отведал первую попавшуюся пищу, а потом, переспав глубоким сном на соломе, возлюбил неприхотливость. По этой причине якобы он проклял Миноса и с одобрения жрецов запечатлел проклятия на стеле.

9. Царей египтяне выбирали из жрецов или воинов, причем военное сословие имело влияние и почести благодаря му-

жеству, а жрецы — благодаря мудрости. Выдвинувшийся из воинов тотчас делался жрецом и становился причастным к мудрости, окутанной мифами и речениями, несущими в себе смутные проблески и отражения истины; несомненно, по этой причине они символически выставляют перед храмами сфинксов[22] в знак того, что тайную мудрость заключает в себе их учение о божественном. А в Саисе изображение Афины, которую они называют Исидой, имеет такую надпись: «Я есть все бывшее, и будущее, и сущее, и никто из смертных не приподнял моего покрова». Также многие полагают, что собственно египетское имя Зевса — Амун (или Аммон, как неправильно произносим мы). Себенит же Манефон считает, что это слово означает «сокрытый» или «сокрытие». А Гекатей из Абдер говорит, что египтяне употребляют это выражение в беседе, когда обращаются к кому-нибудь, ибо оно и есть обращение. Поэтому когда они взывают к высшему божеству, которое они считают тождественным всеобщности и как бы незримым и сокрытым, когда молят его показаться и обнаружить себя для них, то они произносят «Амун». Таково благоговение египтян перед мудростью, касающейся дел божественных.

10. Дают нам свидетельства и мудрейшие из эллинов: Солон, Фалес, Платон, Эвдокс, Пифагор и, как некоторые утверждают, Ликург, которые приезжали в Египет и общались

со жрецами[23]. Говорят, что Эвдокс учился у Ксонофея из Мемфиса, Солон — у Сонхита из Саиса, Пифагор — у гелиополита Ойнуфея. Особенно, кажется, этот последний, восхитительный сам и восхищавшийся жрецами, подражал их таинственной символике, облекая учение в иносказание. Большинство предписаний пифагорейцев ничем не отличается от так называемых иероглифических письмен, например: не принимать пищу, сидя на колеснице; не есть свой хлеб в праздности[24]; не сажать пальму; не разгребать в доме огонь ножом. И я, со своей стороны, полагаю: то, что эти люди называют единицу Аполлоном, двойку Артемидой, семерку Афиной, а куб — Посейдоном — это все сходно с обрядами, изображениями и, клянусь Зевсом, письменами в египетских храмах. Ибо, например, царя и владыку Осириса они изображают с помощью глаза и скипетра. Причем некоторые толкуют его имя как «многоглазый»[25], потому что «ос» — по-египетски значит «много», а «ири» — «глаз». Небо же, так как оно, будучи вечным, не стареет, они изображают знаком сердца с курильницей под ним[26]. А в Фивах были выставлены безрукие изображения судей, причем статуя главного судьи — с сомкнутыми веками в знак того, что справедливость неподкупна и беспристрастна[27]. Символом воинов было резное изображение скарабея, ибо у скарабеев нет самок, но только самцы[28]. Детенышей же они рождают в веществе, которое скатывают в шар, заботясь о средстве питания не менее, чем о месте рождения.

11. Итак, Клея, когда ты слушаешь те мифы, в которых египтяне рассказывают о богах, об их блужданиях, растерзаниях и многих подобных страстях, то следует помнить о том, что сказано раньше, и не думать, будто что-либо из этого произошло и случилось так, как об этом говорят. Гермеса, например, называют собакой[29] не в собственном смысле слова, но, как говорит Платон[30], связывают с хитроумнейшим из богов бдительность этой твари, ее неутомимость и мудрость, ибо она различает дружественное и враждебное по своему знанию или незнанию предмета. И никто не думает, что солнце, как новорожденное дитя, поднимается из лотоса, но так на письме изображают его восход, символическио бозначая, что воспламенение солнца происходит от воды. Так же Оха, самого жестокого и грозного из персидских царей, который убил многих и наконец зарезал и съел с друзьями Аписа[31], прозвали мечом, как до сих пор именуют его в каталоге царей; и я полагаю, что таким образом обозначают не отдельное собственно лицо, но сравнивают с орудием убийства жестокость и испорченность характера. Итак, если ты будешь внимать историям о богах подобным образом и будешь выслушивать их от тех, кто толкует миф благочестиво и мудро, если ты всегда будешь исполнять и блюсти предписанные обряды, понимая, что нет для богов более приятного дела и более приятной жертвы, чем истинное представление об их природе, тогда избежишь ты суеверия, которое является злом не меньшим, чем безбожие.

12. А вот и сам миф в пересказе по возможности самом кратком, с удалением всего ненужного и лишнего. Говорят, что когда Гелиос узнал о том, что Рея тайно сочеталась с Кроном, он изрек ей проклятие, гласящее, что она не родит ни в какой месяц и ни в какой год. Но Гермес, влюбленный в богиню, сошелся с нею, а потом, играя с луной в шашки, отыграл семнадцатую часть каждого из ее циклов, сложил из них пять дней и приставил их к тремстам шестидесяти; и до сих пор египтяне называют их «вставленными» и «днями рождения богов»[32]. Рассказывают, что в первый день родился Осирис, и в момент его рождения некий голос изрек: владыка всего сущего является на свет. Иные же говорят, что некто Памил, черпавший воду в Фивах, услышал из святилища Зевса голос, приказавший ему громко провозгласить, что родился великий царь и благодетель — Осирис; за это якобы он стал воспитателем Осириса, которого ему вручил Крон, и в честь него справляют праздник Памилий, напоминающий фаллические процессии[33]. На второй день родился Аруэрис, которого называют Аполлоном, а некоторые также старшим Гором[34]. На третий день на свет явился Тифон, но не вовремя и не должным образом: он выскочил из бока матери, пробив его ударом. На четвертый день во влаге родилась Исида; на пятый — Нефтида, которую называют Концом и Афродитой, а некоторые — Победой. Миф гласит, что Осирис и Аруэрис произошли от Гелиоса, Исида — от Гермеса, а Тифон и Нефтида — от Крона. Поэтому цари считали третий из вставленных дней несчастливым, не занимались

в это время общественными делами и не заботились о себе до ночи. И рассказывают, что Нефтида стала женою Тифона, а Исида и Осирис, полюбив друг друга, соединились во мраке чрева до рождения. Некоторые говорят, что от этого брака и произошел Аруэрис, которого египтяне называют старшим Гором, а эллины — Аполлоном[35].

13. Рассказывают, что, воцарившись, Осирис тотчас отвратил египтян от скудного и звероподобного образа жизни, показал им плоды земли и научил чтить богов; а потом он странствовал, подчиняя себе всю землю и совсем не нуждаясь для этого в оружии, ибо большинство людей он склонял на свою сторону, очаровывая их убедительным словом, соединенным с пением и всевозможной музыкой. Поэтому греки отождествляли его с Дионисом[36]. И говорят, что Тифон в его отсутствие ничего не предпринимал, потому что Исида, обладая всей полнотой власти, очень старательно стерегла его и наблюдала за ним[37], по возвращении же Осириса стал готовить ему западню, втянув в заговор семьдесят два человека и имея сообщницей эфиопскую царицу по имени Асо[38]. Он измерил тайно тело Осириса, соорудил по мерке саркофаг, прекрасный и чудесно украшенный, и принес его на пир. В то время как это зрелище вызвало восторг и удивление, Тифон как бы в шутку предложил преподнести саркофаг

в дар тому, кто уляжется в него по размеру. После того как попробовали все по очереди и ни одному гостю он не пришелся впору, Осирис вступил в гроб и лег. И будто заговорщики подбежали, захлопнули крышку и, заколотив ее снаружи гвоздями, залили горячим свинцом, затащили гроб в реку и пустили в море у Таниса, через устье, которое поэтому и теперь еще египтяне зовут ненавистным и мерзким. Говорят, что это случилось в семнадцатый день месяца Афира[39], когда солнце пересекает созвездие Скорпиона, в двадцать восьмой год царствования Осириса. Иные же утверждают, что это срок его жизни, а не царствования.

14. Так как первыми о случившемся узнали и разгласили это событие паны и сатиры, обитавшие в местности у Хеммиса[40], то и теперь еще неожиданное смятение и страх толпы называют паникой. Говорят, что Исида, получив весть, тотчас отрезала одну из своих прядей и облачилась в траурное покрывало там, где до сих пор город носит имя Копт[41]. Другие же полагают, что название это означает «утрата», ибо говорят «коптейн» в смысле «утратить». Рассказывают, что она блуждала всюду и никого не пропускала без вопроса; так же встретив детей, она спросила их о гробе. Случайно они видели его и назвали устье, через которое друзья Тифона вытолкнули

ковчег в море. Поэтому египтяне думают, что дети обладают даром предсказания и чаще всего ищут у них пророчеств, когда они играют в священных местах и болтают, что придется. А когда Исида узнала, что любящий Осирис по ошибке сочетался с ее сестрой как с ней самой, и увидела доказательство этого в венке из лотоса, который он оставил у Нефтиды, то она стала искать дитя, ибо Нефтида, родив, тотчас удалила его из страха перед Тифоном; ребенок был найден с большим трудом и с помощью собак, которые вели Исиду; она вскормила его, и он, названный Анубисом, стал ее защитником и спутником, и говорят, что он сторожит богов, как собаки — людей.

15. И потом, как рассказывают, она узнала о саркофаге, что море пригнало его к берегу Библа[42] и прибой осторожно вынес его в заросли вереска. А вереск, в малое время выросши в огромный и прекрасный ствол, объял и охватил его и укрыл в себе[43]. Царь удивился размерам растения и, срубив сердцевину, содержащую невидимый взору гроб, поставил ствол как подпорку для крыши. Говорят, что Исида, узнав об этом от божественного духа молвы, явилась в Библ, села у источника, смиренная и заплаканная, и не говорила ни с кем, но только приветствовала служанок царицы, ласкала их, за-

плетала им косы и навевала от себя на их тело удивительный аромат. Лишь только царица увидела служанок, как в ней возникло влечение к незнакомке, волосам и телу, источающему благовоние. За Исидой послали, а когда она прижилась, ее сделали кормилицей царского сына, и говорят, что имя того царя было Малькандр, а царицу одни называют Астартой, другие — Саосис, а третьи — Неманус; эллины же назвали бы ее Атенаидой[44].

16. Предание гласит, что Исида выкармливала дитя, вкладывая ему в рот вместо груди палец, а ночью выжигала огнем смертную оболочку его тела; сама же, превращаясь в ласточку, с жалобным криком вилась вокруг колонны — и так до тех пор, пока царица не подстерегла ее и не закричала при виде ребенка в огне, лишив его тем самым бессмертия. Тогда изобличенная богиня выпросила столп из-под кровли; легко освободив его, она расщепила вереск, а потом, закутав его в полотно и умастив миром, вручила царю и царице; и теперь еще жители Библа почитают дерево, положенное в святилище Исиды[45]. И рассказывают, что она пала на гроб и возопила так, что младший сын царя тут же умер, а старшего она якобы забрала с собой и, поместив гроб на судно, отплыла. Но так как река Федр перед зарей выпестовала в себе бурный ветер, она разгневалась и иссушила русло.

17. И вот в первом же пустынном месте, оставшись наедине с собой, она открыла саркофаг и, припав лицом к лицу, стала целовать и плакать. А когда она заметила ребенка, тихо подошедшего сзади и наблюдавшего это, то оглянулась и бросила на него ужасный и гневный взгляд; мальчик не вынес потрясения и умер. Другие рассказывают не так, но говорят, что ребенок, как я об этом упоминал раньше[46], упал в море и что в честь богини ему оказывают почести: якобы он — тот самый Манерос, которого египтяне воспевают на пирах[47]. А некоторые утверждают, что мальчика звали Палестин или Пелузий и что он дал имя городу, основанному богиней. Они заявляют, что Манерос, упоминаемый в песнях, первым изобрел музыку. Третьи говорят, что это не чье-то имя, но выражение, употребляемое в кругу пьющих и пирующих людей: «Да будет все это к счастью!» И якобы когда египтяне хотят сказать что-либо похожее, они всякий раз восклицают: «Манерос!» Так что, несомненно, фигурка покойника в ковчежце, которую им показывают, обнося по кругу, служит не напоминанием о смерти Осириса, как полагают некоторые, но, пуская несколько раз неприятного сотрапезника, убеждают самих зрителей пользоваться и наслаждаться настоящим, потому что все скоро станут такими же.

18. И рассказывают, что потом, когда Исида ушла в Бут к сыну Гору, который там воспитывался, и поместила гроб

вдали от дороги, Тифон, охотясь при луне, наткнулся на него и, узнав тело, растерзал его на четырнадцать частей и рассеял их. Когда Исида узнала об этом, она отправилась на поиски, переплывая болота на папирусной лодке. По этой причине будто бы крокодилы не трогают плавающих в папирусных челноках, испытывая или страх, или, клянусь Зевсом, почтение перед богиней. И потому якобы в Египте называют много гробниц Осириса, что Исида, отыскивая, хоронила каждый его член. Иные же отрицают это и говорят, что она изготовила статуи и дала их каждому городу вместо тела Осириса для того, чтобы Тифону, если бы он победил Гора и стал отыскивать истинную гробницу, пришлось отказаться от этого, так как ему называли бы и показывали много могил. Из всех частей тела Осириса Исида не нашла только фалл, ибо он тотчас упал в реку и им кормились лепидоты, фагры и осетры, которыми гнушаются больше, чем всякой другой рыбой. Исида же, по рассказам, вместо него сделала его изображение и освятила фалл; в честь него и сейчас египтяне устраивают празднества.

19. Потом, как гласит предание, Осирис, явившись Гору из царства мертвых, тренировал и упражнял его для боя, а затем спросил, что он считает самым прекрасным на свете. Когда тот ответил: «Отомстить за отца и мать, которым причинили зло»,— снова спросил, какое животное кажется ему

самым полезным для того, кто идет на битву. Услышав в ответ от Гора «конь»[48], он удивился и стал допытываться, почему конь, а не лев[49]. Тогда Гор сказал, что лев нужен тем, кто нуждается в защите, а конь нужен, чтобы отрезать и уничтожить бегущего врага. Услышав это, Осирис обрадовался, ибо Гор был совсем готов для борьбы. И рассказывают, что в то время как беспрерывно многие переходили на сторону Гора, явилась к нему и наложница Тифона Туэрис[50] и что змею, которая ее преследовала, убили друзья Гора; и до сих пор в память этого бросают веревку и перерубают ее посередине. Что касается сражения, то оно будто бы продолжалось много дней, и победил Гор. Исида же, получив скованного Тифона, не казнила его, но развязала и отпустила. У Гора не хватило терпения снести это: он поднял на мать руку и сорвал с головы ее царский венец. Но Гермес увенчал ее рогатым шлемом[51]. Затем Тифон предъявил Гору обвинение в незаконнорожденности, но при защите Гермеса Гор был признан богами законным сыном, а Тифон потерпел поражение еще в двух битвах. Осирис же сочетался с Исидой после смерти, и она произвела на свет Гарпократа[52], родившегося преждевременно и имевшего слабые ноги.

20. Таково примерно главное содержание мифа, если опустить предосудительные истории, например, рассказ о растерзанном Горе и обезглавленной Исиде[53]. Когда такое гово-

рят и так учат о природе вечной и бессмертной, в которой более всего познается божество, как будто воистину такое случалось и происходило, тогда, как говорит Эсхил, «надо плюнуть и очистить рот». Но об этом тебе нисколько не стоит напоминать. И сама ты негодуешь на тех, кто придерживается такого беззаконного и варварского учения о богах. Но ты также знаешь, что не совсем похоже все это на убогие россказни и пустые фантазии поэтов и логографов, которые, как пауки, сплетают и тянут порожденную из себя произвольную основу, но что есть здесь отголоски рассказов и преданий о бывших событиях. И как математики говорят, что радуга — это отражение солнца, расцвеченное преломлением взгляда в облаке, так и миф у нас — изображение некоего понятия, переводящего мысль на другое; на это намекают обряды, содержащие траур и тем выражающие скорбь, а также устройство храмов[54], частью выходящих в боковые галереи и светлые, открытые коридоры, а частью имеющие под землей тайные темные ризницы, подобные пещерам и ризницам фиванских храмов. Не менее сложно и учение о гробницах Осириса, тело которого, по преданию, покоится во многих местах. Говорят, что Диохетисом называется тот единственный городок, который владеет настоящим телом; но и в Абидосе чаще всего хоронят богатых и могущественных египтян, потому что они якобы ищут чести лежать в одной земле с телом Осириса. А в Мемфисе выкармливают Аписа, который представляет собой образ его души; там же будто бы покоится и тело. А название города одни толкуют как «пристанище добра», другие по-своему: «гробница Осириса». Говорят еще, что

около Фил[55] есть островок, во всякое иное время нетревожимый и запретный для каждого: и не залетают на него птицы, и не приближается к нему рыба; но в определенный срок жрецы переправляются на него, приносят заупокойные жертвы и украшают венками надгробие, осененное деревом мефиды, которое превосходит размерами любую оливу.

21. Но хотя в Египте и называют много гробниц Осириса, Эвдокс утверждает, что тело покоится в Бусирисе, потому что этот город был родиной Осириса: ведь не нуждается в объяснении слово «Тафосирис» — само это имя заключает в себе название гробницы Осириса. А об обрядах рассечения дерева, разрывания льна и заупокойного возлияния я умалчиваю, потому что к ним примешано много сокровенного. И не только об этих богах, но также обо всех других, не входящих в число нерожденных и бессмертных, жрецы рассказывают, что у них хранятся набальзамированные тела, за которыми ухаживают, а души богов сияют в небе звездами, и что созвездие Исиды, которое у египтян зовется Софис, греки называют Псом, созвездие Гора — Орионом, Тифона — Медведем[56]. Еще рассказывают, что все египтяне приносят предписанные продукты для гробниц почитаемых животных и ничего не дают одни фиванцы, ибо они не чтят никакого подверженного смерти бога, но только того, кого они называют Кнеф[57],— несотворенного и бессмертного.

22. Так рассказывают и так представляют дело многие, но есть и такие, которые полагают, что все это — воспоминания о великих и удивительных делах и страданиях царей и тиранов, которые за выдающуюся доблесть или могущество приписали себе славу божественного имени и которые затем претерпели от судьбы. Эти люди используют малейшее отступление от рассказа, чтобы благоразумно перенести дурную славу с богов на людей; при этом им помогают сами предания, ибо египтяне рассказывают, что Гермес был коротколруким, Тифон — красным, Гор — белым, а Осирис — темнокожим, как если бы природа их была человеческой[58]. К тому же Осириса именуют полководцем, а Канопа — кормчим, того самого, который, по их словам, дал имя звезде[59]. Судно же, которое эллины называют «Арго» и которое является образом корабля Осириса[60], якобы почетно помещено среди звезд и не далеко отстоит от созвездий Ориона и Пса, почему египтяне и считают, что первое посвящено Гору, а второе — Исиде.

23. Но я боюсь, как бы не сдвинулось неподвижное и не началась «война не только со многими временами» (как сказал Симонид)[61], но и «со многими племенами человеческими» и народами, преданными вере в этих богов: ведь люди не перестают сводить с неба на землю столь великие имена

и подрывать и уничтожать благочестие и веру, вложенную почти в каждого с самого рождения, и тем открывать ворота чудовищу безбожия[62] и очеловечивать богов, и давать волю плутням Эвгемера из Мессены[63], который, сам составив копии не внушающих доверия и поддельных мифов, рассеивает по всей земле неверие, потому что он произвел имена всех предполагаемых богов скопом от имен полководцев, навархов и царей, живших в древние времена и запечатленных золотыми письменами в Панхоте; а письмена эти, как и должно, не находили ни один варвар и ни один эллин, но только Эвгемер, доплывший до Панхотов и Трифиллий, которых никогда и нигде на свете не было и не существовало.

24. Ведь прославляют в Ассирии великие дела Семирамиды, а в Египте — Сезостриса; а у фригийцев до сих пор блистательные и удивительные деяния называют «маника», потому что у них в древности в числе царей был некий Манес, муж благородный и могущественный, коего некоторые называют Масдесом[64]. Победителями и почти до края света провел персов Кир, македонян — Александр, однако они стяжали имя и память добрых царей. Если же некоторые, вознесшись в кичливости и, как говорит Платон[65], разжигая в гордыне душу юным жаром и неразумием, приняли имена богов и настроили храмы, то слава их процветала короткое

время, а затем они, стяжав себе своим кощунством и беззаконием суетную хвалу, «недолговечные, подобные дыму, поднимаются и исчезают»[66] — и теперь, как преступные наглецы, изгоняются из храмов и от алтарей и ничего не имеют, кроме могил и памятников. Поэтому Антигон Старший, когда некий Гермодот провозгласил его в стихах сыном солнца и богом, сказал: «А раб, выносящий за мной горшки, так обо мне не думает». И справедливо скульптор Лисипп порицал художника Апеллеса за то, что тот, создавая портрет Александра, дал ему в руки молнию, тогда как сам Лисипп — копье, славу которого, как вещи настоящей и принадлежавшей Александру, не уничтожит никакое время.

25[67]. Однако лучше всего суждение тех, кто пишет, что истории о Тифоне, Осирисе и Исиде касаются страданий не богов или людей, но великих демонов, о которых Платон[68], Пифагор[69], Ксенократ[70] и Хрисипп[71], следуя древним толкователям божественного, рассказывают, что они были сильнее людей и мощью намного превосходили нашу природу, но не обладали божественным естеством в чистом и беспримесном виде; напротив, так как их естество причастно к природе души и ощущениям тела и воспринимает наслаждение и боль, то их тревожат все несчастья, происходящие при таких переходах,— одних больше, других меньше. Так же

у демонов, как и у людей, существует различие между добродетелью и пороком. Подвиги гигантов и титанов, воспеваемые эллинами, и некие беззаконные деяния Крона[72], и сопротивление Тифона Аполлону, и скитания Диониса[73], и странствия Деметры ничем не отличаются от историй Осириса и Тифона и от других мифов, которые каждый может услышать вдоволь. То же можно сказать и о том, что скрыто в священных мистериях и обрядах и сохраняется от глаз и ушей толпы.

26. Читали мы и у Гомера, как благородных людей он всякий раз именует по-разному: и «богоподобными», и «богоравными», и «умудренными богами», а сравнение с демонами употребляет равно и для людей достойных, и для дурных:

> Ближе подойди, подобный демону:
> зачем наводишь ты такой страх на аргивян?[74]

И опять:

> Но в четвертый он раз еще полетевши, как демон...[75]

А также:

> Демон! Старец Приам и Приамовы чада какое
> Зло пред тобой сотворили, что ты непрестанно пылаешь
> Град Илион истребить, благолепную смертных обитель[76].

Таким образом, природа и естество демонов разнородны и неодинаковы. Поэтому Платон[77] правую сторону и нечетные числа относит к олимпийским богам, а все противоположное — к демонам. Ксенократ же полагает, что несчастливые дни и те печальные празднества, которые предписывают бичевание, плач, пост, поношения и сквернословие, не устраиваются ни в честь богов, ни в честь добрых демонов, но что есть в окружающем пространстве огромные и злобные, своенравные и мрачные существа, которые радуются таким вещам и, получив их, не вмешиваются ни во что. А Гесиод[78] добрых и благородных демонов величает «священными», «защитой людей», и «приносящими богатство», и «имеющими царские почести», Платон[79] же называет этот род пророками и посредниками между богами и людьми и говорит, что они относят на небо молитвы и просьбы людей, а оттуда вниз приносят пророчества и благие дары. Эмпедокл[80] говорит, что демоны претерпевают наказания, если они провинились или ошиблись:

Ярость эфира гонит их в море,
Море изрыгнет на твердь,
Земля — в жар неугасимого солнца.
А оно — в эфирный вихрь.
Один принимает от другого,
Но всех ненавидят —

и так до тех пор пока, претерпев наказание и очистившись, они не занимают место и строй в соответствии со своей природой.

27. Такие и подобные им истории рассказывают и о Тифоне: как из зависти и ненависти он совершил ужасные дела и, приведя в расстройство все на свете, наполнил злом всю землю и море[81] и потом понес наказание. А мстительница, сестра и жена Осириса, обуздав и уничтожив бешенство и ярость Тифона, не пренебрегла борьбой и битвами, которые выпали ей на долю, не предала забвению и умолчанию свои скитания и многие деяния мудрости и мужества, но присовокупила к священнейшим мистериям образы, аллегории и памятные знаки перенесенных ею некогда страданий и посвятила их в качестве примера благочестия и одновременно ради утешения мужчинам и женщинам, которые претерпевают подобные же несчастья. И она, и Осирис за доблесть из добрых демонов были превращены в богов, как позже Геракл и Дионис, и не без основания принимают они почести, равно причитающиеся богам и демонам, и имеют власть повсюду, но больше всего — над землей и под землей. Говорят, что Сарапис — не кто иной, как Плутон, а Исида — Персефона[82], так утверждает Архемах с Евбеи[83], понтиец же Гераклид[84] считает, что оракул в Канопе принадлежит Плутону.

28. А Птолемею Сотеру[85] приснился колосс Плутона в Синопе, хотя царь его не знал и никогда не видел, каков его облик; и колосс приказал доставить его как можно скорее в Александрию. Ничего не ведая о нем и раздумывая, где

бы он мог находиться, царь описал видение друзьям, и нашелся один путешественник, Сосибий, заявивший, что видел в Синопе точно такой же колосс, какой привиделся царю. И вот царь отправляет в путь Сотелия и Дионисия, которые, потратив много времени, с трудом и не без божественного содействия похитили и увезли статую. Когда она была доставлена и выставлена для обозрения, то товарищи экзегета Тимофея и Манефона Себенитского рассудили, что это — изваяние Плутона, судя по Церберу и змее; Птолемея же они убеждают, что оно не принадлежит никакому иному богу, кроме Сараписа. Итак, под этим именем статуя прибыла не оттуда, где она находилась, но, будучи помещенной в Александрии, получила египетское имя Плутона — Сарапис. И, конечно, изречение философа Гераклита[86]: «Одно и то же Гадес и Дионис, для которого безумствуют и празднуют Линеи» — склоняет к такому же мнению. А те, кто полагает, что Гадесом называется тело, ибо душа в нем как бы пьяна и безумна,— те прибегают к жалким аллегориям. Правильнее Осириса отождествлять с Дионисом, а Сараписа — с тем Осирисом, который получил это имя, когда переменил естество. Поэтому Сарапис сопричастен всем людям, как то известно об Осирисе тому, кто связан с храмовым служением.

29. С другой стороны, не стоит обращать внимания на сочинения фригийцев, в которых говорится, что Сарапис

был сыном Харопы, дочери Геракла, а Тифон — сыном Эака и внуком Геракла[87]. Достоин презрения и Филарх[88], писавший, будто Дионис первым привел из Индии в Египет двух быков, и одного из них имя было Апис, а другого — Осирис. Сарапис же якобы — имя того, кто все упорядочивает, происходящее от «сайрейн» — слова, которое иные толкуют как «украшать» и «упорядочивать». Все, что у Филарха,— бессмыслица, но еще большая бессмыслица у тех, кто говорит, что Сарапис не бог, а названный этим именем саркофаг Аписа, и что есть в Мемфисе некие медные ворота, называемые вратами Забвения и Плача[89]. Они открываются всякий раз, как хоронят Аписа, издавая при этом тягостный и резкий звук. Поэтому якобы, когда звучит любая медная вещь, нас охватывает волнение. Умереннее те, кто утверждает, что имя происходит от «сэбестай» и «сустай» и так или иначе обозначает движение всего сущего. Большинство же жрецов говорит, будто Апис и Осирис — одно, поучая и наставляя нас, что надо считать Аписа воплощенным образом души Осириса. Я со своей стороны полагаю, что если имя «Сарапис» — египетское, то оно означает «радость» и «веселье», и основываюсь на том, что веселые праздники египтяне называют сайрами. А Платон[90] говорит, что Гадес получил свое имя как бог благодетельный и радушный по отношению к тем, кто к нему попадает. К тому же у египтян есть много и других имен, которые являются названиями; так, подземный мир, в который, по их мнению, души отправляются после смерти, они называют «Амент», а имя это означает: «берущий и даю-

щий»[91]. Позднее мы рассмотрим, не одно ли это из имен, произошедших и перенесенных из Эллады[92]; теперь же перейдем к следующим частям занимающего нас учения.

30. Итак, Осирис и Исида превратились в богов из добрых демонов, а силу Тифона, сломленную и ослабленную, но еще бунтующую в агонии, унимают и усмиряют всевозможными жертвами. И, напротив, в определенное время, в праздники, египтяне, глумясь, унижают и оскорбляют рыжих людей, а жители Копта, например, валят с ног осла, потому что Тифон был рыжий и это — ослиный цвет. Бусириты же и ликополиты совсем не пользуются трубой, потому что она ревет как осел. И вообще считается, что из-за сходства с Тифоном осел — животное нечистое и колдовское, и египтяне, приготовляя в месяцы Пауни и Фаофи к празднику жертвенные лепешки, вылепляют на них изображение связанного осла[93]. А при совершении обрядов в честь солнца они предписывают священнодействующим не носить на теле золотых вещей и не давать корма ослу. Совершенно очевидно, что и пифагорейцы считают Тифона демонической силой; они говорят, что его рождение соотносится с числом такого рода — пятьюдесятью шестью. Опять-таки Эвдокс пишет, что треугольник соответствует Гадесу, Дионису и Аресу, четырехуголь-

ник — Рее, Афродите, Деметре и Гере, двенадцатиугольник — Зевсу, а пятидесятишестиугольник — Тифону.

31. Египтяне, считая, что Тифон был красным, приносят также в жертву рыжих быков, при этом осмотр они производят так тщательно, что, если попадется хоть один белый или черный волос, они считают животное негодным[94]: правильно отобранная жертва должна быть не любимой богами, но ненавистной им, поскольку она приняла в себя души нечестивых и неправедных людей, переселившиеся в другие тела[95]. Поэтому египтяне призывали на голову жертвы проклятия и, заколов ее, раньше бросали в реку, а теперь отдают чужеземцам[96]. На предназначенного в жертву быка ставят клеймо жрецы, именуемые сфрагистами, причем печать, как свидетельствует Кастор[97], имеет резное изображение человека, опустившегося на колено; руки у него связаны за спиной и к горлу приставлен меч. А то, что выпадает, как говорилось выше, на долю осла, это египтяне объясняют сходством его с Тифоном в глупости и упрямстве не меньше, чем сходством в цвете. Поэтому, ненавидя из всех персидских царей более всего Оха, как человека преступного и кровожадного, они назвали его ослом. А он, воскликнув: «Не сомневайтесь, этот осел съест вашего быка»,— заколол Аписа; так об этом свидетельствует Дейнон[98]. Те же, кто рассказывает, что Тифон

после сражения семь дней спасался бегством на осле, спасся и стал отцом Иерусалима и Иудеи, те совершенно очевидно и явно притягивают к мифу иудейскую традицию.

32. Вот на какие соображения наводят эти рассказы. Но приступим к делу по-иному и обратим сначала внимание на тех, кто, как кажется, говорит нечто более философское. К ним относятся учащие, что, как эллины олицетворяют в Кроне — время[99], в Гере — воздух, а в рождении Гефеста — превращение воздуха в огонь, так у египтян Нил — это Осирис[100], сочетавшийся с землей — Исидой, а Тифон — море, в котором Нил, впадая, исчезает и рассеивается, кроме той части, которую принимает и впитывает земля, становясь через нее плодородной. И есть культовая песнь скорби, исполняемая в честь Нила; в ней оплакивается рожденный в пределах левой стороны и погибший в пределах стороны правой, ибо египтяне считают, что восток — это лицо мира, что на севере — правая сторона, на юге — левая. А так как Нил несет воды с юга и на севере поглощается морем, то справедливо говорят, что рождается он в левой стороне, а гибнет — в правой. Поэтому жрецы гнушаются морем и называют соль пеной Тифона; и среди прочих запретов им предписывается не ставить соль на стол. Также не разговаривают они с кормчими, потому что те связаны с морем

и живут за его счет. Не в последнюю очередь по этой причине презирают они рыбу и ненависть изображают в виде рыбы. Ибо в Саисе, в преддверии храма Афины, высечены: ребенок, старик, затем сокол, потом рыба, позади всех — гиппопотам. Символ этот означал: о, рождающиеся и умирающие, бог ненавидит бесстыдство[101]; дитя есть символ рождения, старец — смерти, под соколом они разумеют бога, под рыбой, как я сказал, — ненависть из-за ее причастности к морю, под гиппопотамом — бесстыдство, ибо про него рассказывают, будто он, убив отца, насильственно сочетается с матерью. И, как представляется, утверждение пифагорейцев о том, что море — это слеза Крона, намекает на его нечистую и чуждую нам природу, но об этой общеизвестной истории поговорим лучше в другом месте.

33. Самые мудрые из жрецов не только Нил называют Осирисом, а море — Тифоном, но вообще дают имя Осириса всякому влажному началу и энергии, считая их причиной рождения и субстанцией семени. Тифоном же они именуют все сухое, огненное, отдающее воду и вообще враждебное влаге. Полагая, что тело Тифона было красным и желтым, они не очень охотно встречаются и без удовольствия общаются с людьми, имеющими подобный вид. Об Осирисе, напротив, их предания рассказывают, что он был темный, потому что

вода делает темным все, с чем ни смешивается: землю, одежду, облака; и влага, заключенная в телах юношей, порождает темный цвет волос, а седина или как бы бесцветность появляются у стареющих людей из-за сухости. Также весна обильна, плодородна и благотворна, а поздняя осень, лишенная влаги, враждебна растениям и вредна животным. Бык, которого выхаживают в Гелиополе и называют «Мневис»[102] (он посвящен Осирису, а некоторые считают его отцом Аписа),— весь черный; и он имеет почести, уступающие только почестям Аписа. А Египет, расположенный на самой черноземной почве[103], называют, подобно зрачку глаза, «Хемиа» и сравнивают с сердцем, ибо он теплый и влажный и прилегает к южным землям вселенной, окруженный ими, как сердце человека — левой стороной тела.

34. Еще говорят, что солнце и луна пользуются для передвижения не повозкой, но кораблем[104], намекая, что их возникновение и насыщение происходят от воды. И есть мнение, что Гомер, как и Фалес, полагал в воде начало рождения всего сущего, узнав об этом у египтян[105]. И думают, что Океан — это Осирис[106], а Тифия — это Исида, потому что она выкармливает и взращивает все живое. К тому же эллины называют выделение семени «апусиа», а совокупление — «синусиа», слово же «сын» («гийос») производят от «гидор» («вода») и «гисай» («идет дождь»). И Диониса, как владыку

влажной природы, они называют «гиэс» («ниспосылающий дождь»); а он — не кто иной, как Осирис. И Гелланик, наверно, слышал, как жрецы называли Осириса Гисирисом, потому что именно так постоянно называет он бога, конечно, ввиду его естества и обряда его обнаружения[107].

35. А то, что Осирис и Дионис — одно, кто знает лучше, чем ты, Клея? Так и должно быть: ведь это ты предводительствуешь в Дельфах вдохновенными жрицами, предназначенная отцом и матерью для таинств Осириса. Если же доказательства надо представить ради других, то все сокровенное мы оставим вне повествования, но открытые действия жрецов во время погребения Аписа, когда тело его везут на плоту, нисколько не уступают вакхическому ликованию: ибо они надевают оленьи шкуры, и несут тирсы, и издают крики, и делают движения подобно тем, кто одержим дионисийским экстазом. Поэтому многие эллины делают изображения Диониса в виде быка. А элейские женщины во время молитвы призывают бога «прийти к ним бычьей стопой». У аргивян же Дионис именуется сыном быка; его вызывают из воды звуками труб, бросая в глубину барана для Привратника; а трубы они прячут в тирсах, как рассказывает Сократ в книгах «О священном»[108]. Также предания о титанах и ночные празднества в честь Диониса соответствуют рассказам о растерзании, воскресении и возрождении Осириса.

То же самое и с гробницами. Египтяне, как я рассказывал, показывают могилы Осириса повсюду, а дельфийцы считают, что останки Диониса хранятся у них, позади прорицалища; и «чистые»[109] приносят тайную жертву в святилище Аполлона, когда вдохновенные жрицы пробуждают Ликнита[110]. А что греки считают Диониса владыкой и творцом не только вина, но всякой влажной природы, то здесь нам достаточно иметь свидетелем Пиндара[111], сказавшего:

Пусть увеличит пищу деревьев радостный Дионис,
Ясный блеск зрелости.

Поэтому тем, кто почитает Осириса, запрещено рубить садовое дерево и засыпать водные источники.

36. Не только Нил, но и вообще всякую влагу называют истечением Осириса; и в честь бога впереди священной процессии всегда несут сосуд с водой. С помощью знака тростника египтяне изображают царя и южные пределы мира, а тростник символизирует увлажнение и оплодотворение всего сущего и по природе кажется похожим на детородный член. Справляя Памилии, празднество, как я говорил, фаллическое, они выставляют впереди и носят всюду статую, фалл которой увеличен в три раза[112], ибо бог есть начало, а всякое начало благодаря плодовитости увеличивает то, что из него исходит; мы же привыкли вместо «много» говорить «три», как, например, «трижды счастливый» и «сетью тройной бы себя

я охотно опутать дозволил»[113], если только, клянусь Зевсом, число «три» не выражало у древних своего подлинного смысла: ведь влажная природа, будучи началом и вместилищем рождения, первыми породила из себя три тела — землю, воздух и огонь. И вошедшее в миф предание о том, как Тифон бросил фалл Осириса в реку и как Исида его не нашла, но, изготовив и сотворив похожее изображение, повелела чтить его и носить в фаллических процессиях,— предание это попало сюда потому, что оно учит, что творческая и производительная сила бога с самого начала включала в себя влажную материю и через влагу соединялась с тем, что создано для участия в порождении. Есть еще у египтян предание о том, как Апопис[114], брат Гелиоса, вступил в войну с Зевсом и как Осириса, который стал его союзником и вместе с ним победно закончил войну, Зевс усыновил, назвав его Дионисом. Можно указать на то, что сказочное в этом предании связано с истиной, касающейся природы. Ибо Зевсом египтяне называют ветер[115], которому враждебно все сухое и огненное, и это — не солнце, но нечто родственное солнцу. Влага же, уничтожая избыток сухости, взращивает и усиливает испарения, через которые ветер насыщается и крепнет.

37. К тому же эллины посвящают Дионису плющ, а у египтян, по слухам, он называется «хепосирис», и это имя, как говорят, означает «побег Осириса». Далее, Аристон[116], написавший «Афинскую колонизацию», наткнулся на письмо

некоего Алексарха, в котором рассказывается, что Дионис был сыном Зевса и Исиды и что у египтян он именовался не Осирисом, но Арсафом (через букву «а»), каковое имя переводится как «мужество». То же утверждает и Гермей[117] в первой книге сочинения «О египтянах»: он заявляет, что «Осирис» можно толковать как «могучий». Я не говорю уже о Мнасии[118], который отождествляет Диониса, Осириса и Сараписа с Эпафом. Не говорю и об Антиклидисе[119], утверждающем, что Исида — дочь Прометея и что она была женой Диониса. Те особые праздники и обряды, о которых я рассказал, содержат более очевидную истину, чем слова свидетелей.

38. Самую яркую звезду египтяне называют Исидой, потому что она вызывает разлив. Они также почитают льва и украшают львиными пастями двери храмов, потому что Нил выходит из берегов, «когда впервые солнце встречается со львом»[120]. И как Нил они называют истечением Осириса, так землю принимают за тело Исиды, но не всю, а только ту, к которой поднимается Нил, сочетающийся с ней и оплодотворяющий ее. Через это соитие они порождают Гора. А Гор — это соразмерное смешение воздуха и весна, которая хранит и питает все окружающее; и говорят, что Гор был вскормлен Латоной в болотах, окружающих Бут: ведь увлажненная и мокрая земля поднимает испарения, уничтожающие и ослабляющие бесплодие и сухость. Запредельные

же окраины земли, которые граничат с морем, называют Нефтидой. Поэтому Нефтиду зовут концом и говорят, что она — жена Тифона. А когда вздувшийся и разлившийся Нил достигает окраинных пределов, то это называют соитием Осириса и Нефтиды, о котором свидетельствуют возникающие растения; и среди них есть лотос, о котором миф рассказывает, что он, выпавший из венка и оставшийся на месте, стал для Тифона свидетельством оскорбления его брака. Вот почему Исида родила Гора благородно, а Нефтида Анубиса — незаконно. Причем в каталоге царей пишут, что Нефтида, сделавшись женой Тифона, была сначала бесплодной. Если так говорят не о женщине, а о богине, то подразумевают землю, неродящую и бесплодную из-за отсутствия влаги.

39. Также злой умысел и тирания Тифона означали преобладание той сухости, которая победила и развеяла влагу, порождающую и питающую Нил. А под его помощницей, эфиопской царицей, подразумеваются южные ветры из Эфиопии; ибо когда они побеждают этесии[121], которые гонят облака в Эфиопию, и когда не дают изливаться дождям, наполняющим Нил, тогда разгорается преследующий Осириса Тифон и, совсем одолев в это время Нил, который сам по себе смирен из-за скудности и мелко течет между высоких берегов, выталкивает его в море. По-видимому, так называемое положение Осириса во гроб означает не что иное, как иссяка-

ние и убыль воды. Поэтому говорят, что в месяце Афире[122] Осирис умирает: ведь когда стихают этесии, Нил совсем мелеет и земля обнажается; тогда, с удлинением ночи, густеет тьма, сила света терпит поражение и истощается, а жрецы исполняют мрачные обряды и в знак скорби о богине выставляют позолоченную корову, окутанную черным льняным покровом (они считают корову подобием Исиды и землей); и это продолжается четыре дня подряд, начиная с семнадцатого дня месяца. А причин для траура — четыре: во-первых, убывает и исчезает Нил, во-вторых, северные ветры совсем побеждены, а южные взяли верх, в-третьих, день становится короче ночи; наконец — обнажается земля и исчезает растительность, теряющая в это время листву. На девятнадцатую ночь процессии спускаются к морю; жрецы и столисты[123] несут священный ларь, имеющий внутри золотой ковчег, в который они, зачерпнув, наливают пресной воды. И поднимается крик окружающих, что найден Осирис. Затем к воде подносят плодородную землю и, смешав их с дорогими благовониями и фимиамом, лепят месяцевидную фигурку. Они обряжают и украшают ее, показывая, что считают этих богов субстанцией воды и земли.

40. Когда Исида снова воскресила Осириса и взрастила Гора, который окреп благодаря испарениям, туману и облакам, то Тифон был побежден, но не уничтожен. Так боги-

ня, повелительница земли, не позволила окончательно истребить природу, противоположную влаге, но ослабила и освободила ее, желая, чтобы смешение сохранялось, так как невозможен совершенный порядок в случае угасания и исчезновения огненного начала. И если даже об этом говорят неподобающим образом, то не следует все же пренебречь рассказом о том, как Тифон некогда захватил удел Осириса: ведь Египет был морем. Поэтому до сих пор в рудниках и горах обнаруживают много раковин; и все источники, и все колодцы (а их множество) имеют воду горькую и соленую, как будто здесь скопились застарелые остатки древнего моря. Но в свой срок Гор победил Тифона, т.е. после обильно выпавших дождей Нил, вытеснив море, возродил и воссоздал долину наносами. Об этом может свидетельствовать наблюдение: мы ведь и теперь видим, как река несет новый ил и движет землю против постепенно отходящего моря, и оно спадает с растущего из-за наносов дна. Остров Фарос, который Гомер знал отстоящим от Египта на расстояние дневного перехода[124], теперь является частью страны, и не потому, что он разросся и приблизился к земле, но оттого, что море, лежащее между ними, вытеснено рекой, которая налепляет и взращивает сушу. Но подобные представления имеются и в рассуждениях стоиков о богах; и они говорят, что Дионис — дух творческий и питательный, Геракл — насильственный и разрушительный, Аммон — восприимный; что Деметра и Кора — это все, имеющее отношение к земле и плодам, а Посейдон — к морю[125].

41. Однако, смешивая с природными причинами астрономические, полагают также, что Тифоном называется солнечный мир, а Осирисом — мир лунный[126]. Говорят, что луна, имея свет животворный и порождающий влагу, благоприятна и для размножения животных, и для цветения растений, а солнце неумеренным и жестоким огнем жжет и иссушает все растущее и цветущее, жаром своим делает необитаемой большую часть земли и часто одерживает победу над луной. Поэтому египтяне всегда называют Тифона «Сет», что значит «повелевающий» и «губящий». Миф рассказывает, что Геракл, обосновавшись на солнце, странствует вместе с ним, а Гермес — с луной[127]. И проявления луны подобны проявлению разума и совершенной мудрости, а действия солнца — ударам, совершаемым насилием и мощью. Стоики также говорят, что солнце поднимается из моря и вскармливается им, а для луны сладостные и нежные испарения посылает вода источников и озер.

42. Египетские сказания утверждают, что смерть Осириса наступила в семнадцатый день месяца, когда особенно очевидным становится завершение полнолуния. Поэтому пифагорейцы такой день называют преградой и вообще избегают этого числа. Ибо семнадцать, вторгаясь между шестнадца-

тью и восемнадцатью — числами, образующими квадрат и прямоугольник, которые из всех плоских фигур одни только имеют периметр, равный занимаемой ими площади,— разгораживает и отделяет их друг от друга и разрушает эпогдоническое отношение, само делясь на неравные части[128]. Что касается счета годов, то одни говорят, что Осирис жил, а другие — что он царствовал 28 лет. Ибо таков цикл луны и за столько дней завершает она свой круг. А из дерева, которое срубают на так называемых могилах Осириса, изготовляют серпообразный саркофаг, потому что луна, приближаясь к солнцу, скрывается и превращается в месяц. И четырнадцать частей, на которые был растерзан Осирис, указывают на дни, когда светило умирает от полнолуния до новолуния. День же, в который оно впервые появляется, вынырнув из солнечных лучей и миновав солнце, именуется «бесконечным благом»: ибо благодетелен Осирис, и многое означает его имя, и не в последнюю очередь им обозначают действенную и благотворную силу. Также второе имя Осириса, «Омфис», по словам Гермея[129], в точном переводе означает «благодетель».

43. Полагают, что некоторые указания на периоды луны содержат и разливы Нила. Самый большой из них у Элефантины поднимается на двадцать восемь локтей, а таково число мер и суток каждого месячного цикла; самый мелкий

у Мендеса и Ксоиса имеет шесть локтей в честь полумесяца; средний у Мемфиса, когда он правилен,— четырнадцать локтей в знак полнолуния. Также считается, что Апис — одушевленный образ Осириса и что он зачинается, когда животворный свет луны нисходит на ярящуюся корову и пронизывает ее[130]. Поэтому многие свойства Аписа напоминают особенности луны, и светлые места его кругом покрыты темными пятнами[131]. Далее, в новолуние месяца Фаменота египтяне справляют праздник, который они называют восхождение Осириса на луну и который является началом весны. Помещая, таким образом, энергию Осириса на луну[132], они говорят, что Исида, будучи для него началом женским, пребывает с ним как жена. Поэтому они называют луну матерью мира и считают, что она имеет природу и мужскую, и женскую, что она зачинает и беременеет от солнца, но и в свою очередь испускает в воздух животворные элементы, осеменяя его[133]. Ибо не всегда берет верх разрушительная сила Тифона, часто она бывает побеждена и скована энергией оплодотворения, а потом опять освобождается и сражается с Гором. Последний же — это земной порядок, не чуждый всецело ни смерти, ни рождению.

44. Некоторые толкуют миф как иносказание о затмениях. Ибо лунное затмение происходит, когда полная луна занимает положение против солнца и из-за этого попадает

в тень земли, как, по рассказам, Осирис — в гроб. Затем в свою очередь луна закрывает и затемняет солнце на тридцатый день месяца, но не губит его совсем, как Исида не губит Тифона. И когда Нефтида родила Анубиса, Исида приняла его как своего ребенка; ибо Нефтида — это то, что под землей и невидимо, а Исида — то, что над землей и зримо. Соприкасающаяся же с ними и называемая горизонтом окружность, общая обеим, названа Анубисом и изображается в виде собаки, потому что собака равно владеет зрением и днем, и ночью[134]. Египтяне полагают, что Анубис имеет ту же власть, что у эллинов имеет Геката, принадлежащая одновременно к числу преисподних и олимпийских божеств[135]. Некоторые же считают, что Анубис — это Крон, потому что он все рождает из себя и зачинает (*кюо*) в себе, за что и получил якобы прозвище собаки (*кюон*). Таким образом, почитатели Анубиса имеют некое тайное знание, и в древние времена собака получала величайшие почести; когда же Камбиз убил и выбросил Аписа[136], ни одно животное не подошло и не отведало тела, кроме собаки,— и тогда она перестала быть первой и чтимой более всех других животных. Есть и такие, которые называют Тифоном тень земли, в коей, по их мнению, затмевается соскользнувшая в нее луна.

Итак, есть основание сказать, что каждый в отдельности утверждает неправильно, а все вместе — правильно. Ибо ни сухость, ни ветер, ни море, ни мрак, но все, что природа имеет вредного и гибельного, можно считать частью Тифона. И не следует искать начало всего сущего в неодушевленных

телах, как Демокрит и Эпикур или как стоики[137] — в творце бескачественной материи, едином Разуме и едином Промысле, который все обнимает и властвует над всем. Ибо невозможно, чтобы возникло какое-либо зло там, где бог — причина всего, и добро там, где бог не сотворил ничего. По Гераклиту[138], «в мировой гармонии напряжение чередуется с ослаблением как у лиры и лука», а у Еврипида[139]:

Не могут существовать отдельно добро и зло,
Но должно быть некое смешение, чтобы было прекрасно.

И вот почему это древнейшее представление перешло от богословов и законоведов к поэтам и философам, не имея творца своего начала, но обладая твердой и непоколебимой убедительностью и распространяясь не только через рассказ и предание, но также через мистерии и обряды жертвоприношения везде — и у греков, и у варваров: не сама по себе колеблется Всеобщность вне разума, закона и управления, не единый Разум правит ею и направляет ее как бы рулем или властными удилами, но так как природа содержит в себе многое, причем в смешении добра и зла, или, как лучше и проще сказать, не имеет в этом мире ничего несмешанного, то не думай, что один хозяин, распределяя явления как питье из двух бочек, жульнически смешивает их для нас; напротив: из двух противоположных начал и от двух враждебных сил, из которых одна ведет нас направо и по верной дороге, а другая поворачивает вспять и уводит в сторону, произошла сложная жизнь и мир, если не весь, то этот, земной и подлунный,

неоднородный, пестрый и подверженный всяким переменам. И если ничто не возникает без причины, а добро не могло бы содержать в себе причину зла, то природа должна иметь особое начало и особый источник как для добра, так и для зла.

46. Таковое мнение большинства мудрейших людей. И одни полагают, что есть два бога, творящих добро и зло и подобных соперничающим ремесленникам, а иные благого называют богом, а другого — демоном, как, например, маг Зороастр, который, как рассказывают, жил за пять тысяч лет до Троянской войны. Он называет одно божество Горомадзом, другое — Ариманием[140] и указывает, что из всего чувственного первый более всего подобен свету, а второй — мраку и неведению, середину же между обоими занимает Митра. Поэтому персы называют Митру посредником. Зороастр также учил, что первому божеству надо приносить жертвы обетные и благодарственные, а второму — умилостивительные и мрачные. Поэтому Гадеса и Тьму[141] призывают они, измельчая в ступе некую траву, называемую омоми; затем, смешав ее с кровью заколотого волка, выносят в место, не знающее солнца, и бросают там: они полагают, что и растения одни принадлежат благому богу, а другие — злому демону. Также из животных собаки, например, птицы и лесные ежи, по их мнению,— собственность благого божества, а зло-

го — водяные мыши. Поэтому человека, убившего их в большом количестве, они прославляют как счастливца.

47. Однако и они рассказывают о богах много сказочного, например, следующее: Горомадз, произошедший от чистейшего света, и Ариманий, произошедший от тьмы, ведут друг с другом войну. И Горомадз создал шесть богов: первым — бога Доброй Мысли, вторым — Истины, третьим — Справедливости и затем остальных — Мудрости, Богатства и Творца благих наслаждений. Ариманий же сотворил равное им число соперников. Затем Горомадз, троекратно увеличившись, удалился от солнца настолько, насколько солнце удалено от земли, и украсил небо звездами. Одну звезду, Сириус, он поместил впереди других как стража и дозорного. Сотворив затем еще двадцать четыре бога, он поместил их в яйцо. Равные им по числу боги, произошедшие от Аримания, проникли в яйцо, вследствие чего добро смешалось со злом. Но грядет назначенное судьбой время, когда Ариманий, вызвавший мор и голод, будет за это по справедливости навсегда уничтожен и исчезнет, земля же станет ровной и гладкой, и будет одна жизнь и одно государство у всех людей, блаженных и говорящих на одном языке. А Феопомп[142] со слов магов утверждает, что на три тысячи лет по очереди один бог побеждает, а другой бывает побежден, затем три тысячи лет они бьются и сражаются и один разрушает творения другого; но в конце концов Гадес исчезнет, и люди станут счастливыми,

не нуждаясь в пище и не строя навеса. А бог, устроивший все это, отойдет на покой и будет отдыхать некоторый срок, который для него, как для бога, не велик, но умерен, как для спящего человека. Таково содержание легендарных историй магов.

48. Халдеи же утверждают, что из планет, которые они называют богами-покровителями, две приносят добро, две — зло и три являются средними, обладая обоими качествами. А мифы эллинов так или иначе известны всем. Благую часть они приписывают Зевсу Олимпийскому, дурную — Гадесу и рассказывают, что Гармония произошла от Афродиты и Ареса. Из них двоих он — суровый и упрямый, она — кроткая и заботливая. Обратим внимание, что с этим согласны и философы. Например, Гераклит[143] прямо называет войну «отцом, царем и владыкой всего» и говорит, что Гомер, когда он молит: «О, да погибнет вражда от богов и от смертных»[144], — «не замечает, что он проклинает источник всего сущего, ибо источник этот — в борьбе и противоположности»; еще говорит, что «Солнце не переступит положенных пределов, в противном случае его настигнут Лиссы — прислужницы Справедливости»[145]. Напротив, Эмпедокл называет благое начало «дружбой» и «любовью» и часто «нежной гармонией», дурное же — «пагубным раздором» и «кровавой борьбой». А пифагорейцы определили принцип добра через многие именования: единичность, завершенность, постоянство, прямота,

нечетность, четырехугольность, равенство, правая сторона, свет; принцип же зла через понятия: двоичность, безграничность, подвижность, кривизна, четность, разносторонность, неравенство, левая сторона, тьма; они считают все это началами, лежащими в основании природы. Анаксагор называет таковыми разум и беспредельное, Аристотель — форму и лишение, а Платон, часто затемняя и скрывая это, именует одно из противоположных начал тождеством, а другое — различием[146]. Но в «Законах»[147], будучи уже более зрелым, он говорит не иносказательно или символически, но в точных выражениях, что мир движет не одна душа, но, может быть, многие и, по крайней мере, не меньше, чем две; из них одна благотворная, а другая — противоположна ей и творит все противоположное. Посередине он оставляет место для третьей природы, не лишенной разума и самостоятельного движения, как полагают некоторые, но связанной с обоими началами, всегда стремящейся к лучшему и тоскующей по нему, и домогающейся его, как пояснит наше дальнейшее изложение, в котором учение египтян о богах более всего сближается с этой философией.

49. Итак, сложны исток и строение мира из-за противоположных и при этом не равномощных сил: превосходство остается за лучшей. Но и злое начало не может погибнуть совершенно, так как оно присуще значительной части тела

и значительной части души Всеобщего и постоянно ведет упорную борьбу с лучшей силой. Поэтому в природе духовной Осирис, владыка и повелитель всего самого благородного, это мысль и разум[148], а на земле, в ветрах, водах, в небе и на звездах все здоровое, устроенное и упорядоченное сроками, сочетаниями и периодами является истечением и подобием Осириса. Тифон же в пределах души — все бурное, титаническое, неразумное и непостоянное, а в материальной части — смертное, вредоносное, возбудительное и связанное с неупорядоченными сроками, нарушением пропорций, помрачениями солнца и лунными затмениями; все это — как бы набеги и мятеж Тифона. И об этом свидетельствует имя «Сет», которым называют Тифона, ибо оно означает «то, что губит» и «то, что совершает насилие», а также часто — «переворот» и опять-таки — «скачок». Некоторые говорят, что Бебон был одним из друзей Тифона, а Манефон[149] пишет, что самого Тифона называют Бебоном; значение же этого имени — «задержка» и «помеха», потому что сила Тифона препятствует явлениям, идущим по надлежащему пути и влекущимся к правильной цели.

50. По этим причинам из домашних животных Тифону посвящают самое грубое — осла, а из диких — самых необузданных — крокодила[150] и гиппопотама. Про осла мы

уже все объяснили. В Гермополе показывают изображение Тифона в виде гиппопотама, на котором верхом сидит сокол, сражающийся со змеей. В образе гиппопотама представляют Тифона, а в образе сокола — могущество и власть, которых Тифон добивается насилием, часто напрасно, сотрясаясь от злобы и сотрясая все вокруг. Поэтому, принося праздничные жертвы в седьмой день месяца Туби, который называют днем исхода Исиды из Финикии[151], египтяне налепляют на хлебцы изображение связанного гиппопотама. А в Аполлонополе существует обычай, чтобы все без исключения ели крокодилов[152]. В один день они ловят их столько, сколько могут, а затем убивают, бросают против святилища и рассказывают, что Тифон ускользнул от Гора, превратившись в крокодила, и что все дурные и вредные животные, растения и явления возникают как деяния, части и движения Тифона.

51. Опять-таки Осириса они изображают с помощью глаза и скипетра, первый из которых означает предвидение, а второй — власть; также Гомер[153], называя владыку и царя всего сущего «Зевс повелитель и наставник», через слово «повелитель», как кажется, выражает его могущество, а через «наставник» — благоволение и мудрость. И часто Осириса изображают соколом, ибо тот выдается силой зрения и быстротой полета и по природе таков, что поддерживает себя

малым количеством пищи. Рассказывают также, что он, пролетая над непогребенными мертвецами, кидает им на глаза землю[154]. Когда же он спускается к реке напиться, то ставит одно перо торчком; напившись, снова опускает его. Отсюда становится видно, что он избежал крокодила и остался цел; а если бы тот его схватил, то перо осталось бы торчащим, как он его поставил[155]. И везде показывают человекоподобные изображения Осириса с фаллом, подъятым в знак его производительной и питательной мощи[156]. И статуи его одевают в огненные покровы, потому что считают солнце телом благой энергии и как бы зримым выражением сверхчувственной сущности[157]. Поэтому достоин презрения тот, кто относит солнечный шар к Тифону, с которым не связано ничего светлого, ничего спасительного, никакого порядка, рождения и движения, обладающего размеренностью и смыслом, но которому присуще все противоположное. И засуху, губящую много животных и растений, надо считать делом не солнца, но ветров и вод, которые несвоевременно смешиваются на земле и в воздухе всякий раз, как владычество силы беспорядочной и необузданной, творя несправедливость, подавляет испарения.

52. В священных гимнах Осириса жрецы призывают его как укрытого в объятиях солнца, а на тринадцатый день месяца Эпифи, когда луна и солнце оказываются на одной

прямой, они празднуют день рождения очей Гора, потому что не только луну, но и солнце считают оком и светом Гора. На восьмой день исхода месяца Фаофи, после осеннего равноденствия, справляют праздник рождения посоха солнца, показывая, что светило как бы нуждается в опоре и поддержке, потому что начинает испытывать недостаток тепла и света, склоняясь и вкось удаляясь от нас. Кроме того, во время зимнего солнцестояния вокруг храма[158] семь раз обводят корову; обход называется «поисками Осириса», потому что богиня жаждет зимней воды. А идут они столько раз потому, что переход от зимнего солнцестояния к летнему совершается в семь месяцев. И говорят, что Гор, сын Исиды, раньше всех приносит жертвы солнцу, когда наступает четвертый день месяца; так это записано в книге «О дне рождения Гора». И каждый день египтяне воскуряют солнцу трояким образом: камедью на восходе, смирной в полдень и так называемым куфи на закате; какой смысл имеет каждое из этих воскурений, я расскажу позже. Они думают, что с помощью всего этого они возносят к солнцу молитвы и служат ему. Что за нужда, однако, нагромождать во множестве подобные мнения? Дело в том, что есть люди, которые прямо утверждают, что Осирис — это солнце и что эллины называют его Сириус[159], даже если добавление у египтян артикля делает имя сомнительным. Они же доказывают, что Исида — не что иное, как луна. Поэтому-де изображения ее с рогами являются подобиями лунного серпа, а черные покровы символизируют затмения и затемнения, в которых она, тоскуя по солнцу, следует за ним. Поэтому луну призывают в любовных делах, а Эвдокс говорит, что Исида повелевает любо-

вью. Этим рассказам присуще хоть какое-то правдоподобие, но не стоит даже слушать тех, кто превращает Тифона в солнце. Однако вернемся опять к нашему собственному повествованию.

53. Итак, Исида есть женское начало природы, и она вмещает в себя всякое порождение, почему Платон[160] восхваляет ее как «кормилицу» и как «всеобъемлющую», а большинство — как «многоименную» из-за того, что она принимает всяческие виды и формы, изменяясь по воле разумного начала. Она имеет врожденную любовь к Первому и Самому могущественному, что тождественно добру, и жаждет его, и стремится к нему. А доли зла она избегает и не принимает; являясь для обоих почвой и материалом, она по собственному побуждению склоняется всегда к лучшему, дает ему из себя потомство, позволяет осеменять себя истечением и подобием, и радуется этому, и счастлива, что зачинает и наполняется творениями. В материи же творение является образом сущности, а возникающее — подобием сущего.

54. Поэтому мифы, не противореча сути, рассказывают, что душа Осириса вечна и бессмертна, что плоть многократно

разрывает и прячет Тифон и что Исида, странствуя, отыскивает и снова складывает тело: ибо сущее, сверхчувственное и благое сильнее уничтожения и перемены. Его образы отпечатывает на себе чувственное и телесное начало, принимая от него идеи, формы и подобия, которые, как печать на воске, остаются не навсегда; ими завладевает сила беспорядочная и вносящая расстройство, явившаяся сюда из высших сфер и ведущая войну с Гором, которого Исида родила как чувственное подобие нематериального мира. Поэтому говорят, что он был привлечен Тифоном к суду за незаконнорожденность как тот, который не является чистым и беспримесным подобно отцу, самодовлеющему Разуму, несмешанному и неизмененному, но имеет естество, испорченное телесностью. Гор одолевает и побеждает благодаря Гермесу, то есть слову, которое свидетельствует и показывает, что природа творит мир, видоизменяясь через начало сверхчувственное. А рождение Аполлона от Осириса и Исиды, когда эти боги были еще во чреве Реи, есть символ того, что, прежде чем мир стал зримым и материя была завершена с помощью разума, природа испытала самое себя и произвела на свет первое несовершенное порождение. Поэтому говорят, что этот бог родился в темноте калекой и называют его старшим Гором. Он не был миром, но только образом и отражением будущего мира.

55. Сам же Гор закончен и совершенен; и он не уничтожил Тифона совсем, но лишил его предприимчивости и силы.

Поэтому в Копте, как говорят, статуя Гора держит в одной руке фалл Тифона. Также, согласно мифу, Гермес вырвал из Тифона жилы, чтобы использовать их на струны; так они учат, что разум, устраивая Всеобщность, сделал ее гармоничной из негармоничных частей и не уничтожил, но только искалечил разрушительную силу. Поэтому она, в нашем мире вялая и ослабленная, смешивается и соединяется со всякой бурной и изменчивой стихией и является творцом трясений и толчков на земле, засухи и дурных ветров в воздухе, а также громов и молний. Эта сила заражает мором воды и ветры, взбегает наверх до луны и беснуется, часто затемняя и уничтожая ее свет, так что египтяне думают и говорят, что в такой-то момент Тифон ударил Гора в глаз — в такой-то, выбил его и пожрал, а потом — снова отдал солнцу. Под ударом они разумеют ежемесячную убыль луны, а под увечьем — затмение, которое вылечивается солнцем, посылающим свет луне, когда та выходит из земной тени.

56. Итак, могущественная и божественная природа состоит из трех начал: сверхчувственного, материального и того, что происходит от них и что эллины именуют космосом. Платон обычно называет сверхчувственное идеей, образцом и отцом, а материальное — матерью и кормилицей, а также вместилищем и почвой рождения; то же, что происходит от обоих,— отпрыском и порождением. И, видимо, египтяне сравнивают природу Всеобщности с красивейшим из треугольников, так

что Платон в «Государстве»[161], кажется, воспользовался им, сочиняя символическое обозначение брака. Этот треугольник имеет катет из трех частей, основание — из четырех и гипотенузу из пяти, причем сила ее[162] равна силе двух других сторон. Таким образом, катет можно считать мужским началом, основание — женским, а гипотенузу — отпрыском обоих. Также Осириса можно считать началом, Исиду — вместилищем, а Гора — исходом. К тому же «три» является первым нечетным и совершенным числом; «четыре» — это квадрат, стороны которого — четные двойки; «пять» же частью походит на отца, частью — на мать, будучи составлено из тройки и двойки. И Всеобщность (панта) получила имя от пяти (пенте), и вместо «считать» говорят «пятерить». Пять образует из себя числовой квадрат, равный количеству египетских букв и числу лет, прожитых Аписом[163]. Что касается Гора, то его обычно называют еще «Мин», что значит «зримый», ибо космос чувствен и зрим. А Исиду иногда называют «Мут», а также «Афири» и «Мефиер». Первое имя у них означает «мать», второе — «земное вместилище Гора», как у Платона — «кормилица» и «почва рождения». Третье имя составлено из «полноты» и «блага»[164]: ибо полна материя мира и связана она с благим, чистым и упорядоченным.

57. Может показаться, что подобным же образом и Гесиод, делая первичными Хаос, Землю, Тартар и Любовь, имеет в виду не другие начала, но эти самые; если же гово-

рить об именах, то, изменив их, мы так или иначе назовем Землю Исидой, Любовь — Осирисом, а Тартар — Тифоном; Хаос же, как представляется, поэт помещает внизу в качестве почвы и пространства Всеобщности. Эти обстоятельства так или иначе вызывают в памяти платоновский миф, который в «Пире» Сократ рассказывает о рождении Эрота[165]. Он повествует, как Пения, желая ребенка, прилегла к спящему Пору и, зачав от него, родила Эрота[166], имеющего смешанную и неоднородную природу, потому что он родился от отца благородного, мудрого и во всем независимого, от матери же — беспомощной, бедной, льнущей из-за нужды к другим и клянчащей у них. А Пор — не кто иной, как первый возлюбленный, желанный, совершенный и независимый. Пенией же он назвал материю, не имеющую в самой себе блага, однако наполняющуюся им, и всегда стремящуюся к нему, и берущую его долю. Родившийся от них космос, или Гор, не является ни вечным, ни неизменным, ни бессмертным, но, беспрестанно перерождаясь, он движется и остается юным и неуничтожимым благодаря периодам и смене явлений.

58. Итак, мифами нужно пользоваться не просто как историями, но следует выбирать из каждого полезное, руководствуясь сходством. Поэтому когда мы говорим о материи, не должно, увлекаясь учениями некоторых философов[167],

полагать в ней некое бездушное тело, и бескачественное, и инертное, и бесполезное само по себе. Ведь мы называем елей материей мира[168], а золото — материей статуи, а они не лишены вовсе качественной определенности. И самое сознание и душу человека, как сырой материал знания и доблести, мы предоставляем разуму, чтобы он украшал и упорядочивал их. И некоторые доказывают, что ум является вместилищем идей и материей для оттиска сверхчувственного начала[169]. А другие думают, что и семя женщины не является ни энергией, ни началом, но материей и пищей порождения. И вот как следует судить о богине тем, кто придерживается таких представлений: она постоянно причастна к первому богу и сочетается с ним из любви к красоте и благу, которые его окружают, и не чужда ему, но, как мы говорим, что законный и праведный муж любит по праву и порядочная женщина, имеющая мужа, тем не менее страстно желает его, так и она всегда льнет к нему, и просит у него, и наполняется важнейшими и чистейшими его частями.

59. И полагают, что когда Тифон совершает вторжение и достигает крайних пределов, то она впадает в уныние, и говорят, что она поднимает плач, разыскивает и одевает останки и клочья Осириса, а поврежденные части принимает в себя и скрывает их, чтобы снова явить и испустить из себя как по-

рождения. Таким образом, мысли, образы и истечения бога, пребывающие на небе и звездах, остаются неизмененными, а то, что рассеяно в изменчивой природе — в земле, море, животных и растениях, то, что растерзано, погублено и похоронено,— часто вновь является и сияет в порождении. Поэтому миф гласит, что Нефтида сожительствует с Тифоном, но что Осирис тайно сошелся с нею. Ведь разрушительная сила владеет преимущественно крайними пределами материи, которые называются Нефтидой, или Концом. А сила плодотворная и охранительная уделяет ей только слабое и хилое семя; его же губит Тифон, кроме того, которое Исида подбирает, сохраняет, вскармливает и взращивает.

60. Короче говоря, этот бог[170] — весьма благой, и так полагают Платон и Аристотель. Плодотворная и охранительная часть природы движется к нему и к бытию, а гибельная и разрушительная — от него и к небытию. Поэтому имя «Исида» производят от понятий «разумно двигаться» (*иестай*) и «влечься», ибо она есть одушевленное и осмысленное движение. Имя это не варварское, но как общее наименование всех богов (*теос*) происходит от слова «зримый» (*театос*) и «движущийся» (*теон*)[171], так и эту богиню мы, подобно египтянам, называем Исидой в честь знания и движения. Поэтому Платон говорит[172], что древние выражали понятие

сущности (*усия*), называя ее «исия». Так же, по его словам, они толковали мысль (*ноэсис*) и сознание (*фронэсис*)[173], которые являются как бы перемещением и движением разума, стремящегося и влекомого; и они усматривали единение, благо и доблесть во всем вечно текущем и влекущемся. Точно таким же образом противоположными именами они порицали зло: все, что сковывает и связывает природу, все, что задерживает и мешает стремлению и движению, они называют пороком (*какиа*), скудностью (*апориа*), трусостью (*дейлиа*), мукой (*аниа*)[174].

61. Также Осирис имеет имя, составленное из слов «святой» (*осиос*) и «священный» (*иерос*)[175], ибо он является общим разумным началом[176] сущего в небе и в преисподней; причем у древних был обычай первое называть святым, а второе — священным. А тот, кто изъясняет небесные явления,— Анубис, который является законом вышней сферы,— тот иногда называется Германубисом; одним именем он связан с тем, что наверху, другим — с тем, что внизу. Поэтому в жертву ему приносят как белого петуха, так и пестрого: считают, что вышнее беспримесно и светло, а дольнее — смешанно и пестро. И не надо удивляться, что эти имена перекраиваются на греческий лад; ибо бесчисленное множество других слов, которые ушли в изгнание вместе с перекочевав-

шими из Эллады людьми, до сих пор сохраняются и живут как иноземцы среди чужих народов, и тот, кто называет их глоттами, ложно обвиняет поэзию, употребляющую некоторые из них, в варваризме. Еще пишут, что в так называемых Книгах Гермеса о священных именах говорится, что энергию, связанную с вращением солнца, египтяне называют Гором, а эллины — Аполлоном; энергию же, связанную с ветром, одни называют Осирисом, другие — Сараписом, третьи по-египетски — «Софис». А «Софис» означает «беременность» (*киэсис*) или «быть беременной» (*киэйн*). Поэтому вследствие ошибки в словах по-гречески Псом (*кион*) называется то созвездие, которое считают уделом Исиды. Итак, менее всего стоит препираться из-за имен; однако я скорее уступлю египтянам имя Сараписа, чем Осириса, ибо первое из них — чужеземное, второе — греческое, и я считаю, что оба они принадлежат одному богу и одной энергии.

62. Со всем этим согласуются и представления египтян; ибо часто они называют Исиду именем Афины, которое имеет следующее значение: «я сама пришла», что служит указанием на самопроизвольное движение. Тифон же, как было сказано, именуется Сетом, Бебоном и Сму, и этими именами хотят обозначить некую насильственную и стеснительную помеху, или противоречие, или переворот. Более того, как

пишет Манефон, магнит называют костями Гора, а железо — костями Тифона, ибо оно часто как бы увлекается и притягивается магнитом, но часто — бывает отражено и отброшено в противоположную сторону. Точно так же спасительное, благое и разумное движение мира путем убеждения обращает, привлекает и смягчает упрямое движение Тифона, а потом, приблизив к себе, снова отталкивает и топит в беспредельности[177]. И еще Эвдокс говорит, что египтяне в мифе о Зевсе рассказывают, будто у него были сросшиеся ноги и он не мог ходить и от стыда жил в пустыне; и что Исида, расщепив и разделив эти части его тела, даровала ему легкую походку. Под всем этим миф подразумевает, что мысль или разум бога, сам по себе пребывавший в незримости и безвестности, оказался явленным благодаря движению.

63. Также систр является символом того, что все сущее по необходимости сотрясается и никогда не прекращает круговращения; напротив, все заснувшее и потухшее как бы расталкивается и пробуждается. Рассказывают, что с помощью систров отпугивают и отражают Тифона, и этим дают понять, что в то время как уничтожение связывает и подавляет природу, рождение вновь освобождает и воскрешает ее через движение. К тому же верхняя часть систра кругообразна, и дуга охватывает четыре сотрясаемых предмета; ведь и часть

мира, подверженная рождению и смерти, объемлется лунной сферой, и все в ней движется и изменяется через четыре стихии: огонь, землю, воду и воздух. На дуге систра, сверху, высекают кота с человеческим лицом, а внизу, под тем, что сотрясается, в одном месте — лицо Исиды, в другом — лицо Нефтиды[178], обозначая ликами рождение и смерть, ведь именно они суть перемещение и движение элементов. А под котом подразумевается луна из-за пестроты, ночных блужданий и плодовитости зверя. Говорят, что он рождает одного детеныша, потом двух, трех, четырех и пятерых; и так он прибавляет по одному до семи, причем всегда рождает двадцать восемь, а таково число лунных суток. Впрочем, это, пожалуй, слишком фантастично. И кажется, что зрачки в глазах кота наполняются и расширяются в полнолуние, а при убыли светила — утончаются и слепнут. Человеческие же черты кота символизируют осмысленное и разумное начало в чередованиях луны.

64. Короче говоря, неверно считать воду, солнце, землю или небо Осирисом или Исидой; с другой стороны, если мы отнесем к Тифону не огонь, засуху или море, но вообще все неумеренное и неупорядоченное из-за избытка или недостатка, а все налаженное, благое и полезное будем чтить и уважать как дело Исиды и как образ, отражение и мысль Осириса,

то мы не ошибемся. Мы также прервем Эвдокса, когда он выражает недоверие и недоумевает, почему Деметру не касаются любовные дела, а Исиду — касаются, и почему Дионис не может ни вызвать разлив Нила, ни править над мертвыми. Ибо путем простого рассуждения я заключаю, что эти боги повелевают всякой долей блага, и все благое и прекрасное в природе возникло благодаря им, причем Осирис дает начала, а Исида принимает и распределяет их.

65. Точно так же мы выступим и против многочисленных невежд, которым приятно соотносить легенды о столь великих богах или с сезонными переменами климата, или с пахотой, временем сева и рождением плодов. Они говорят, что Осириса хоронят, когда скрывается в землю посеянное зерно, и что он воскресает и является вновь, когда начинается произрастание. Поэтому рассказывают, что Исида, узнав, что зачала, надела амулет с наступлением шестого дня месяца Фаофи и что к зимнему солнцевороту она родила среди ранних цветов и побегов недоношенного и недоразвитого Гарпократа. Поэтому ему приносят начатки взошедшей чечевицы, а день рождения празднуют после весеннего равноденствия. Тот, кто слушает подобные вещи, получает удовольствие и верит, поспешно обретая объяснение в том, что ему доступно и привычно.

66. И, напротив, нет ничего страшного, если, во-первых, египтяне свято блюдут общих (для всех людей) богов и не делают их своей собственностью, не распространяют их имена только на Нил и на землю, которую Нил орошает, не называют единственным божественным творением болото или лотос и не отнимают великих богов у остальных народов, у которых нет ни Нила, ни Бута, ни Мемфиса. Исиду же и связанных с ней богов знают и признают все люди, и если некоторых они научились называть египетскими именами недавно, то власть каждого знают и чтят с самого начала. Во-вторых, что более важно, они очень заботятся и боятся, как бы незаметно не уничтожить и не распылить божественное начало в ветре, реке, семени, жатве, состоянии земли и смене времен года, как делают те, кто отождествляет Диониса с вином, а Гефеста — с огнем. Также Клеанф где-то говорит[179], что Персефона — это дуновение, которое поднимается от хлебов и гибнет. А некий поэт написал о жнецах: «Когда сильные рассекают тело Деметры...» Эти люди нисколько не отличаются от тех, кто считает парус, якорь и канат — кормчим, нить и челнок — ткачом, а чашу, медвяную смесь или ячменный напиток — врачевателем. Так они порождают ужасное и безбожное учение, перенося имена богов на бесчувственную и бездушную природу и вещи, которые неизбежно разрушаются людьми, имеющими в них нужду и пользующимися ими. Но невозможно представить себе, чтобы подобные явления были богами.

67. Ибо божество не лишено мысли и души и не подчинено людям. Мы же признали богами тех, кто дарует и доставляет нам в пользование все вечное и долговечное, и мы не различаем разных богов у разных народов,— ни варварских и эллинских, ни южных и северных. Но как солнце, луна, небо, земля и море являются общими для всех и только называются у разных людей по-разному, так для единого, все созидающего Разума, и для единого, всем распоряжающегося Промысла[180], и для благотворных, во всем распространенных сил у разных народов существуют разные почести и названия. И небезопасно пользуются священными символами, один — смутными, другие — более ясными, направляя умозрение к божественному. Ибо некоторые, сбиваясь с пути, соскальзывают в суеверие, а другие, избегая суеверия как трясины, опять-таки неожиданно скатываются, как в пропасть, в безбожие.

68. Поэтому в таких делах нужно прежде всего взять в наставники философское учение и благочестиво рассуждать обо всем сказанном и сделанном. И как Феодор[181] рассказывает, что слова его, которые он подавал правой рукой, некоторые из слушателей принимали левой, так да не ошибемся и мы, понимая иначе то, что законы прекрасно устано-

вили о жертвоприношениях и праздниках. А что все сводимо к разумному, это можно почерпнуть у самих египтян. В девятнадцатый день первого месяца они устраивают праздник в честь Гермеса, едят мед и фиги и восклицают: «Сладка истина». И амулет Исиды, который, согласно мифу, она надела на себя, толкуют как «правдивый голос»[182]. Также Гарпократа следует считать не уродливым богом-ребенком и не каким-нибудь божеством бобов, но защитником и выразителем раннего, несовершенного и несформировавшегося учения людей о богах. А в месяц Месоре ему приносят бобы и говорят: «Язык — счастье, язык — божество». Рассказывают, что из всех египетских растений богине чаще всего жертвуют персею, потому что плод ее похож на сердце, а лист — на язык. И из всего, чем владеет человек от рождения, нет ничего божественнее слова, особенно — слова о богах, и ничто не имеет большего значения для счастья. Поэтому приходящему сюда к оракулу[183] мы советует мыслить благочестиво и говорить пристойно. Но смешно поступает большинство людей, которые в процессиях и на праздниках провозглашают устами глашатая благоречие, а потом дурно говорят и думают о самих богах.

69. Но как же следует относиться к мрачным, безрадостным и скорбным празднествам и жертвам, если не подобает ни пренебрегать установлениями, ни смешивать и запутывать

учение о богах нелепыми подозрениями? И у греков почти в то же самое время совершается многое, подобное тому, что делают египтяне во время священнослужений[184]. Так, в Афинах женщины в праздник Фесмофорий постятся, сидя на земле, а беотийцы передвигают святилища Скорбящей[185] и называют этот праздник тягостным, потому что Деметра пребывает в печали из-за ухода Коры вниз. На сезон Плеяд приходится тот месяц посева, который египтяне называют «Афир», афиняне — «Пианепсион», а беотийцы — «Даматрий». А Феопомп пишет, что обитатели запада считают и называют зиму Кроном, лето — Афродитой, а весну — Персефоной и думают, что все произошло от Крона и Афродиты[186]. Фригийцы же, полагая, что зимой бог спит, а весной просыпается, то усыпляют его, то пробуждают вакхическим служением. А пафлагонцы утверждают, что зимой бог связан и заперт, а весной — встряхивается и освобождается.

70. Также определенное время года вызывает подозрение, что печаль происходит от сокрытия зерен, которых древние считали не богами, но дарами богов, великими и необходимыми для того, чтобы не жить дико и звероподобно. В ту пору, когда они видели, что плоды на деревьях портятся и совсем пропадают, они с трудом и скудно сеяли зерно, разгребая землю руками и снова накидывая ее, и клали семя

в землю в неведении, примется ли оно и достигнет ли зрелости, и делали многое подобно тем, кто хоронит и скорбит. Опять-таки, как о покупателе книг Платона мы говорим, что он покупает Платона, а о том, кто декламирует сочинения Менандра, говорим, что он играет Менандра, так и они не чурались именами богов называть их дары и творения, почитая и возвеличивая их за полезность. Потом же, воспринимая это невежественно и без понимания, перенося на богов превращения зерна и не только называя, но и считая появление и исчезновение необходимого пропитания рождением и смертью богов, преисполнились глупых, преступных и мутных учений, хотя нелепость этой бессмыслицы била им в глаза. И справедливо Ксенофан из Колофона[187] настаивает, чтобы египтяне, если они считают плоды богами, не оплакивали их, а если оплакивают, то чтобы не считали богами: разве не смешно, что тот, кто оплакивает, одновременно молит их явиться вновь и созреть для него с тем, чтобы они опять погибли и были оплаканы.

71. Однако дело обстоит не так. Ведь они оплакивают плоды, а молят богов, первопричину и дарителей, чтобы те создали и взрастили новый урожай взамен погибшего. Поэтому прекрасно говорят философы, что тот, кто не научился правильно слышать слова, плохо проявляет себя и в деле. Так, некоторые из эллинов, не научившись и не привыкнув

называть медные, рисованные и каменные изображения статуями и знаками почета богам, затем осмелились говорить, что Афину ободрал Лахар, златокудрого Аполлона остриг Дионисий, а Зевс Капитолийский сгорел и погиб во время Союзнической войны[188]; таким образом, они незаметно насаждают и протаскивают дурные представления, вытекающие из слов. Все это в не меньшей степени испытали и египтяне из-за почестей, оказываемых животным. В этом случае греки правильно и говорят, и думают, что голубь — любимая живность Афродиты, змея — Афины, ворон — Аполлона, а собака — Артемиды, как сказал Еврипид:

Ты станешь собакой — кумиром светоносной Гекаты.

Большинство же египтян, хотя и ублажая этих животных как богов, не просто наполнили свои священные обряды смешными и забавными вещами — это еще наименьшее зло глупости; но возникает ужасное учение, ввергающее слабых и невинных в подлинное суеверие, а у более остроумных и дерзких вырождающееся в дикие, отрицающие богов суждения. Поэтому будет не лишним сказать об этом разумное слово.

72. Представление о том, что боги вселились в подобных животных из страха перед Тифоном, как бы спрятавшись в тела ибисов, собак и соколов, перещеголяло всякую

небылицу и сказку[189]. Также недостоверно, что воскресение сохранившихся душ умерших происходит как переселение только в эти существа. Из тех, кто желает сослаться на государственные дела, одни рассказывают, что Осирис в большом своем походе разделил войско на многие части, которые по-гречески называются отрядами и колоннами, и дал всем знаки в виде зверей, каждый из которых стал священным и почитаемым для рода того, кому они были назначены; другие говорят, что позднейшие цари ради устрашения врага являлись, надев золотые и серебряные звериные маски; третьи же пишут, что один грозный и хитрый царь, усмотрев, что египтяне по природе легкомысленны и чрезвычайно склонны к переменам и новшествам и что, когда они единомышленны и действуют заодно, сила их непобедима и неукротима благодаря численности, явил им и посеял среди них неискоренимое суеверие как основание для вечного раздора. Так как разным племенам он приказал чтить и почитать разных тварей, а животные относились друг к другу неприязненно и враждебно и по своей природе стремились пожрать друг друга, то люди постоянно защищали каждый своих, с трудом переносили, если животных обижали и, незаметно вовлеченные в их вражду, перессорились между собой. И до сих пор среди египтян только ликополиты едят овцу в подражание волку, которого они считают богом. Оксиринхиты же до наших дней ловят собаку, закалывают ее и поедают как жертвенное животное, потому что кинополиты едят осетра[190]. По этой причине они вступили в войну, причинили друг другу ущерб, а позже были обузданы и помирены римлянами.

73. Но так как многие утверждают, что в этих тварей[191] переселилась душа самого Тифона, то, возможно, миф символически показывает, что все неразумное и дикое в природе есть часть дурного демона, и, для того чтобы умилостивить и унять его, многие пекутся и заботятся об этих животных. И если приключается длительная и тяжкая засуха, вызывающая сверх прочего или губительный мор, или другие неожиданные и ужасные бедствия, то жрецы во мраке, тишине и молчании выводят некоторых из почитаемых животных и сначала грозят им и запугивают их, а если бедствие продолжается, закалывают и приносят их в жертву, как будто это является наказанием демона или, иначе,— великой искупительной жертвой в великой беде. А в городе Илифии, как пишет Манефон, заживо сжигали людей, которых называли Тифоновыми и, провеивая их пепел, рассеивали и уничтожали его. И это делали открыто и в определенное время: в «собачьи» дни. Жертвоприношения же чтимых животных совершаются втайне, в неустановленный срок, от случая к случаю и скрытно от толпы, за исключением погребальных церемоний, когда выставляют трупы некоторых животных и хоронят их вместе, в присутствии всех, считая, что в свою очередь наносят ущерб и вредят тому, что любит Тифон. Ибо Осирису, по-видимому, посвящен только Апис с немногими другими животными, а Тифону предназначают большую часть тварей. Если это объяснение правильно, то я думаю, что оно отвечает на расспросы относительно тех живностей, которые признаны всеми и которые получают общеизвестные почести; таковыми являются ибис,

сокол, собакоголовая обезьяна, сам Апис и Мендес: так называют в городе Мендесе козла.

74. Остаются еще полезность и иносказательность; некоторые обычаи имеют то или другое основание, большинство же обладает и тем, и другим. Очевидно, что быка, овцу и фараонову мышь стали чтить ради нужды в них и их полезности (так, жители Лемноса чтят жаворонка, который отыскивает и разбивает яйца саранчи. А фессалийцы почитают аистов, потому что, когда земля порождает множество змей, аисты являются и уничтожают их всех. Поэтому они приняли закон о том, что каждый, убивший аиста, отправляется в изгнание); чтили также аспида, ласку и скарабея, так как усматривали в них некое слабое подобие божественного могущества, как в каплях — отражение солнца. До сих пор многие думают и рассказывают, что ласка зачинает через ухо, а рождает — через рот, и что это — подобие рождения слова; также говорят, что скарабеи не имеют самок и что все самцы испускают семя в вещество, сбитое в шарики, которые они катят, толкая их назад, так же как солнце, по-видимому, вращает в обратном направлении небо, направляясь само с запада на восток. Аспида же сравнивают со звездой[192], потому что он не стареет и двигается легко и ловко без помощи членов.

75. Так же и крокодил пользуется почетом, не лишенным убедительного основания,— ведь его называют подобием бога потому, что только у него одного нет языка, а божественное слово не нуждается в звуке и,

двигаясь по бесшумному пути,
справедливо правит делами смертных[193].

И говорят, что из обитателей воды только у него одного глаза прикрывает нежная и прозрачная пленка, спускающаяся со лба, так что он видит, будучи невидимым, а это свойство присуще Первому богу. И где самка крокодила откладывает яйца, там она отмечает предел разлива Нила. Ибо откладывать в воде они не могут, далеко от воды — боятся, но так точно предугадывают будущее, что принося и обогревая яйца, они пользуются подъемом реки и сохраняют их сухими и неподмоченными. Они кладут шестьдесят яиц, столько же дней высиживают их, и столько же лет живут самые долголетние крокодилы, а это число — первое для тех, кто занимается небесными светилами. Что касается животных, которых почитают по двум причинам, то о собаке было сказано выше. Ибис же, который убивает смертоносных пресмыкающихся, первым научил людей пользоваться врачебными очищениями, ибо они видели, как он промывает и опорожняет сам себя. И самые строгие жрецы, подвергаясь очищению, берут очистительную воду там, где пил ибис, потому что если вода вредна или околдована, он не пьет ее и даже не подходит к ней. Расстояние между ногами и промежуток между ногами

и клювом образуют у него равносторонний треугольник, а узорчатое смешение его черных и белых перьев напоминает месяц. И не нужно удивляться, что египтяне привержены к таким слабым подобиям. Ведь и греки для лепных и рисованных изображений богов используют многие похожие символы. Например, на Крите была статуя Зевса, не имеющая ушей: ибо ничего не подобает слышать повелителю и владыке всего сущего. Возле статуи Афины Фидий поместил змею, а возле статуи Афродиты в Элиде — черепаху, потому что девы нуждаются в защите, а замужним женщинам пристали домоседство и молчаливость. Трезубец же Посейдона символизирует третью часть земли, которой владеет море, занимающее место после неба и воздуха; и отсюда произошли имена Амфитриты и тритонов. Также пифагорейцы украшают именами богов числа и фигуры. Равносторонний треугольник они называют Афиной, рожденной из головы и трижды рожденной[194], потому что его делят три перпендикуляра, проведенные из трех углов. Единицу называют Аполлоном из-за того, что она отрицает множественность и из-за простоты единичного; двойку — раздором и дерзостью, а тройку — справедливостью: так как нанесение несправедливости и претерпевание оной проистекает из недостатка и избытка, то справедливость, благодаря равновесию, оказывается посредине; а так называемая четверица, число «тридцать шесть», была, как общеизвестно, величайшей клятвой и называлась космосом, потому что она образована из соединения первых четырех и четырех нечетных чисел[195].

76. Итак, если самые знаменитые философы, усматривавшие отражение божества в бездушных и бестелесных элементах, думали, что ничем нельзя пренебрегать и ничто нельзя оставлять без внимания, то я полагаю, что особи, облеченные в естество, способное к восприятию, имеющее душу, чувство и характер, тем более достойны любви; и почитают не их, но через них — божество, потому что они являются его яснейшим и природным зеркалом и потому что в них надо признать творения и создания все устраивающего бога[196]. Да и вообще не следует бездушное ценить выше одушевленного и бесчувственное — выше способного к восприятию, не следует — даже если бы кто-нибудь соединил вместе и воедино все золото и все смарагды. Не в цвете, форме или гладкости обитает божество, ибо то, что не причастно и по природе своей не может быть причастно к жизни, имеет участь более бесславную, чем участь мертвых. Природа же, которая живет, видит, имеет в себе источник движения и знание своего и чужого, впитала в себя истечение и долю красоты от Мыслящего, «кем управляется Все», — как сказал Гераклит. Поэтому нисколько не хуже уподоблять божество этим живностям, чем медным и каменным изделиям, которые подвержены порче и изменению и лишены от природы всякого чувства и разума. Вот что больше всего одобряю я из того, что говорят о почитаемых животных.

77. Что касается одежды, то у Исиды она пестрого цвета, ибо, принадлежа к материи, энергия ее становится всем и все в себе заключает: свет и тьму, день и ночь, огонь и воду, жизнь и смерть, начало и конец. Одеяние же Осириса не приемлет тень и пестроту и является одним чистым подобием света, ибо начало — беспримесно, и ни с чем не смешано первичное и сверхчувственное. Поэтому, надев однажды это платье, жрецы затем снимают его и берегут невидимым и неприкосновенным. А покровами Исиды они пользуются часто, потому что чувственное и доступное, когда его используют, представляет много случаев раскрывать и лицезреть себя, изменяясь каждый раз по-разному. Напротив, знание сверхчувственного, чистого и простого[197], просияв сквозь душу, как молния, только один раз позволяет коснуться и увидеть себя. Поэтому Платон и Аристотель[198] называют все это мистической частью философии, ибо, миновав сложное и разнородное с помощью разума, люди возносятся к этому первичному, простому и нематериальному началу и, по-настоящему коснувшись заключенной в нем чистой истины, полагают, что обладают наконец всей мудростью.

78. И вот на что осторожно намекают нынешние жрецы, служа истине и укрывая ее: этот бог[199] правит и царствует

над мертвыми, и он есть не кто иной, как тот, кто называется у эллинов Плутоном или Гадесом; а так как истина эта непонятна, то она приводит в замешательство многих людей, подозревающих, что в самом деле святой и священный Осирис обитает в земле и под землей, где скрываются тела тех, кто, как полагают, обрел конец. Напротив, этот бог очень далек от земли и пребывает нетронутым, незапятнанным и чистым от всякой сущности, причастной к разрушению и смерти. И для людских душ, которые облекаются в этом мире в тела и страсти, бывает сопричастие богу только как образу туманного сновидения, которого можно коснуться познанием с помощью философии. Когда же души освобождаются и переходят в невидимое, незримое, невозмутимое и непорочное обиталище, тогда этот бог становится для них владыкой и царем, из-за него они как бы привязаны к несказанной и невыразимой для людей красоте, созерцают ее и ненасытно стремятся к ней. И, как гласит старинное предание, Исида, полюбив красоту, вечно тяготея к ней и пребывая с ней, наполняет наш мир всем прекрасным и благим, что имеет отношение к рождению. Таково объяснение всего этого, более всего соответствующее божественной природе.

79. И если еще надлежит, как я обещал, рассказать о ежедневных воскурениях, то кто-нибудь сначала мог бы подумать об этом, что люди всегда окружают великой забо-

той обычаи, имеющие отношение к здоровью; особенно религиозным обрядам, очищениям и строгому образу жизни попечение о здоровье присуще не меньше, чем благочестие. Ибо египтяне не считают достойным служить с больными и порченными изнутри телами или душами чистому, всецело невредимому и незапятнанному. В самом деле, воздух, которым мы пользуемся и с которым соприкасаемся больше всего, не всегда имеет один и тот же состав и состояние, но по ночам уплотняет и сдавливает тело и вместе с ним ввергает в уныние и заботу душу, как бы отяжелевшую и отуманенную; поэтому, восстав ото сна, они тотчас возжигают камедь, оздоровляя и очищая воздух через разряжение его, и снова воспламеняют угасший природный дух тела, потому что аромат камеди имеет в себе нечто мощное и возбуждающее. Опять-таки, когда они видят, что полуденное солнце силой увлекает с земли обильные и тяжелые испарения и смешивает их с воздухом, тогда они возжигают смирну, ибо тепло разгоняет и рассеивает сгустившуюся в атмосфере муть и пыль. По-видимому, из тех же соображений врачи в случае эпидемии оказывают помощь, разжигая большой огонь и очищая воздух. Лучше всего он очищается, если жгут пахучее дерево, например кипарис, можжевельник и сосну. Рассказывают, что в Афинах во время большой эпидемии прославился врач Акрон, который велел разводить возле больных огонь: он помог немалому числу людей. И Аристотель[200] утверждает, что благовонное дыхание пахучих растений, цветов и лугов приносит не меньше здоровья, чем удовольствия, потому что

теплотой и нежностью оно постепенно размягчает холодный и бесчувственный от природы мозг. И если египтяне называют смирну «баль», а перевод этого слова означает прежде всего «изгнание избытка», то это, может быть, дает некоторое подтверждение нашему мнению о причине ее употребления.

80. А смесь куфи[201] образуется из шестнадцати составных частей: из меда, вина, изюма, кипера, камеди, смирны, колючего дрока, сесели, морского лука, горной смолы, тростника, щавеля; кроме того, из обоих видов можжевеловых ягод (из которых один называют большим, а другой меньшим), из кардамона и аира. Сочетаются они не как придется, но, когда парфюмеры смешивают все это, им читают священные письмена. Менее всего можно утверждать, что само число способствует успеху, хотя оно кажется весьма достойным похвалы, ибо является квадратом квадрата и единственное из всех чисел, содержащих квадрат, имеет периметр, равный площади. Но дело в том, что большинство компонентов состава содержат ароматическую энергию и испускают сладостные и полезные веяния и испарения, от которых воздух преображается, а тело, медленно и легко движущееся среди дуновений, приобретает состав, располагающий ко сну; и все печали и напряжения дневных забот без помощи вина аромат распускает как узлы и ослабляет. Он полирует, как зеркало,

орган, воспринимающий сны и фантазии, и проясняет его не менее, чем звуки лиры, к которой перед сном прибегают пифагорейцы, заклиная и успокаивая страстное и неразумное начало души. Пахучие растения часто возвращают потерянную чувствительность, часто, напротив, притупляют и ослабляют ее вновь, когда их испарения нежно разливаются по телу. Поэтому некоторые врачи говорят, что сон возникает тогда, когда испарения от пищи, легко движущиеся по внутренностям и соприкасающиеся с ними, производят нечто вроде щекотки. Куфи пользуются и как питьем, и как мазью; думают, что когда его пьют, то оно, будучи мягчительным средством, очищает внутренности. Кроме того, смола происходит от солнца, а смирна — от растений, источающих смолку на солнечном свету. Из трав, входящих в состав куфи, есть такие, которые больше любят ночь, подобно тем, что по природе своей набирают силу от холодных ветров, тени, росы и влаги. И в то время как свет дня единичен и прост,— ведь Пиндар сказал, что солнце видно «в пустынном эфире»[202],— ночной воздух является разбавкой и смесью многих видов света и энергии, как будто со всех звезд в одно место упали семена. Итак, вполне справедливо благовония, простые и ведущие свой род от солнца, они воскуряют днем, а иное, как нечто смешанное и качественно разнородное,— с наступлением ночи[203].

Примечания

[1] Дельфийская жрица. Ей же посвящен трактат Плутарха «О доблести женщин».

[2] Hom., II, XIII, 354. Пер. Н. И. Гнедича (Илиада, Л., 1956).

[3] Плутарх ошибается: Исида — египетское имя, Тифон — греческое божество, отождествленное с Сетом. Плутарх производит первое имя от *οιδα* «знать», второе — от *τυφοω* и *τυφω* «дымить, жечь, беситься, чваниться».

[4] Здесь под священным словом (логосом), очевидно, подразумевается Осирис.

[5] Он ищет в этом слове корни от *οιδα* и *ον* «сущее».

[6] В египетской традиции Исида — дочь Геба (греческая параллель — Крон) или Тота (Гермеса).

[7] Хранители священных сосудов и облачений.

[8] Herod., II, 37, 81.

[9] Phaedo, 67b.

[10] Hesiod., Opp. 742. Перевод Вересаева (Эллинские поэты).

[11] *Аристагор из Милета*, историк IV в. до н. э., автор труда о Ниле.

[12] *Гекатей из Абдер*, философ и историк, участник похода Александра Македонского. Написал сочинение о Египте.

[13] Первый фараон XXVI династии (664—610 гг. до н. э.). Египетские предания и археология опровергают такую позднюю датировку.

[14] *Эвдокс Книдский* (около 408—355 гг. до н. э.) — математик, астроном, географ.

[15] Осетра. Strabo, XVII, 40; Aelian., De Nat. Anim. X, 46; Clem. Alex., Protrep II, 39, 5.

[16] Aelian., De Nat. Anim. X, 19.

[17] Hom., Od. IV, 369; XII, 332.

[18] Разночтение: «из гноя». См. Loeb, p. 18. Ср. Hesiod, Theog. 739: крайние области тьмы, как нечто чуждое этому миру, именуются гнойными. С другой стороны, огненная природа моря характеризует его как стихию Сета-Тифона.

[19] Herod., II, 47; Aelian., De Nat. Anim. X, 16; Tac., Hist. V, 4.

[20] Diod., I, 45. В египетских источниках нет данных, подтверждающих этот рассказ, но вообще нетрудно понять, почему первый царь первой династии стал символом разрушения древнего, примитивного образа жизни.

[21] XXIV династия, 730—715 гг. до н. э.

[22] Очевидно, имеются в виду не только сфинксы в виде льва с человеческой головой, но и изображения зверoголовых богов вообще.

[23] Diod., I, 96; 98; Clem. Alex., Strom. I, 69, 1.

[24] Выражение, дословно не воспроизводимое.

[25] Diod., I, 11.

[26] Ср. Horapollo, Hierogl. I, 22: сердце над дымящейся курильницей — обозначение Египта. Разночтение, основанное на вставке: «небо они изображают знаком кобры, а страсть — знаком сердца с курильницей под ним». См. Griffiths, p. 132.

[27] Diod., I, 48. Изображения такого рода действительно существуют.

[28] Aelian., De Nat. Anim. X, 15; Porphyr., De Abstin. IV, 9.

[29] Гермеса отождествляли с собакоголовой обезьяной Тотом (общая причастность к мудрости) и с шакалом Анубисом (общая связь с преисподним миром).

[30] Resp. 375e.

[31] Имя «Оха» носили Дарий II (423—404 гг. до н. э.) и Артаксеркс III (359—338 гг. до н. э.). В убиении Аписа обвиняли Камбиза и Артаксеркса (Aelian., Var Hist. IV,8; Herod., III, 29).

[32] Рея и Крон соответствуют Нут и Гебу (земля и небо), Гелиос — Атуму-Ра (солнце). Египетские мифы знают в качестве супруга Нут Геба, но имеются изображения вхождения солнечного диска в тело Нут. Тот (Гермес) — изобретатель шашек и лунное божество.

[33] Происхождение имени Памила неизвестно. Возможно, оно появилось в результате искаженного употребления титула жреца, служителя фаллического культа, или же это — древний эпитет Осириса.

[34] В египетских текстах не различаются старший и младший Гор. Аруэрис (Харур) — «великий Гор», Гор царского культа. Возможно, Плутарх спутал значения «великий» и «старший».

[35] Отождествление Гора и Аполлона произошло из-за причастности обоих к солнечному культу.

[36] Diod., I, 17 сл. Цивилизаторская миссия Осириса является заимствованием из дионисийских мифов. Древнейший Осирис — олицетворение царской власти и бог мертвых, позднее он превращается в божество зерна и плодородия.

[37] В египетских источниках не упоминается регентство Исиды.

[38] Трудно объяснимое имя. В мероитских надписях Asi — Исида. О союзниках Тифона египетские источники говорят часто, но никогда не называют их число.

[39] 13 ноября.

[40] Паны и сатиры попали сюда из дионисийских мифов. См. Diod., I, 18.

[41] *Κόπτω* — «отрезать, причитать». Отрезанная прядь волос — черта греческого траурного обряда.

[42] Apollod., Bibl. II, 1, 3. История Исиды в Библе полна деталей, встречающихся в гомеровском гимне Деметре. См. Hymn. Dem. V.

[43] *Вереск* — кустарник, но есть сорт древовидного вереска.

[44] *Малькандр* соответствует финикийскому Мелькарту, *Астарта* — не только богиня, но и мифическая правительница Финикии. Остальные имена не поддаются объяснению.

[45] В храме Астарты в Библе совершались обряды в честь Адониса, включавшие в себя поклонение обелиску.

[46] Гл. 8?

[47] Согласно Геродоту (II, 79), *Манерос* — безвременно умерший сын первого египетского царя.

[48] Разночтение: «волк». См. Loeb, p. 46.

[49] Ни один народ не применял льва в качестве боевого животного. Видимо, Плутарха ввели в заблуждение изображения фараона в виде льва: лев — символ царя в бою.

[50] *Туэрис* — богиня-гиппопотам Tawert. Самки считались благими существами в отличие от самцов — животных Сета.

[51] В египетском мифе Гор обезглавливает мать, после чего Тот приделывает Исиде коровью голову. Греки иногда отождествляли Исиду с Ио.

[52] В египетских источниках Гарпократ — это Гор-ребенок.

[53] Есть предание о том, как Исида отрезала Гору руки. Причина расправы неизвестна, но она может быть соотнесена с рассказом о насилии Гора над матерью. В число опущенных Плутархом предосудительных историй входит и известие о любовных домогательствах Сета по отношению к Гору.

[54] Strabo, XVII, 1, 28.

[55] Diod., I, 22.

[56] Обычно астральные сферы богов распределялись следующим образом Ра — солнце, Гор — небо (луна и солнце — его очи), Осирис — Орион, Сет — Большая Медведица.

[57] *Кнеф* — имя древнего фиванского бога-змея, чей культ слился с культом Амона.

[58] Согласно египетскому мифу, Тот вмешался в борьбу Сета и Гора на стороне последнего, и Сет оторвал ему руку, которая затем возродилась вновь. Черный цвет — цвет плодородной земли, белый — Верхнего Египта, красный — Нижнего Египта и пустыни.

[59] *Каноп* — кормчий Менелая, погибший в Египте.

[60] Некоторые исследователи предполагают египетское происхождение названия созвездия Арго, так как представление о небесных судах характерно именно для египтян, а не греков.

[61] Bergk, III, fr. 193.

[62] Дословно: «льву безбожия». Возможно, здесь намек на имя собственное. Некий Леон из Пеллы, современник Александра Македонского, написал исследование о египетских богах в духе Эвгемера.

[63] Жил в Македонии, при дворе Кассандра.

[64] *Сезострис* — обобщенный образ Сенусертов Среднего Царства. *Манес* — мифический царь лидийцев (по Плутарху — фригийцев). Herod., I, 94; IV, 45.

[65] Далее следует неточная цитата из Legg. 716a.

[66] Цитата из Эмпедокла (490—430 гг. до н.э.).

[67] Демонология этой главы имеет явно греческое происхождение. Создателем развитой демонологии считается Ксенократ, ученик Платона и глава Академии с 319 по 314 г. до н. э. Большое внимание уделяли учению о демонах стоики. Была создана иерархия: боги — демоны — герои — люди.

[68] Symp. 202 e.

[69] Diog. Laert., VIII, 32.

[70] *Ксенократ из Халкедона* (399—314 гг. до н. э.) — философ, ученик Платона.

[71] Третий глава стоической школы (около 280—207 гг. до н. э.).

[72] Оскопление Урана.

[73] Имеется ряд разночтений: *φυγαι*— бегство (Hom. Il. VI, 135), *φθοροι* — (история с Пенфеем?), *φθογγοι* — стенания, *φθονοι* — ненависть. См. Loeb, p. 154.

[74] II, XIII, 810.

[75] II, V, 438; XVI, 705; XX, 447. Здесь и далее — пер. Н. И. Гнедича.

[76] II, IV, 31.

[77] Legg. 717b.

[78] Opp., 122, 126.

[79] Symp., 202e.

[80] Vors. I, № 21, B 115.

[81] В египетской мифологии Сет далеко не был воплощением мирового зла; главные его роли — божество мрака, бури и пустыни (зноя).

[82] Исида отождествлена с Персефоной как жена Осириса-Плутона.

[83] III в. до н. э.

[84] Ученик Платона, автор нескольких исторических сочинений.

[85] *Птолемей Сотер* (305—283 гг. до н. э.) — правитель Египта, которому приписывают учреждение государственного культа Сараписа. Не ясно, почему Сарапис оказывается связанным с черноморской Синопой. Следует учесть, что *sinopion* — эпитет Мемфиса. Tac., Hist. IV, 83.

[86] *Гераклит Эфесский* (ок. 530—470 гг. до н. э.) — философ, представитель ионийской школы. Vors. I, № 12, B 15.

[87] Разночтение: «Сарапис был сыном Геракла, Исида — его дочерью, а Тифон — сыном Алкея, сына Геракла». Loeb, p. 70.

[88] Историк III в. до н. э.

[89] Diod., I, 96; Paus., I, 18, 4.

[90] Crat., 404b.

[91] *Амент* — эпитет, означающий «владыка Запада».

[92] См. гл. 60.

[93] Сетовы животные: крокодил, гиппопотам, кабан, осел. В греческих папирусах Сет часто изображался в виде человека с ослиной головой.

[94] Diod., I, 88; Herod., II, 38.

[95] В основе этого представления лежит, очевидно, египетский миф о переселении в тела животных Сета и его союзников.

[96] Herod., II, 39.

[97] *Кастор Родосский* (I в. до н.э.) — автор исследования о Ниле.

[98] Историк IV в. до н. э., автор популярного в свое время труда о персах.

[99] Cic., De Nat. Dcor. II, 25 (64).

[100] См. гл. 40: Гор также отождествлялся с Нилом. Осирис связан со всяким началом плодородия, в том числе с Нилом (Хапи) и с зерном (Непер).

[101] Лакуна. Текст изречения вставлен по Clem. Alex., Slrom. V, 41, 4.

[102] Diod., I, 21; Strabo, XVII, I, 22; Aelian, De Nat. Anim. XI, 11.

[103] Herod., II, 12.

[104] Clem. Alex., Strom. V, 41, 2.

[105] II, XIV, 201; *Фалес Милетский* — первый греческий философ (конец VII — начало VI в. до н. э.). Vors. I, № 1.

[106] Океан в отличие от моря — поток пресной воды.

[107] См. гл. 39.

[108] *Сократ Аргивянин* — др.-греч. писатель (III или II в. до н. э.).

[109] Жрецы в Дельфах.

[110] *Λικνον* — корзина с первинами, подносившаяся Дионису, но также плетеная колыбель Диониса-Загрея, растерзанного, согласно орфическому мифу, титанами. По одному из вариантов мифа, Зевс отдал останки Загрея Аполлону и тот похоронил их в Дельфах.

[111] Bergk. I, fr. 153.

[112] Herod., II, 48. Фаллический элемент никогда не был чужд культу Осириса, но большое значение приобрел только с эпохи эллинизма под влиянием культа Диониса.

[113] Hom., Od. V, 306; VI, 154; VIII, 340.

[114] *Апопис* — змей, божество тьмы.

[115] Diod., I, 12.

[116] Философ-перипатетик, современник Страбона. Помимо упомянутого сочинения написал исследование о Ниле.

[117] Не ясно, какой Гермей имеется в виду. Скорее всего уроженец Гермополя (II в. до н. э.).

[118] Уроженец ликийской Патары, ученик Эратосфена, автор ряда сочинений на антикварно-географические темы.

[119] Афинский историк эпохи диадохов.

[120] Horapollo, Hierogl. I, 24.

[121] Северные ветры (Diod., I, 39; III, 3).

[122] Ноябрь.

[123] Хранители облачений.

[124] Hom., Od. IV, 356; Strabo, XII, 2, 4; XVII, 1, 6.

[125] Cic., De Nat. Deor. I, 15; II, 28; Diog. Laert., VII, 147.

[126] Продукт позднего развития мифа.

[127] Гермес отождествляется с лунным божеством Тотом. Связь Геракла с солнцем обнаруживается в мифе о быках Гериона.

[128] Классический квадрат представлялся состоящим из 16-ти частей (4x4), прямоугольник — из 18-ти (6x3). Эпогдонический — содержащий целое и 1/8-ю его часть (16+(1/8x16)=18).

[129] У Элиана встречается священный бык Онуфис. De Nat. Anim. XII, 11.

[130] Aelian., De Nat. Anim. XI, 10.

[131] Сравнение с лунными пятнами? Исконный египетский Апис носил между рогами солнечный диск. См. М. А. Коростовцев. Ре-

лигия Древнего Египта, М., 1976. О масти Аписа см. Strabo, XVII, 1, 31.

[132] В рассказе о восхождении Осириса на луну этот бог явно играет роль солнца и мужа, чего не замечает Плутарх.

[133] В египетской мифологии двуполость богов прослеживается слабо и редко, согласно исконным египетским представлениям луна имеет мужской пол.

[134] Данная здесь интерпретация Исиды, Нефтиды и Анубиса не имеет аналогий. Правда, в некоторых храмах встречаются изображения Анубиса, катящего лунный диск.

[135] Геката принадлежит к олимпийскому сонму в ипостаси Селены, но связь с небесной сферой бога некрополя Анубиса неясна.

[136] Herod., III, 29; Aelian., De Nat. Anim. X, 28.

[137] Diog. Laert., VII, 134.45.

[138] Vors. I, 12, B51.

[139] Nauck, fr. 21.

[140] Т. е. Ормуздом и Ариманом. Diog. Laert., Prol. 2.

[141] Diog. Laert., Prol. 8: Гадес тождествен Ариману.

[142] *Феопомп Хиосский* (род. ок. 378 г. до н. э.) — ученик Исократа, историк; главные его произведения — «Греческая история» и «История Филиппа».

[143] Vors. I, 12, B53.

[144] II, XVIII, 107.

[145] Лиссы — одна из многих возможных интерполяций.

[146] *Анаксагор* (500—428 гг. до н. э.): *νουζ και απειρον*. Аристотель говорил о форме и материи — см. Metaph. VII. Платон — см. Tim.

[147] Legg. 896e.

[148] О *νουζ, ο λογοζ*.

[149] Манефон, египетский первосвященник и писатель времени первых двух Птолемеев, известен прежде всего как автор грекоязычной истории Египта; ему принадлежит также ряд других сочинений; Плутарх, очевидно, пользовался его трактатом «Священные книги».

[150] Крокодил Себек в египетских мифах — образ противоречивый: в одних он — благодетельная сила, в других роль его отрицательна.

[151] В римскую эпоху широко почиталась «морская» Исида: Isis Pelagia et Pharia.

[152] Herod., II, 69; Aelian., De Nat. Anim. X, 2; Strabo, XVII, 1.

[153] II, VIII, 22.

[154] Aelian., De Nat. Anim. II, 42; Porphyr., De Abstin. IV, 9, 45.

[155] Т. е. перо пронзило бы крокодила.

[156] Фаллический элемент в культуре Осириса усилился в эллинистическую эпоху под влиянием культа Диониса.

157 Термин *νοητος*, употребляемый Плутархом здесь и дальше, призван выразить представление о начале, недоступном чувственному ощущению и открывающемся только человеческой мысли. В переводе более всего напрашивается эпитет «идеальный», однако употребление его было бы слишком смелым привлечением позднейшего, вполне развившегося представления об антиподе материального мира.

158 Разночтение: «храма солнца». Griffiths, p. 201; Loeb, p. 126.

159 Diod., I, 11. Сириус здесь — не название звезды, но эпитет солнца, палящее.

160 Tim. 49a; 51a; 52b; 53a. Платон говорит о материнском начале, не называя его Исидой.

161 Resp. 546b—c.

162 Квадрат.

163 Существовало предание о том, что двадцатипятилетних Аписов топили, однако оно опровергается археологией.

164 Этимология *Мут* верна; *Афири* — греческая транскрипция имени Хатхор; наиболее приемлемое объяснение *Мефиер* — «великий поток», т. е. небесные воды, олицетворенные в образе коровы — Хатхор, богини изначальной водной стихии.

165 Symp. 203b.

166 Пор — «богатство», Пения — «бедность», Эрот — «любовь».

167 Diog. Laert., VII, 134: имеются в виду стоики.

[168] *Миро* — благовонное масло; не следует путать его с миррой (или смирной) — ароматической смолой.

[169] Arist., De Anima, 429a 20 слл.

[170] Осирис.

[171] Plato, Crat., 397d.

[172] Crat., 401c.

[173] Ищет в этих словах корень «ис».

[174] Ищет в словах 2 корня, один из которых — «иа», «движение». Получается: зло — дурное движение, скудность — недостаток движения, трусость — боязнь движения, мука — отсутствие движения.

[175] Выделяет корни «ос» и «ир».

[176] *Λογοζ, κοινοζ.*

[177] Разночтение: «в скудости» (Loeb, p. 148).

[178] На египетских систрах обычно дважды изображалось лицо Хатор и голова кошачьей богини Бастет.

[179] *Клеанф* (331—233 гг. до н. э.) — глава стоиков после Зенона.

[180] *Λογοζ, προνοια.*

[181] Родился ок. 340 г. до н. э., ученик и последователь основателя киренской школы Аристиппа. Ряд его этических и атеистических высказываний закрепили за ним репутацию аморалиста.

[182] Или: «голос — истина». Эту формулу произносил в загробном суде Осирис, оправдывая душу. Очевидно, Плутарх толкует амулет Исиды как символ оправдательного голоса, дарованного этой богине вслед за супругом.

[183] По-видимому, речь идет о Дельфийском святилище.

[184] Разночтение: «в храмах Исиды». Hopfner, p. 42; Loeb, p. 160.

[185] Не исключено, что этот эпитет означает «ахейская» (богиня).

[186] Запад — это Сицилия и Италия. В Кроне, очевидно, надо видеть Сатурна; Афродита чаще отождествлялась с весной, чем с летом.

[187] Философ VI в. до н. э.

[188] В 300 г. до н. э. Лахар, возглавлявший оборону Афин от Деметрия Полиоркета, использовал позолоченное одеяние статуи Афины на военные нужды (Paus., I, 25, 7; Athen., IX. 405F). По той же причине «остриг» Аполлона сиракузский тиран Дионисий Старший (Aelian., Var Hist. I, 20). Храм Юпитера Капитолийского до времен Плутарха горел дважды: в 83 г. до н. э. при Сулле и в 69 г. н. э. при Вителлии (Tac., Hist. III, 72).

[189] Согласно египетской традиции в животных превратились Сет и его сторонники. О переселении благих богов сообщают античные авторы. См. Th. Hopfner, Fontes Historiae Religionis Aegypticae. Bonnae, 1922, p. I, p. 81; p. II, p. 151.

[190] Названия городов происходят от слов «волк», «осетр» и «собака».

[191] Т. е. в почитаемых животных.

[192] Разночтение: «с молнией». Loeb, p. 172. Аспид — это, видимо, кобра, звезда — Сириус.

[193] Eurip., Troades 887 сл.

[194] Афина-Тритогенея. Может быть, эпитет происходит от места рождения Афины — ливийской реки Тритон; в целом нельзя найти ни одного вполне удовлетворительного его объяснения.

[195] 1 + 2 + 3 + 4 + 5 + 6 + 7 + 8 = 36.

[196] Разночтение: «так что в душе надо видеть орудие все устрояющего бога».

[197] Разночтение: «и священного». Griffiths, p. 242.

[198] Plato, Symp. 210a слл. В дошедших до наших дней трудах Аристотеля подобное высказывание не встречается.

[199] Осирис.

[200] В сохранившихся работах Аристотеля ближе всего к этому фрагменту стоят рассуждения в Part. Anim. 2, 7.

[201] Рецепт куфи, очевидно, заимствован Плутархом у Манефона.

[202] Olym. I, 6.

[203] Неизвестно, оборван текст трактата или кончается этой главой.

Пир семи мудрецов

Перевод *М. Л. Гаспарова*

1. Вижу я, дорогой мой Никарх, что впрямь течение времени погружает предметы во мрак и скрывает от взгляда, если даже о делах недавних и памятных выслушиваются с доверием явные выдумки. Не семеро было застольников на том пиру, как вам рассказывали[1], а вдвое, если не втрое, больше, и я сам был среди них, Периандру будучи знаком по искусству моему[2], а Фалесу будучи гостеприимцем, так как Периандр ему предложил остановиться у меня. И разговоры на том пиру пересказчик вам передал неправильно, кто бы он ни был, ибо сам-то он заведомо не был среди собравшихся.

Поэтому расскажу вам об этом все с самого начала по вашему желанию: времени у меня достаточно, а откладывать такой рассказ на будущее в преклонные мои годы было бы ненадежно.

2. Периандр приготовил для гостей прием не в городе, а в особенном доме в Лехее[3] близ храма Афродиты, в честь которой он справлял жертвоприношение. После того как мать его от любви покончила с собою[4], он перестал было жертвовать Афродите и теперь в первый раз, побуждаемый Мелиссою, явившейся ему во сне, вновь решился оказывать почести и служить этой богине. Каждому из приглашенных подана была повозка в достойном убранстве; но время было летнее, и от множества людей и повозок по всей дороге до самого моря стояла пыль и толкотня. Поэтому Фалес, увидав повозку у наших дверей, только улыбнулся и отпустил ее. И мы спокойно пошли пешком стороною через поля.

Третьим с нами был Нилоксен из Навкратиса[5], достойнейший муж, познакомившийся с Солоном и Фалесом еще в бытность их в Египте. Теперь его вновь посылали к Бианту Приенскому; а зачем — этого он и сам не знал и лишь подозревал, что нужно было отнести Бианту запечатанную в свитке вторую задачу; если же Биант откажется, то ему велено было открыть ее мудрейшим из эллинов.

«Повезло мне,— сказал Нилоксен,— что застал я вас здесь всех в сборе; вот и несу я этот свиток к вам на пир»,— и он показал нам свиток.

Фалес улыбнулся. «Стало быть, опять,— сказал он,— на Приену все беды валятся[6]? Ну что ж, Биант решит вам эту задачу, как решил и первую».

«А какая быта первая?» — спросил я.

«Царь Амасис,— сказал Фалес,— послал ему жертвенное животное и просил вырезать и прислать ему обратно самую лучшую и самую худшую часть его; а наш Биант, превосходно рассудивши, вырезал и отослал ему язык жертвы[7]; и за это все громко хвалят его и восхищаются им».

«Не только за это, — сказал Нилоксен,— а и за то, что он не избегает быть и слыть другом царей, как это делаешь ты. Царя многое в тебе восхищает, но особенно ему понравилось, как измерил ты высоту пирамиды, не приложив никакого труда и не пользуясь никаким орудием.

Ты поставил свой посох там, где кончалась тень от пирамиды, так что солнечный луч, касаясь их вершин, образовывал два треугольника[8]; и ты показал, что как длина одной тени относится к длине другой, так и высота пирамиды к высоте посоха. И все-таки, как сказал я, тебя перед царем оклеветали, будто ты — враг царям, и передали ему твои надменные изречения о тиранах: будто на вопрос Молпагора Ионийского, что ты видел самое удивительное, ты ответил: "Тирана в старости"[9],— и будто однажды на пиру в беседе о животных ты сказал: "Из диких хуже всех тиран, из домашних — льстец"[10].

А ведь хоть цари и очень притворяются, будто вовсе они не похожи на тиранов, но слышать такое им не по нраву».

«Нет,— сказал Фалес,— слова эти — Питтаковы, и обращены они были в шутку к Мирсилу[11]. А я говорил, что мне удивительно было видеть не тирана, а корабельного кормчего в старости. Но и о перетолковании таком я могу сказать, как тот мальчишка, который бросил камнем в собаку, а попал в мачеху и промолвил: "И то неплохо". Потому я и Солона почитаю премудрым, что ему предлагали тираническую власть, а он отказался[12]. И сам Питтак не иначе, как в ответ на предложение единовластия, сказал свои слова: "Трудно быть хорошим"[13]. Периандру его тирания досталась как наследственная болезнь, но до сих пор он неплохо с нею справлялся, пользуясь целебными беседами и общаясь с людьми здравомыслящими; и когда земляк мой Фрасибул советовал ему "срезать верхушки"[14], он не послушался. Тиран, предпочитающий властвовать над рабами, а не над свободными людьми,— разве это не то же, что мужик, пожелавший вместе с ячменем и пшеницею свезти в амбар и саранчу, и жадных птиц? Власть многим нехороша, а хороша одним только — честью и славою, да и то лишь если это власть лучшего над хорошими и величайшего над великими. А кто думает не о достоинстве, а только о своей безопасности, тот пускай пасет овец, лошадей и коров, а не людей.

Впрочем,— продолжал Фалес,— вряд ли нынче своевременны эти рассуждения, на которые вызвал нас товарищ, а лучше бы нам говорить и думать о предметах, более умест-

ных по дороге на пир. Разве, Нилоксен, тебе не кажется, что не только хозяин должен к пиру приготовиться, но и гости? Сибариты, говорят, рассылали своим гостям приглашения за год[15], чтобы женам их достало времени принарядиться для пира платьями и украшениями. А я так думаю, что и этого мало хорошему застольнику для настоящего приготовления к пиру, потому что труднее приискать душе пристойное убранство, чем телу непомерное и ненужное. Человек разумный идет на пир не с тем, чтобы до краев наполнить себя, как пустой сосуд, а с тем, чтобы и пошутить, и посерьезничать, и поговорить, и послушать, что у кого кстати придет на язык, лишь бы это было и другим приятно. Ведь и кушанье дурное можно отстранить, и от вина невкусного можно перейти на воду; но если застольник попадется грубый, неучтивый и тоску нагоняющий, то он портит и губит всякое удовольствие и от еды, и от питья, и от музыки; отделаться от такой докуки нелегко[16], и у некоторых эта обида на соседей остается в душе на всю жизнь, словно похмелье от застольного тщеславия и раздражения. Поэтому прекрасно поступил Хилон, который не прежде принял вчерашнее приглашение, чем расспросил обо всех, кто будет на нашем пиру. "С кем приходится плыть на корабле или служить на войне,— сказал он,— тех мы поневоле терпим и на борту и в шатре; но в застолье сходиться с кем попало не позволит себе никакой разумный человек". Недаром египтяне на пиры свои приносят скелет[17], чтобы напомнить пирующим, что скоро и они такими же будут: гость это неприятный и несвоевременный, но смысл в его присутствии

есть — он побуждает нас не к питью и наслаждению, а к взаимной любви и уважению, он зовет нас не превращать нашу кратковременную жизнь разными неприятностями в тягучую и долгую».

3. В таких-то попутных разговорах дошли мы наконец до пиршественных покоев. От омовения Фалес отказался, потому что мы уже были умащены, а пошел осматривать и дорожки, и палестры, и пышную рощу на берегу моря, но не потому, что это так уж его восхищало, а для того, чтобы его не заподозрили в презрении к Периандру и в пренебрежении его честолюбивой роскошью. Остальных гостей тем временем, омыв и умастив их, слуги вводили в мужскую половину дома через портик[18]. А в портике этом сидел Анахарсис[19], а перед ним стояла девочка и своими руками расчесывала ему волосы. Увидевши Фалеса, она без смущения подбежала к нему, а он поцеловал ее и сказал с улыбкою:

«Отлично! Прихорашивай его, чтобы добрый гость наш не показался нам с лица злым и страшным!»

Я спросил его, что это за девочка, а он ответил:

«Неужели не узнал ты нашу мудрую и славную Евметиду[20]? Так зовет ее отец, а остальные обычно по отцу зовут ее Клеобулиною».

«Наверное, ты так ее хвалишь за ее искусные и мудрые загадки? — спросил Нилоксен. — Некоторые из загаданных ею дошли и до нашего Египта!»

«Не в этом дело,— отвечал Фалес,— загадками она лишь забавляется при случае, словно игрою в бабки, и ставит ими в тупик собеседников; но душа у нее удивления достойна, ум государственный, а нрав добрый, и это она отца своего побуждает мягче править гражданами и снисходить к народу».

«Оно и видно,— сказал Нилоксен,— как посмотреть на простоту и скромность ее облика; но почему она с такою нежностью ухаживает за Анахарсисом?»

«Анахарсис,— отвечал Фалес,— человек здравомыслящий и многознающий, и он рассказал ей охотно и подробно, чем у них в Скифии люди питаются и какими очищениями спасаются в болезнях; вот и сейчас, я полагаю, она за ним ухаживает и ласкает его, а сама слушает его разговоры и учится».

Мы уже подходили к мужской половине дома, как навстречу нам вышел Алексидем Милетский[21], побочный сын тирана Фрасибула; был он взволнован и что-то сердито бормотал, а что именно — мы не могли разобрать. Завидев Фалеса, он немного опомнился, остановился и сказал:

«Как меня обидел Периандр! Он не позволил мне уехать, принудил остаться на пир, а когда я пришел, то отвел мне такое непочетное ложе, что и эоляне, и островитяне, и еще кто-то — все оказались выше Алексидема! Не иначе, как он хочет опозорить и принизить в моем лице пославшего меня Фрасибула, выказав такое высокомерие».

«Что же? — спросил его Фалес. — Египтяне, помнится, говорят, будто звезды, проходя в небе поверху или понизу, оттого и сами становятся лучше или хуже; так и ты боишься, что будешь ярким или тусклым оттого, на каком окажешься месте? Неужели ты дурней, чем тот лаконец[22], которого хороначальник поставил в хоре с самого краю, а он сказал: "Молодец, что придумал, как и это место сделать почетным!" Не на то надо смотреть со своего места, вслед за кем ты лежишь, а на то, чтобы по душе прийтись тем, с кем ты рядом; а здесь лучшая завязка и начало всякой дружбы в том, чтобы сразу показать, что на хозяина ты не сердит, а рад, что свел он тебя с такими соседями. Ведь кто недоволен местом своим за столом, тот обижает не столько хозяина, сколько соседа, и врагами ему делаются оба».

«Все это — слова! — сказал Алексидем. — А на деле-то и вы, философы[23], гоняетесь за почетом: сам видел!» — и он двинулся дальше мимо нас.

Мы подивились на его невежливость, а Фалес сказал:

«Чудачлив он и придурковат! Еще ведь мальчиком, когда принесли Фрасибулу отменное масло для натирания, он вылил его в большую охладительную чашу, смешал с чистым вином и выпил; и за это даже Фрасибул, ранее его любивший, невзлюбил его».

Тут к нам подошел слуга.

«Периандр тебе с Фалесом и товарищем вашим предлагает,— сказал он мне,— пойти и посмотреть, что к нему сейчас принесли: что это, знамение и чудо[24] или нет? Сам он,

кажется, сильно напуган, полагая, что это скверна, которая может омрачить его празднество».

Он повел нас в хижину, что была возле сада. Там какой-то юноша, видимо пастух, еще безбородый и недурного вида, откинул край шкуры и показал нам детеныша, который, по словам его, родился от кобылицы. Сверху до шеи и до рук был он человеческого образа, а ниже — лошадиного и пищал таким голоском, как новорожденные дети.

«Боги защитники!» — вскричал Нилоксен и отвернулся.

Но Фалес внимательно посмотрел на юношу, потом улыбнулся и сказал мне (о моем искусстве он всегда со мною говорил, подшучивая):

«Как, Диокл? Не устроить ли тебе очищение и не обратиться ли к богам отвратителям? Вдруг это случилось что-то грозное и великое!»

«Как не устроить! — ответил я. — Это знамение раздора и мятежа, и я боюсь, не грозит ли оно Периандрову супружеству и потомству: ведь не успели мы искупить первую обиду богини, между тем как она уже воочию изъявляет нам вторую».

Фалес на это ничего не ответил, а только засмеялся и пошел прочь. У дверей нас встретил Периандр с вопросом, каково нам показалось то, что мы видели. Тут Фалес меня отпустил, а его взял за руку и сказал:

«Что Диокл тебе скажет, то ты и делай себе спокойно; а я тебе только скажу, что надо или не приставлять к кобылицам таких молодых пастухов, или не оставлять этих пастухов без женщин».

Периандру такие слова, по-моему, очень понравились, он расхохотался, обнял Фалеса и поцеловал его. А Фалес, оборотясь ко мне, сказал:

«Впрочем, боюсь я, Диокл, что знамение твое уже сбывается! Ты ведь сам видишь, какое с нами приключилось несчастье: Алексидем не хочет с нами ужинать!»

4. А когда мы вошли, Фалес воскликнул еще громче:

«Где же этот наш гость погнушался занять свое ложе?»

Ему показали, и он тотчас и сам возлег там, и нас при себе расположил, прибавив:

«Да я бы и заплатить готов за то, чтобы разделять мой стол с Ардалом!»

Ардал этот был из Трезены, славный флейтщик и жрец при храме Ардалийских Муз, что воздвиг Ардал Трезенский Старший[25]. А Эзоп, который сидел тут же на низеньким стульчике близ Солона, лежавшего повыше, и только что приехавший от царя Креза посланцем к Периандру и к дельфийскому оракулу[26],— Эзоп сказал так:

«Увидел лидийский мул[27] отражение свое в реке, обрадовался, какой он большой и красивый, и пустился вскачь, взмахивая гривой, точно лошадь; но тут-то он и понял, что родился от осла, придержал свою прыть и унял в себе спесь свою и чванство».

Но Хилон по-лаконски возразил ему[28]: «Сам бежишь, как мул, да спотыкаешься!»

Тут вошла Мелисса и возлегла рядом с Периандром, и Евметида тоже подсела к столу. Между тем Фалес окликнул меня, а я лежал повыше Бианта, вот какими словами: «Что же ты, Диокл, не скажешь Бианту, что у навкратийского гостя есть к нему новая царская задача, чтобы он выслушал ее трезвый и внимательный?»

«Он меня уж запугал своими предложениями! — отозвался Биант.— Но я знаю: Дионис — во всем великий бог, и недаром он за мудрость зовется Лисием-разрешителем; потому и не боюсь я, что, исполнясь им, я оробею в состязании!»

Так перешучивались они, угощаясь: а я, приметив, что угощение было подано проще обычного, подумал о том, что, приглашая и принимая мужей мудрых и добродетельных, мы не вводим себя в расходы, а, напротив того, сберегаем и на ненужных приправах, и на привозных умащениях, и на разных лакомствах, и на дорогом вине,— ведь обычно все это у Периандра подавалось так, как подобало и тиранской власти его, и богатству, и положению, а здесь он старался перед такими гостями блеснуть своею простотою и умеренностью[29]. В самом деле: не говоря уже об остальном, он даже с жены своей снял и скрыл обычное ее убранство, чтобы показать ее гостям в наряде скромном и нероскошном.

5. Нам переменили столы[30], Мелисса оделила нас венками, мы совершили возлияния, и, пока мы это делали, флейтистка

поиграла немного нам на флейте, а потом отошла в сторонку. Тогда Ардал, оборотясь к Анахарсису, спросил его, а есть ли у скифов флейтистки?

«У нас и виноград не растет»[31],— улыбнулся Анахарсис.

«А боги у скифов есть?» — не отставал Ардал.

«Конечно, есть,— ответил тот,— и они у нас даже человеческий язык понимают. Это ведь эллины, хотя и мнят себя речистей скифов, почему-то думают, что богам приятней звук костей и деревяшек».

Эзоп: «Посмотрел бы ты, чужеземец, из чего у нас нынче флейты делают! Оленьи кости не берут, а берут ослиные и говорят: "От них звуку больше". Оттого и Клеобулина сочинила загадку о фригийской флейте: "Мертвый осел роговою ногой сокрушает мне ухо". Не диво ли, что осел, самое грубое и бесчувственное животное, кости имеет самые тонкие и самые чуткие к музыке!»

Нилоксен поддержал его: «Недаром и нас, навкратийцев, попрекают бусирийцы[32], что флейты мы делаем из ослиных костей; а у них грехом почитается даже слушать трубный звук, если он похож на ослиный рев,— вы ведь знаете, что осел в Египте — животное презренное, так как посвящен Тифону».

6. Тут разговор оборвался, и Периандр, заметив, что Нилоксен хочет заговорить и не решается, начал так:

«Почтенные мои гости, мне всегда нравилось, что города и правители, принимая приходящих к ним, сперва отвечают

иноземцам, а потом уже согражданам. Так и теперь я думаю, что наши речи, здешние и привычные, могли бы и повременить, открыв дорогу, как в собрании, речам египетским и царским, с которыми приехал к Бианту наш славный друг Нилоксен, а Биант пожелал их выслушать вместе с нами».

«Конечно,— сказал Биант,— где же и с кем же, как не с вами, увереннней приму я такой вызов? Да и сам царь велел, начавши опрос с меня, обойти им потом и вас всех».

Нилоксен на это вручил ему царскую грамоту, но Биант попросил распечатать ее и прочесть при всех. И вот что там было написано:

«Амасис, царь Египетский, Бианту, мудрейшему из эллинов. Со мною соревнуется в мудрости эфиопский царь; и хоть я его во всем превзошел, однако напоследок задал он мне задачу странную и нелепую: выпить море! Если я разрешу ее, то получу от него много деревень и городов; если не разрешу, то должен уступить ему города при Элефантине[33]. Размысли же об этом и тотчас уведоми меня через Нилоксена. А за это друзьям твоим и согражданам ни в какой нужде не будет от меня отказа в помощи».

Прочитавши это, Биант не замешкался: малое время поразмыслив про себя и малое время потолковав с возлежавшим рядом Клеобулом, спросил он так:

«Что ты говоришь, навкратиец? Неужели Амасис, царь над многолюдным народом, владетель столь прекрасной земли, захочет выпить море ради каких-то жалких и негодных деревушек?»

Нилоксен на это только засмеялся:

«А ты вообрази, Биант, что он этого хочет, да подумай о том, что можно сделать».

«Пусть же велит тому эфиопу,— сказал Биант,— запереть все реки, впадающие в море, пока царь его будет пить,— потому что речь ведь шла о том море, которое есть, а не о том, которое прибудет».

На такие Биантовы слова Нилоксен от удовольствия так и бросился к нему, обнял его и поцеловал. Все стали одобрять и хвалить такой ответ, а Хилон сказал:

«Навкратийский гость! Пока море не выпито, доплыви, пожалуйста, к Амасису и скажи ему, чтобы не о том он думал, как поглотить столько соленой воды, а о том, как сделать для подданных сладкой свою власть. Биант и в этом искусней всех, и лучшего наставника не надобно; если этому Амасис у него научится, то не потребуется ему и золотого таза для ног[34], чтобы вразумить египтян,— все и сами станут любить его и служить его достоинствам, будь он хоть в десять тысяч раз безроднее».

«Что ж! — молвил Периандр. — А теперь достойным образом поднесем царю первины "всем нашим поголовьем", как говорится у Гомера[35], так и для него это приношение дороже торговых прибылей, и для нас оно обернется всего полезнее».

7. «Тогда,— заявил Хилон,— справедливее всего начать разговор Солону, потому что не только он годами старше

и ложем выше, но и властью владеет наибольшею и наилучшею: он дал законы афинянам».

Услышав это, Нилоксен тихо сказал мне так: «Ах, Диокл, сколько вздора принимаем мы на веру, и с какою радостью измышляют и выслушивают иные люди неподобные слухи о мудрых мужах! Ведь даже у нас в Египте рассказывали о Хилоне, будто он с Салоном порвал дружбу и товарищество за то, что тот сказал, что и законам смена бывает».

«Вот смешная сплетня! — ответил я. — Если так, то ему следовало бы прежде отвлечься от самого Ликурга, потому что он не только законам перемену учинил, но и всему государству Лакедемонскому!»

Солон между тем, недолго подумавши, молвил:

«Я так полагаю, что более всего стяжает славы царь или тиран тогда, когда он единовластие над гражданами обратит в народовластие».

Вторым заговорил Биант:

«И когда он первый явит образец покорности законам».

За ним — Фалес:

«Счастье правителя — в том, чтобы умереть своею смертью и в преклонном возрасте».

Четвертым — Анахарсис:

«И не один среди всех будет разумен».

Пятым — Клеобул:

«И не будет легковерен к речам ближних».

Шестым — Питтак:

«И добьется, чтобы подданные боялись не его, а за него».

Последним — Хилон:

«Дело правителя — помышлять не о смертном, а о бессмертном».

После этих слов все мы пожелали, чтобы что-нибудь сказал и сам Периандр. И он сказал, с неудовольствием нахмурив брови:

«Одно могу добавить: все, что сказано, едва ли не должно всякого человека разумного отвратить от власти!»

Эзоп, по обличительному своему обыкновению, откликнулся:

«Видно, следовало здесь каждому говорить за себя, а не так, чтобы назваться друзьями и советниками правителей, а оказаться их обвинителями!»

Улыбнувшись, Солон потрепал его по голове и сказал:

«А разве не станет, по-твоему, сдержаннее правитель и справедливее тиран, если убедить его, что лучше не властвовать, чем властвовать?»

«Кто же тебе поверит,— возразил Эзоп,— и не поверит богу, который тебе же и провещал: "Благо, ежели град единому голосу внемлет!"?»

«Но вот в Афинах,— сказал Солон,— хоть и утвердилось народовластие, однако голосу и правителю внемлют только одному: закону. Ты же, хоть и славно разбираешься в речах ворон и галок, но собственного своего голоса[36] слышать не умеешь: веришь, что город по божьему слову стоит крепче всего, когда послушен одному, но полагаешь, что пир хорош тогда, когда на нем болтают все и обо всем».

«Послушай, Солон,— отвечал Эзоп,— ты ведь здесь еще не издал указа, чтоб рабы не напивались, как издал в Афинах, чтобы рабы не любились и не умащались всухую!»[37]

Солон рассмеялся, а врачеватель Клеодор откликнулся:

«Что умащаться всухую, что увлажнять болтовню вином — разницы мало: и то и другое приятно».

«Тем более нужно воздерживаться»,— сказал Хилон.

«То-то, помнится, и Фалес говорил: а то скоро, состаришься!»[38] — снова вмешался Эзоп.

8. Периандр на это засмеялся и молвил:

«Поделом нам, Эзоп, что мы отвлеклись на сторонние речи, не дослушав тех, которые прислал нам Амасис. Посмотри же, Нилоксен, что еще там написано в письме, и все здесь присутствующие мужи к твоим услугам».

«Да,— сказал Нилоксен,— эфиопский спрос по праву можно было назвать по-архилоховски[39] "скорбной палкой для разгадки"; гостеприимец же твой Амасис в таких задачах гораздо его изысканнее и родственнее Музам. Он попросил эфиопа назвать ему: что всего старше?[40] что всего прекрасней? что всего больше? что всего разумней? что всего неотъемлемее? и даже более того: что всего полезнее? что всего вреднее? что всего сильнее? и что всего легче?»

«Что ж? — спросил Периандр. — Дал ли он ответ? Разгадал ли каждую загадку?»

«Я скажу вам,— ответил Нилоксен,— а вы послушайте и решите сами, ибо царь наш полагает немаловажным, как чтобы ответы его никто не уличил попреками, так и чтобы никакая ошибка в ответе не осталась незамеченною. Итак, я прочитаю вам, что он ответил. “Что всего старше? — время. Что всего больше? — мироздание. Что всего разумней? — истина. Что всего прекрасней? — свет. Что всего неотъемлемее? — смерть. Что всего полезнее? — бог. Что всего вреднее? — демон. Что всего сильнее? — удача. Что всего легче? — сладость”».

9. Когда это было прочитано, дорогой Никарх, и все примолкли, то Фалес обратился к Нилоксену с вопросом, принял ли Амасис такие ответы? Тот сказал, что иные принял, а иные отверг.

«Все они небезупречны,— сказал Фалес,— и во всех много заблуждений и невежества. Например, можно ли сказать, что время всего старше? Ведь время есть и прошедшее, и настоящее, и будущее; и то время, которое для нас будущее, несомненно, моложе нынешних и людей и предметов. А не отличать истину от разума — не все ли равно, что не отличать свет от глаза[41]? А если свет он почитает (и по справедливости) прекрасным, то почему же он ничего не сказал о самом солнце? Что до прочего, то ответ его о богах и демо-

нах[42] дерзостен и опасен; ответ об удаче сам с собой не вяжется: что крепче всего и сильнее всего, то не бывает так переменчиво; и даже смерть не всем присуща — в тех, кто жив, ее нет. Но чтобы не казалось, будто мы лишь поучать других умеем, предложим на то и наши ответы; и я готов, если Нилоксену угодно, чтобы он меня спрашивал первого».

Расскажу теперь и я, как это было: и вопросы, и ответы на них. «Что всего старше?» — «Бог,— отвечал Фалес,— ибо он безначален».— «Что всего больше?» — «Пространство: ибо мироздание объемлет все остальное, а оно объемлет и само мироздание».— «Что всего прекрасней?» — «Мироздание: ибо все, что стройно, входит в него как часть».— «Что всего разумней?» — «Время: ибо иное оно уже открыло, а иное еще откроет».— «Что всего неотъемлемей?» — «Надежда: ибо она есть и у тех, у кого больше ничего нет».— «Что всего полезнее?» — «Добродетель: ибо она хорошим пользованием и все остальное делает полезным».— «Что всего вреднее?» — «Порок: ибо он больше всего вещей портит своим присутствием».— «Что всего сильнее?» — «Неизбежность: она одна неколебима».— «Что всего легче?» — «Естественное: ибо даже сладостное часто вызывает отвращение».

10. Все одобрили Фалесовы ответы, а Клеодор сказал: «Вот такие, Нилоксен, давать вопросы и ответы — это дело царское; а тому варвару, который предложил Амасису

выпить море, достаточно ответить коротко, как Питтак ответил Алиатту, когда тот прислал лесбосцам надменное письмо с каким-то требованием, а Питтак в ответ только посоветовал царю есть лук да теплый хлеб»[43].

«Нет, Клеодор,— перебил его Периандр,— и у эллинов в старину был обычай задавать друг другу такие замысловатые задачи. Слышали мы, например, как сошлись в Халкиду на Амфидамантову тризну славнейшие поэты из тогдашних мудрецов; а был этот Амфидамант мужем воинственным, много причинил заботы эретриянам и погиб на войне за Лелант[44]. И как песни у поэтов были искусные, то суд о предмете состязания был тяжел и непрост, а слава состязавшихся Гомера и Гесиода[45], внушая почтение судящим, ставила их в немалое затруднение. Вот тогда-то и обратились они к вопросам такого рода и, по Лесхову рассказу[46], так спросил Гомер:

Муза, поведай о том, чего никогда не бывало
И никогда не будет? —

а Гесиод тотчас ему ответил:

Истинно так: никогда не погонят коней в состязанье
Люди, справляя помин над гробницей великого Зевса.

И, говорят, это так понравилось, что он и получил треножник».

«Но чем же это отличается от загадок Евметиды? — возразил Клеодор.— Как иные выплетают пояски и сеточки, так она — загадки, складные и веселые, чтобы загадывать

их женщинам; но мужам, хоть сколько-нибудь разумным, смешно было бы над ними задумываться!»

Евметида, казалось, хотела что-то учтиво возразить ему, но застыдилась и сдержалась, покрасневши. Однако Эзоп, словно заступаясь за нее, сказал так:

«Не смешнее ли, когда мы не умеем их разгадывать? Ну, вот, знаешь ли ты, что это такое — то, что нам Евметида загадала незадолго перед пиром: "Видел я мужа, огнем припаявшего медь к человеку?"»[47].

«И знать не хочу»,— отвечал Клеодор.

«А все-таки знаешь и умеешь это лучше, чем кто бы то ни было,— сказал Эзоп,— если даже скажешь "нет", то те банки, которые ты ставишь, скажут "да"».

Клеодор тут расхохотался: он, действительно, ставил банки чаще всех тогдашних врачевателей, и через него-то это средство и вошло в славу.

11. Тут заговорил Мнесифил Афинский, товарищ и приверженец Солона:

«Я так полагаю, Периандр,— сказал он,— что речь на пиру, как вино, должна распределяться не по богатству или знатности, а поровну меж всеми и быть общей, как при народовластии. То, что было до сих пор говорено о царстве и владычестве, к нашему народному правлению не относится;

потому, я думаю, не лишне будет, чтобы снова каждый из вас высказал свое суждение, на этот раз — о государстве, где все равны перед законами; а начнет пускай опять Солон».

Все были согласны, и Солон начал:

«Ты, Мнесифил, слышал сам со всеми афинянами, какого я мнения о делах государственных, но если хочешь вновь услышать, то повторю: в том государстве лучше всего правление и крепче всего народовластие, где обидчика к суду и расправе привлекает[48] не только обиженный, но и необиженный».

Вторым сказал Биант:

«Крепче всего народовластие там, где закона страшатся, словно тирана».

За ним — Фалес:

«То, в котором нет ни бедных граждан, ни безмерно богатых».

Затем — Анахарсис:

«То, где лучшее воздается добродетели, худшее — пороку, а все остальное — поровну».

Пятым — Клеобул:

«Самый разумный тот народ, в котором граждане боятся больше порицания, чем закона».

Шестым — Питтак:

«То, где дурным людям нельзя править, а хорошим нельзя не править».

А Хилон, оборотясь, откликнулся:

«Лучшее государство — то, где больше слушают законы, меньше — ораторов».

И последним опять сказал свое суждение Периандр:

«Кажется мне, что все здесь хвалят такое народовластие, которое более всего подобно власти лучших граждан».

12. Когда и эта беседа завершилась, я обратился к мужам с просьбою сказать и о том, как надобно управлять домом,— ибо водительствовать царствами и государствами случается немногим, а домом и очагом его — каждому.

«Если и каждому,— рассмеялся на это Эзоп,— то уж, верно, ты не берешь в счет Анахарсиса. Дома у него нет, и бездомностью своею он гордится; а живет он в повозке так, как Солнце, говорят, в своей колеснице объезжает в одну пору одну сторону неба, а в другую пору — другую».

«Потому-то,— сказал Анахарсис,— этот бог или единственный свободный, или хотя бы самый свободный из богов: он живет по собственному закону, он всевластен и никому не подвластен, он царствует и держит бразды. А как колесница его безмерно прекрасна и величественна, этого ты, верно, и не заметил, иначе не стал бы на смех сравнивать ее с вашими. Ты же, Эзоп, как видно, считаешь домом[49] вот эти земляные, деревянные и глиняные заслоны,— все равно как если бы ты считал улиткою только раковину, а не ту, кто в ней живет. Оттого и стал ты смеяться над Солоном, который при виде пышного убранства Крезова дворца не объявил сразу же обладателя его счастливым и блаженным, же-

лая более увидеть то хорошее, что в нем, а не то, что вокруг него. Видно, ты забыл про твою собственную лисицу, которая спорила о пестроте с барсом[50] и сказала судье, чтобы заглянул он ей внутрь — там она пестрее. Ты же смотришь на изделия каменщиков и плотников и говоришь, будто дом — это именно это, а не то, что обретается внутри,— дети, супруги, друзья, служители и все прочее, что, будучи устроено сообща, разумно и здравомысленно, даже в муравьиной куче или птичьем гнезде называлось бы хорошим и счастливым домом. Этим я Эзопу отвечаю, а Диоклу намек даю; остальные же по справедливости пусть каждый выскажет свое суждение».

Солон сказал так:

«Лучший дом, полагаю я, тот, где добро приобретается без несправедливости, сохраняется без недоверчивости и тратится без раскаяния».

Биант:

«Тот, в котором хозяин так же ведет себя по доброй воле, как вне дома — по воле законов».

Фалес:

«Тот, в котором у хозяина меньше всего дела».

Клеобул:

«Тот, в котором больше тех, кто любит хозяина, чем тех, кто боится его».

Питтак:

«Лучший дом — тот, где нет ни потребности в излишнем, ни нехватки в необходимом».

А Хилон сказал:

«Дому следует более всего походить на город, управляемый царем»,— и добавил, как Ликургу кто-то посоветовал установить в государстве народовластие, а он ответил: «Сперва установи народовластие в собственном доме»[51].

13. Когда и этой беседе настал конец, Евметида с Мелиссою удалились. Тогда Периандр выпил большую чашу за здоровье Хилона, а Хилон за здоровье Бианта; Ардал же, видя это, встал и окликнул Эзопа так:

«Не передашь ли вашу чашу нам сюда? А то видишь, как они свой Бафиклов сосуд[52] передают из рук в руки, а никого другого до него не допускают!»

«Эта чаша тоже не общая,— отозвался Эзоп,— а предназначена она с давних пор одному Солону».

«Почему же тогда Солон не пьет? — спросил Питтак, обращаясь к Мнесифилу. — Этим он ведь перечит собственным стихам:

Ныне мне милы труды рожденной на Кипре богини,
И Диониса, и Муз: в этом веселье мужей[53].

«Не иначе, Питтак,— перебил Анахарсис,— это он боится тебя и твоего нелегкого закона[54], где сказано: "Кто совершит проступок во хмелю, с того взыскание вдвое против трезвого"».

«Сам ты надругался над этим законом,— отозвался Питтак,— когда и в прошлом году в Дельфах[55] и нынче требуешь, напившись, награды и венка».

«А почему бы мне и не требовать победных наград? — возразил Анахарсис,— ведь они обещаны были тому, кто больше выпьет, а я напился первым: ибо зачем же еще, скажите на милость, пить чистое вино, как не затем, чтобы напиться допьяна?»

Питтак рассмеялся, а Эзоп произнес такую басню[56]: «Увидел волк, как пастухи в шалаше ели овцу, подошел поближе и сказал: "А сделай это я, какой бы вы подняли шум!"».

Тут заговорил Хилон:

«Хорошо Эзоп отомстил за себя: мы ему только что заткнули рот, а теперь у него на глазах сами не даем слова сказать Мнесифилу, которого спросили, почему Солон не пьет».

«Я готов сказать! — ответил Мнесифил. — Я знаю: Солон полагает, что во всяком искусстве и умении человеческом и божеском главное — не то, из чего творится, а то, что творится, и то, зачем творится и как. В самом деле, ведь, наверное, ткач, скорее, скажет, что он делает плащ или покрывало, а не скажет, что натягивает основу и пропускает уток; кузнец скажет, что он кует железо и выделывает топоры, а не станет перечислять все, что для этого надобно, как он разжигает угли или готовит известь; и уж подавно рассердится строитель, если мы объявим, что не корабль он строит и не дом, а обтесывает бревна да замешивает глину. Тем бо-

лее должны разгневаться на нас Музы, если мы будем думать, будто дело их — флейта и кифара, а не воспитание нравов, не умиротворение страстей в тех, кто слышит их музыку и пение; равным образом и Афродита печется не о плотском соитии и Дионис не о винном похмелье, но стремятся они к тому взаимовлечению, доброжелательности, обходительности и свычности, которые через это достигаются; вот об этих трудах и говорит Солон, что они божественны, к ним и объявляет он любовь свою и охоту, в старости же лет — особенную, Афродита трудами своими вершит взаимную приязнь и любовь между мужчинами и женщинами, сливая и сплавляя наслаждением их тела, чтобы слить души; а Дионис, своим огненным вином умягчая и увлажняя наше сердце, полагает в нем начало приязни и сближению со многими, прежде нам не близкими и даже почти не знакомыми. Ну, а когда собираются вкупе такие мужи, каких созвал здесь Периандр, то не надобны, мне кажется, ни кувшин, ни чаша, ибо сами Музы вместо них предлагают нам беседу, как некий трезвенный кратер[57], в котором и услада, и забава, и польза, которым они разливают, орошают, оживляют в нас взаимную приязнь, а "черпак на чаше" оставляют без движения, ибо запретил это Гесиод[58] только для тех, кто умеет пить, а не умеет разговаривать. Да и над вином, как я слышал, древние говорили заздравные слова, а пили они, по Гомерову слову[59], "твердою мерою каждый", подобно тому, как Аянт передавал части мяса соседу своему».

Когда Мнесифил окончил свою речь, заговорил стихотворец Херсий[60], тот, которого Периандр недавно оправдал от обвинения и по Хилоновой просьбе вновь приблизил к себе:

«Не так ли и Зевс для богов, и Агамемнон для героев "твердою мерою" изливает вино, чтобы они в застолье у хозяина пили за здравие друг друга?»

«Уж не думаешь ли ты, Херсий,— возразил на это Клеодор,— что если, по вашим словам, амброзию Зевсу приносят голубки, еле-еле с трудом минуя Блуждающие скалы[61], то и нектар у него малодоступен и необилен, так что приходится ему быть бережливым и хозяйственно мерить долю каждого?»

14. «А почему бы и не так? — сказал Херсий. — Впрочем, раз уж речь пошла о делах хозяйственных, то, может быть, недосказанное нам скажет кто-нибудь из вас? Недосказано же осталось, по-моему, о том, какова есть необходимая и достаточная мера всякому приобретению».

«Для мудрых,— сказал Клеобул,— меру эту предписывает закон; а для глупых расскажу я басню[62], которую дочь моя сказывала своему брату. Однажды, говорят, Луна попросила свою мать: "Сшей мне платье по моей мерке". Но та ответила: "Как же я сошью его по мерке? Ведь сейчас ты полная, а скоро станешь худенькой, а потом и вовсе изогнешься

в другую сторону". Вот так же, любезный Херсий, и человеку дурному и неразумному никакое приобретение не будет по мерке. Всякий час у него иные потребности из-за разных случайностей и похотей; он подобен Эзоповой собаке, которая, как говорится в басне, захотела однажды зимою, ежась и сворачиваясь клубком от холода, выстроить себе дом; но как пришло лето и можно стало спать, растянувшись во всю длину, то она рассудила, что слишком уж она велика, и дом ей вовсе не нужен, да и построить такое большое жилье будет нелегко. Разве ты не видишь, Херсий, как люди то копят крохи и живут в обрез, по-лаконски, то решают, что нет им жизни, коли не в их руках все добро всех царей и всего простонародья?»

Херсий промолчал, и тогда опять заговорил Клеодор:

«Но ведь и вы, мудрецы, как нам известно, приобретения свои не равными мерами распределяете?»

«Добрый человек! — ответил ему Клеобул.— Закон, как портной, каждому из нас предлагает то, что для нас соразмерно, уместно и складно: ведь когда ты кормишь, подкрепляешь и лечишь бессильных, то ты даешь каждому не поровну, а по стольку, сколько нужно, следуя расчету, как мы — закону».

«Значит,— перебил его Ардал,— это закон велит Эпимениду, вашему товарищу и Солонову гостеприимцу, ничего не брать в рот, кроме малого кусочка[63] собственного приготовления для избавления от голода, и дни свои проводить без завтрака и обеда?»

На таких словах застолье приостановилось, а Фалес пошутил, что тем лучше для Эпименида, если он не хочет ни молоть, ни печь себе хлеб[64], как приходится Питтаку. «Потому что в бытность мою на Лесбосе,— сказал он,— слышал я как хозяйка моя пела над своею мельницею:

Мели, мельница, мели:
Так ведь мелет и Питтак,
Царь великих Митилен!

А Солон сказал:

«Странно мне, что Ардал не приметил, что закон, указующий этому мужу образ его питания, записан в стихах Гесиода: это Гесиод первый посеял для Эпименида семена его пищи, научив его изыскивать,

Сколько нам мальвы полезны и сколько
нужны асфодели[65].

«Значит, по-твоему, вот какие намеки делал здесь Гесиод,— сказал Периандр,— а не просто восхвалял, как всегда, бережливость и поэтому предлагал самое простое кушанье как самое вкусное? Мальва и впрямь кушанье полезное, а асфодель — приятное; оба они, как я слышал, не столько питают, сколько голод и жажду отгоняют, а есть их можно с медом, с чужеземным сыром и со многими редкими семенами. Почему бы тогда, в самом деле, по Гесиодову слову, не "запечатать дым на замок" —

И да погибнут труды и быков и измученных мулов![66] —

если остальная пища требует такого приготовления? Странно мне также, Солон, как это гость твой, совершая давеча на Делосе великое очищение[67], не дознался, как у них для напоминания о первобытной пище приносят в святилища вместе с прочей простой дикорастущей зеленью и мальву, и асфодель. Вот за эту простоту и полезность и приветствует их, как думается, Гесиод».

«Не только за это,— добавил Анахарсис,— а и за то, что из всей зелени они более всего способствуют здоровью».

«Ты дело говоришь,— подтвердил Клеодем,— ибо Гесиод заведомо был во врачевании сведущ, опытен и небеспечен, рассуждая и о составе пищи, и о смешении вина, и о свойствах хорошей воды, и об омовении женщин, и о времени для соития, и о зачатии младенцев. Однако, думается мне, больше, нежели Эпименид, имеет право зваться выучеником Гесиодовым наш Эзоп, ибо вся его мудрость, прекрасная, пестрая и разноязычная, начало свое берет в той притче, которую Гесиод сказывает о соловье и ястребе[68]. Но не лучше ли нам послушать Солона? Он в Афинах долго жил с Эпименидом и, наверное, знает, от каких он чувств и размышлений пришел к такому образу питания».

15. «Надобно ли об этом еще и спрашивать? — сказал Солон. — Очевидно ведь, что за высшим и лучшим из благ ближе всего следует довольство скромнейшею пищею, ибо

высшее из благ по справедливости слывет в том, чтобы вовсе в пище не нуждаться».

«Никак не могу согласиться! — откликнулся Клеодор. — А здесь, перед этими столами, особенно пагубно отвергать пищу: ибо что такое стол, как не алтарь богов, пекущихся о дружестве и гостеприимстве? Как Фалес говорит, что с исчезновением земли пришло бы в смешение все мироздание, так и в доме: вместе с пищею отменится и очажный огонь, и самый очаг, и чаши, и угощение, и странноприимство, и все, что есть меж людьми общительного и человеколюбивого, а проще сказать — вся жизнь, если только жизнь есть последовательность человеческих дел, большая часть которых имеет предметом добывание и приготовление пищи. Беда наступит и для землепашества, друг мой,— оно заглохнет, и земля останется невозделанной и неухоженной и от праздности зарастет бесплодными порослями и размоется разливами; а вместе с этим погибнут и все искусства и ремесла, для которых пища была и есть побуждением, предметом и основою и которые без нее обратятся в ничто. Самое почитание богов, и оно иссякнет: меньше будет от людей честь Солнцу, еще меньше того — Луне, если только и останется чтить их за свет и тепло; а Зевсу-дожденосцу, а Деметре-пахотнице, а Посейдону-питателю сыщется ли жертвенник, сыщутся ли жертвы? А Дионису Благодатному будут ли от нас начатки, будут ли возлияния, будут ли заклания, если никакие дары его будут нам не надобны? Вот какие кроются во всем этом перевороты и смуты. Неразумен тот, кто всецело пре-

дан всяческим наслаждениям; но бесчувствен тот, кто избегает их всех и каждого. Пусть же располагает душа своими высшими ей присущими наслаждениями; но для тела нет наслаждения законней, чем от пищи, ибо вершится оно на глазах у людей и предаются ему сообща среди пиров и застолий, а не так, как любовным утехам, в ночном глубоком мраке; и как приверженность к похоти почитается бесстыдством и звероподобием, так неприверженность к застолью — глупостью».

Когда Клеодор кончил, то заговорил я:

«Ты еще упустил,— сказал я,— что, отвергая пищу, мы отвергаем и сон; а без сна нет и сновидений, а без них мы лишаемся стариннейшего из гаданий о будущем. Односторонней станет тогда жизнь, и без пользы будет тело облекать душу: ведь больше всего и главнее всего в нем те части, которые служат питанию,— зубы, язык, желудок и печень,— все небездеятельны и не предназначены ни для чего иного. Стало быть, если в пище нет нужды, то и в теле нет нужды, а это значит, что и в самом себе нет нужды, потому что не бывает человека без тела. Таково наше заступничество в пользу утробы,— закончил я,— если же Солон или кто другой захочет высказаться против, то послушаем его».

16. «Конечно! — сказал Солон. — А не то мы покажемся неразумнее, чем египтяне: ведь даже они своих покойников вскрывают, выставляют на солнце, потом внутрен-

ности бросают в реку, а остальное тело считают после этого очищенным и заботятся о нем. В самом деле, именно внутренности — скверна нашего тела, подлинный его тартар, подобно Аидову, полный страшными потоками, огненными ветрами и трупами. Живое живым не кормится; а мы убиваем животных и растения, которые тоже живут, ибо растут и питаются, и такое убиение неправедно: ведь преобразиться во что-то совсем иное,— значит погибнуть, а пойти кому-то в пищу — значит погибнуть вконец. Воздержание от мясной пищи, которое, говорят, соблюдал древний Орфей[69], есть лишь увертка, а не избавление от всех нечистей, порождаемых пищею. Истинное же избавление и очищение есть одно: в совершенной праведности достичь самодовления и безнуждности. Кому бог не дал способности выжить без вреда для других, тому он в самую природу его заложил начало неправедности. Так не лучше ли, друг мой, исторгая из себя неправедность, исторгнуть и желудок, и печень, и внутренности? Ведь они нам не дают ни чувства прекрасного, ни побуждения к прекрасному, а похожи разве что на кухонную, мельничную и тому подобную утварь — ножи, котлы, жернова, квашни, очаги, колодезные лопаты. Без труда можно видеть, как у многих душа в теле заточена, словно на мельнице, и только и знает, что бродить вокруг съестной потребы. Так и мы сами только что не видели и не слышали друг друга, а каждый горбился, как раб, перед потребностью в пище; но теперь столы отодвинуты[70], мы свободны, и ты видишь: на головах у нас венки, мы ведем беседу, никуда не торопимся и поистине наслаждаемся друг другом, а все потому, что из-

бавились от нужды в пище. Скажи: если бы это нынешнее наше состояние могло продлиться без помех всю жизнь, разве мы не обрадовались бы этому досугу быть друг с другом, не думая о бедности, не ведая богатства? Ведь с потребностью в необходимом вместе и вслед идет жажда избыточного.

Вот наш Клеодор полагает, что пища нам нужна, чтобы были у нас столы и чаши и чтобы приносили мы жертвы Деметре и Коре. Но тогда, пожалуй, другой кто-нибудь скажет, что и война, и битвы нам нужны, чтобы были у нас стены, верфи да оружейни и чтобы приносили мы жертвы за каждую сотню убитых врагов, как принято это у мессенян[71]. А третий огорчится, что все мы здоровы; никто, мол, не болен, а оттого и постели-то не нужны, и мягкие подстилки, ни Асклепию мы жертв не приносим, ни богам-хранителям, и все врачебное дело с его снастями и лекарствами заброшено в небрежении. Разве это не одно и то же? Ведь и пища принимается как лекарство от голода, и все питающиеся могли бы сказать, что принимают ее не для сласти и удовольствия, а потому что она необходима их природе. И подлинно: можно насчитать от пищи больше тягот, чем удовольствий, причем удовольствиям этим в теле и место дано малое, и время недолгое, тогда как заботы и хлопоты о добывании пищи столькими переполняют нас мучениями и унижениями! Это, думается, и Гомер имел ввиду, когда указывал, что боги бессмертны оттого, что не питаются нашей пищей:

Ибо ни брашн не едят, ни от гроздей вина не вкушают;
Тем и бескровны они, и бессмертными их нарицают[72],—

то есть пища нам не только средство к жизни, но и средство к смерти. От нее и болезни вскармливаются в нашем теле, одинаково страдающем и от недоедания, и от переполнения; часто даже не так трудно бывает раздобыть и собрать пищу, как усвоить ее телом и разнести по членам. Но как если бы спросить Данаид, что они будут делать и как жить, коли избавят их от трудов над худою бочкою, так и мы не знали бы, что делать, если не нужно станет тащить столько даров земли и моря в ненасытное наше тело: а все оттого, что мы не знаем истинно прекрасного и поэтому довольствуемся жизнью, наполненной заботами о пропитании. Как рабы, получив волю, начинают делать сами для себя то, что прежде делали на пользу господ, так душа наша, ныне питающая тело ценой многих трудов и забот, по избавлении от этого служения будет на свободе питать сама себя и будет жить со взором, обращенным лишь на самое себя и истину, ничем не отвлекаемая и не отвращаемая».

Вот что, дорогой Никарх, сказано было о пище.

17. Солон еще не кончил свою речь, как вдруг вошел Горг, брат Периандра, который по указанию божественных вещаний послан был на Тенарский мыс[73] со священным посольством и жертвами Посейдону. Все мы его приветствовали, а Периандр обнял и поцеловал; после этого он сел на ложе

к Периандру и сказал ему что-то так, чтобы больше никто не слышал. Периандр слушал и, казалось, был от его слов взволнован многими чувствами: он казался то удрученным, то возмущенным, порой недоверчивым, а потом изумленным; наконец рассмеявшись, он обратился к нам так:

«Мне бы очень хотелось тотчас рассказать вам то, что я услышал, но я не решаюсь: ведь Фалес было сказал, что говорить надобно о правдоподобном, а о невероятном лучше молчать!»

«У Фалеса есть и другое мудрое слово,— возразил ему Биант,— "врагам и в вероятном не верь, друзьям и в невероятном верь"; причем врагами он зовет, по-моему, людей дурных и глупых, а друзьями — добрых и разумных».

«Что ж! — сказал Периандр,— значит надобно, Горг, повторить рассказ передо всеми, а лучше сказать, переложить принесенное тобой известие на лад новейших дифирамбов»[74].

18. И вот что рассказал тогда Горг.

Три дня он справлял священный праздник, а на последнюю ночь было бдение на морском берегу с хороводами и играми; луна сияла над морем, ветра не было, небо и море были спокойны. Тогда-то явилась на море зыбь, катящаяся к мысу, вся в пене и с громким шумом, так что все в удивлении сбе-

жались к тому месту, куда шла зыбь. Не успели они догадаться — так быстро она приближалась,— как уже можно было разглядеть дельфинов: одни шли стадом, образуя круг, другие впереди, ведя к самому удобному месту берега, третьи позади, как сопровождающие. А посредине их над морем виднелись очертания какого-то тела, которое несли дельфины; очертания были смутными и непонятными, пока дельфины не сомкнулись теснее, не подплыли к берегу и не вынесли на сушу шевелящегося и дышащего человека, а сами опять понеслись в сторону мыса, подпрыгивая над водою выше обычного, словно они веселились и плясали от избытка радости. «Многие из нас,— сказал Горг,— испугались и бросились от моря прочь, но некоторые, и с ними я, набравшись храбрости, подошли поближе и узнали в этом человеке кифареда Ариона[75]: он и сам назвал себя по имени, и по одежде это было видно — на нем был тот наряд, в котором он являлся в лирных состязаниях. Мы перенесли его в хижину; и так как он был невредим, а только утомлен и обессилен быстротою и плеском плавания, то мы услышали от него рассказ, которому бы никто не поверил, кроме нас, своими глазами видевших развязку».

Арион сказал нам, что давно уже хотел воротиться из Италии, а после письма от Периандра — еще решительнее; и как только из Коринфа пришел грузовой корабль, он тотчас на него взошел и отплыл. Три дня плыли они под ровным ветром, как вдруг... (*в тексте лакуна*). Он заметил, что корабельщики замышляют погубить его, а потом услышал тайным образом от корабельного кормчего, что они решили сделать за-

думанное в эту же ночь. Беспомощный и недоумевающий, он послушался тогда божественного побуждения: заживо нарядиться на смерть, как на лирное состязание, и пропеть, умирая, свою последнюю песнь, чтобы и в этом быть не хуже лебедя. И вот, изготовясь и объявив, что он намерен пропеть Пифийскую песнь[76] во спасение себя, корабля и корабельщиков, он встал у борта на носу, и, воззвавши для начала к морским божествам, повел песнь. Не успел он допеть до середины, как солнце кануло в море, а впереди показался Пелопоннес. Видя, что корабельщики, не дожидаясь ночи, двинулись вперед, чтобы его убить, и мечи их обнажены, и кормчий закрыл лицо плащом, он взбежал и бросился в море как можно дальше от корабля.

Но не успел он погрузиться с головою, как к нему сплылись дельфины и подхватили его на спины, растерянного, недоумевающего и поначалу перепуганного. Лишь когда он увидел, что дельфины несут его легко, что собралось их вокруг него великое множество, что передают они его друг другу охотно, словно выполняя поочередную общую обязанность, и плывут они так быстро, что корабль уже остался далеко позади,— то не столько почувствовал он страх смерти или желание жить, сколько гордость и твердую веру в богов, ибо такое спасение доказывало, что он любим богами. А, видя небо, полное звезд, и встающую луну, сияющую и чистую, и морскую гладь, стлавшуюся дорогою вслед их пути, он задумался, что не единым оком смотрит Правда, но со всех сторон взирает бог на то, что вершится на суше и на море; и мысли эти, по словам его, умеряли тяготу его телесного

утомления. Когда же под конец встал перед ним высокий обрывистый мыс и дельфины осторожно обогнули его и понеслись вдоль изгибающегося берега, словно ведя корабль в безопасную гавань, то он вполне уверился, что это бог направляет его путь.

«Когда Арион это рассказал нам,— продолжал Горг,— я спросил его, где, по его мнению, должен был причалить корабль. Он ответил, что, конечно, в Коринфе, но гораздо позже: в море он бросился вечером, плыл не менее пятисот стадиев[77], и тотчас затем наступило сковывающее безветрие». Тем не менее Горг спросил у него, как звали и судовладельца, и кормчего, и самый корабль, а потом выслал лодки и воинов, чтобы подстерегать его у пристаней; Ариона он взял с собою, но переодетого, чтобы те, узнав о его спасении, не сбежали. И оказалось, что поистине дело было не без божественного случая: только они прибыли сюда, как услышали, что сторожевые воины уже задержали корабль и схватили купцов и гребцов.

19. Периандр приказал Горгу тотчас пойти и заключить пленников в темницу и чтобы никто не мог к ним прийти и рассказать о спасении Ариона. А Эзоп сказал:

«Вот вы надо мною смеетесь, что у меня галки и вороны разговаривают; а оказывается, ваши дельфины не хуже того отличаются?»

«Я и не то еще расскажу тебе, Эзоп,— сказал я,— Этой истории, записанной в книгах и заслуживающей доверия...[78] ... прошло более тысячи лет со времен Ино и Афаманта».

«Однако, Диокл,— возразил мне Солон,— это слишком уж близко к богам и выше людей; а вот то, что случилось с Гесиодом, оно и людское дело, и нас касающееся. Ты, верно, об этом слышал?»

«Нимало!» — сказал я.

«Тогда об этом стоит узнать. Один человек (кажется, милетянин), вместе с Гесиодом гостивший в Локриде, вступил в тайную связь с хозяйскою дочерью; это открылось, и на Гесиода пало подозрение, что он знал о преступлении с самого начала, но скрывал. На самом же деле никакой вины на нем не было, а стал он жертвой неправедного гнева и клеветы: братья девушки, засев в засаде близ святилища Зевса Немейского, что в Локриде, умертвили его и его спутника, имя которого было Троил. Тела их бросили в море; Троилово тело с моря занесло в устье реки Дафна и там прибило к утесу, невысоко поднимающемуся из воды, и утес этот доныне называется "Троил"; Гесиодово же тело, как упало оно с берега, тотчас подхватила стая дельфинов и отнесла к Рию, что напротив Моликрии[79]. Там как раз сошлись тогда локрийцы к жертвам на Рийский праздник, который и теперь пышно справляется в тех же самых местах; завидев несущееся к ним тело, они, понятным образом, изумились, сбежались к берегу, узнали мертвого (он был еще узнаваем) и, забыв обо всем, занялись расследованием убийства, ибо такова была Гесио-

дова слава. Быстро доискавшись, они обнаружили убийц, бросили их заживо в море, а дом их срыли; Гесиода же погребли возле Немейского святилища, но иноземцы о его гробнице по большей части не знают — ее скрывают, так как орхоменяне будто бы хотят по велению оракула похитить его останки и схоронить их у себя. Ежели дельфины так добры и бережны с мертвыми, то подавно не приходится удивляться, что они помогают живым, особенно когда очарованы каким-нибудь пением или флейтою. Мы ведь все знаем, что животные эти любят музыку, и когда корабли в безветрие гребут под песню и флейту, то они их догоняют, плывут рядом и рады такому плаванию; а когда в море плавают и ныряют мальчики, то они любят с ними состязаться взапуски. Поэтому есть даже неписаный закон об их неприкосновенности: на дельфинов не охотятся и не делают им вреда — только если они попадутся в невод и погубят улов, то их наказывают розгами, как провинившихся мальчишек. Помнится, и на Лесбосе я слышал, как какую-то девушку дельфин спас из моря; но Питтак об этом знает лучше, так что пусть расскажет он».

20. Питтак подтвердил, что рассказ этот очень известный, и многие его помнят. Жителям Лесбоса был оракул: когда в плаваниях они встретят мыс, называемый «Месогей», то принести на нем жертву, бросив в море Посейдону быка,

а Нереидам с Амфитритою — живую девушку. Вождей и царей у лесбосцев было семь, а восьмой, Эхелай, назначенный оракулом в начальники переселения, был еще не женат. Те из семерых, у которых были незамужние дочери, бросили жребий и он пал на дочь Сминфия. Ее нарядили, украсили золотом и когда достигли назначенного места, то хотели, помолясь, бросить в море. Но среди переселенцев был юноша, влюбленный в эту девушку,— рода он был, по-видимому, знатного, а звали его, помнится, Энал. Он, воспылав неодолимым желанием помочь девушке в ее беде, в последний миг бросился к ней, обнял ее и вместе с нею упал в море[80]. Вот тогда и распространилась быстрая молва, ничем не подтверждаемая, но многих в народе убедившая, что оба они были спасены и вынесены на берег: говорили, что потом Энал явился на Лесбосе и рассказал, будто их подхватили в море дельфины и невредимо донесли до твердой земли. Есть и еще более чудесные рассказы, поражающие и пленяющие народ, но поверить им нелегко. Говорят, например, что вокруг острова встала высокая волна, люди были перепуганы, и только Энал вышел навстречу морю; из моря вслед за ним к храму Посейдона потянулись осьминоги, самый большой из них нес камень, этот камень Энал посвятил Посейдону, и до сих пор камень этот называется Эналом. «Вообще же,— сказал Питтак,— если бы люди понимали разницу между невозможным и необычным, между противным природе и противным нашим представлениям, тогда бы они не впадали ни в доверчивость, ни в недоверчивость, а соблюдали бы твое правило, Хилон: “Ничего сверх меры!”»

21. После этого Анахарсис заговорил о том, что как, по превосходному предположению Фалеса[81], душа присутствует во всех важнейших и величайших частях мироздания, то не приходится удивляться, что самые замечательные события совершаются по божьей воле. Тело есть орудие души, а душа — орудие бога; и как тело многие движения производит своею силой, но больше всего и лучше всего — силою души, так и душа некоторые движения совершает сама по себе, некоторые же вверяет богу, чтобы он обращал и направлял ее по своей воле; и из всех орудий душа — самое послушное. В самом деле (сказал Анахарсис), если и огонь есть орудие бога, и вода, и ветер, и облака, и дожди, которыми он одних спасает и питает, а других уничтожает и губит, то было бы поразительно, если бы только животные были во всех его делах совершенно ему бесполезны. Гораздо вероятнее, что и они зависят от божьей силы и служат ей, отвечая движениям божества точно так же, как луки — скифам, а лиры и флейты — эллинам.

Затем стихотворец Херсий напомнил, что среди таких негаданно спасшихся мужей был и Кипсел, отец самого Периандра: его, новорожденного, должны были убить, но он улыбнулся навстречу посланным, и они поколебались; а когда, собравшись с духом, они снова стали искать его, то не нашли, потому что мать укрыла его в ларце[82]. За то Кипсел потом и поставил в Дельфах сокровищницу, что бог сдержал его младенческий плач, чтобы его не обнаружили искавшие.

Тут Питтак, обратясь к Периандру, сказал:

«Хорошо, что Херсий напомнил об этой сокровищнице, Периандр. Я часто хотел тебя спросить, почему там у подножия пальмы изображено на металле множество лягушек[83]: какое они имеют отношение к жертвователю или к богу?»

Периандр предложил ему спросить об этом Херсия: тот знает, и сам был при Кипселе, когда он освящал свою сокровищницу. Но Херсий только улыбнулся.

«Прежде чем объяснять,— сказал он, — я сам бы хотел спросить у собравшихся здесь: а что значат их слова "Ничего сверх меры", или "Познай себя", или, наконец, те, из-за которых многие отказывались жениться, многие — доверять, а некоторые — даже разговаривать: "За ручательством — расплата?"»

«Что ж тут нам тебе объяснять? — возразил Питтак.— Ведь Эзоп давно уже на каждое из этих речений сочинил по басне, и ты их, кажется, похваливал».

«Похваливал, но в шутку,— отозвался Эзоп, — а всерьез он мне доказывал, что настоящий создатель этих правил — Гомер: что Гектор, например, "знал себя", нападал на других,

> Но с Аяксом борьбы избегал, с Теламоновым сыном[84],

что Одиссей советует Диомеду следовать именно правилу "Ничего сверх меры":

> Слишком меня ни хвали, ни хули,
> Диомед благородный[85],

а за то, что ручательство он, по-видимому, считает делом пустым и ненадежным, его даже многие порицают:

Знаешь ты сам, что всегда неверна за неверных порука[86].

Впрочем, наш Херсий говорит, что Расплату обрушил на землю сам Зевс за то, что она была при поручительстве Зевса[87] о Геракловом рождении, когда его обманули».

«Что ж! — сказал тогда Солон, — Последуем тогда премудрому Гомеру и в том, что

Уж приближается ночь; покориться и ночи приятно.

Совершим же возлияния Музам, Посейдону и Амфитрите[88] — и не пора ли нам на этом и кончить пир?»

Вот как, Никарх, закончилось это собрание[89].

Примечания

[1] Очевидно, скрытая полемика с доплутарховским сочинением на ту же тему.

[2] Искусство Диокла, как видно из дальнейшего,— гадание; религиозный Диокл и рационалистичный Фалес противопоставлены друг другу.

[3] *Лехей* — западная гавань Коринфа, выходящая на Коринфский залив; дорога туда шла меж «длинных стен» (как в Афинах). Храм Афродиты в Лехее более никем не упоминается.

[4] О кровосмесительной любви матери Периандра к своему сыну ср. Parth., 17; Диоген Лаэртский (I, 96) возводит этот рассказ к фантастическим наговорам Псевдо-Аристиппа («О роскоши древних»).

[5] *Навкратис* — греческая колония в дельте Нила, основанная в конце VII в. до н. э. О пребывании Солона в Египте ср. Плутарх, Солон, 26; о Фалесе — D. S., I, 38.

[6] Парафраза поговорки «На Пирру...» — о лесбосском городке, бывшем жертвою многих катастроф (Zen., IV. 2).

[7] Эта знаменитая хрия обычно приписывалась Эзопу, но иногда и Питтаку, и Солону, и Фалесу. Упоминание об Амасисе — анахронизм: этот саисский царь правил в 570—526 гг.

[8] Это открытие подобия треугольников настойчиво приписывается Фалесу (Plin., nat. XXXVI, 12; Д. Л., I, 27), но научно разработан этот раздел геометрии был лишь в эпоху Платона.

[9] Это изречение приписывалось также Хилону (Д. Л., I, 36 и 73). Молпагором звали отца Аристагора Милетского, восставшего в 500 г. против персов; если имеется в виду он, то это явный анахронизм.

[10] В Quom. adul., 61 с. Плутарх приписывает эту сентенцию Бианту.

[11] В шутку — потому, что сперва Питтак был другом митиленского тирана Мирсила и лишь потом вступил с ним в борьбу.

[12] Источник этой легенды — слова самого Солона.

[13] Эти слова обсуждаются у Платона в «Протагоре». Собственно Питтак считался лишь эсимнетом, «устроителем» Митилен, хотя Алкей и звал его тираном, а народная песня — царем.

[14] Т. е. казнить аристократов; живописный рассказ, как Фрасибул показывал это, сшибая колосья в поле, см. Геродот, V, 92 (но у Геродота Периандр послушался этого совета).

[15] Ср. Ath., XII, 521 с. из Филарха.

[16] Разночтение: «...от такой докуки и рвотой не отделаешься».

[17] Собственно, деревянный саркофаг с изображением покойника (Геродот, II, 78). В античности действительно пирующие забавлялись изображениями скелетов — ср. Петроний, 34, и знаменитый кубок из Боскореале.

[18] Окружать дома портиком стало обычным лишь в эллинистическую эпоху.

[19] См. примечание в конце текста.

[20] Это имя приблизительно значит «благое разумение».

[21] Более ни в каких источниках не упоминается: здесь он противопоставляется милетскому мудрецу, как милетский же тиранский сын.

[22] Ср. Изр. спарт. 208 D, 219 D.

[23] Очевидно, имеются в виду философы-правители: Клеобул, Питтак, Солон и пр.

[24] У Федра (III, 3) этот анекдот рассказывается об Эзопе.

[25] Сын бога Гефеста, считался изобретателем флейты. Его храм в Трезене описывается Павсанием (II, 31, 3).

[26] Предполагается, что в этой поездке Эзоп и погибнет от коварства дельфийцев, подбросивших ему золотую чашу в мешок и обвинивших его в краже.

[27] Эзоп, 300.

[28] Возражение Хилона не совсем ясно («Ты раб, а ходишь в посланниках»?).

[29] Разница между «мудрым» и обычным пиром, обсуждаемая еще у Платона в «Протагоре». В действительности Периандр был известен и законами против роскоши.

[30] Перед началом симпосия.

[31] Т. е. флейтистки нужны только для пьяных застолий. Скифам греки приписывали одновременно два противоположных качества — неприязнь к пьянству и любовь к чистому вину.

[32] Жители города Бусириса в той же Нильской дельте.

[33] Остров у первого Нильского порога, южная граница Египта.

[34] Амасис перелил его на золотую статую бога, а народу объяснил, что вот так и он из человека низкородного стал царем.

[35] Од. XIII, 14 (феакийцы собирают подарки для отплывающего Одиссея). «Первины мудрости» — выражение Платона («Протагор») о надписях семи мудрецов в Дельфах.

[36] По конъектуре Райске: «божьего голоса...».

[37] Т. е. помимо бани, для упражнений в палестрах, которые были привилегией свободного юношества.

[38] Текст испорчен, перевод предположительный.

[39] Имеется в виду «скитала», шифровальная палка: ее обматывали ремнем, на ремне писали текст поперек, а потом распускали; надпись мог прочесть лишь тот, у кого была палка такой же толщины.

[40] Эта популярная форма народной дидактической словесности «Что самое-самое...?» напоминает, конечно, о вопросе Креза Солону: «Кто самый счастливый человек?» и о том, как Солон отказался назвать таковым Креза (Геродот, I, 26—33).

[41] Тема из Платонова «Государства».

[42] По Платону и Плутарху демоны — не злые духи, а посредники между божеством и людьми.

[43] Т. е. «проливать слезы». Алиатт — лидийский царь, отец Креза, воевавший с малоазийскими греками.

[44] За речную долину на Евбее между городами Халкидой и Эретрией.

[45] О состязании Гомера и Гесиода ср. Заст. бес. V, 2.

[46] *Лесх* — поэт гомеровской «школы», автор поэмы «Малая Илиада».

[47] Загадка цитируется еще Аристотелем в «Поэтике».

[48] Об этом законе ср.: Плутарх, Солон, 19.

[49] «Дом — не стены, а люди» — мысль Ксенофонта (Домостр. I, 5).

[50] Эзоп, 12.

[51] Ср.: Плутарх, Ликург, 19.

[52] Чаша (по имени знаменитого резчика), которую рыбаки выловили в море, а оракул велел поднести мудрейшему; ее поднесли одному из семи мудрецов, он переслал другому, и так чаша

обошла всех (впервые легенда была рассказана в «Ямбах» Каллимаха).

[53] Солон, Anth. Lyr. I, p.32, fr.20.

[54] Ср.: Аристотель, Политика, 1274 b 15 сл.

[55] Текст испорчен, перевод по конъектуре Виттенбаха.

[56] Эзоп, 382.

[57] Сосуд, в котором смешивали вино с водой.

[58] Гесиод, Труды и дни, 744—745 (пер. В. Вересаева):

Также, в то время, как пьют, черпака на кратерную крышку
Не помещай никогда: не весельем окончится это.

[59] Ил. IV, 261.

[60] Поэт из Орхомена, автор эпитафии Гесиода (Павсаний, IX, 39).

[61] Од. XII, 61.

[62] Обе басни в античных эзоповских сборниках отсутствуют; в современном издании — N 383—384. Клеобул начинает это обсуждение как автор сентенции «мера превыше всего».

[63] О том, какой пищей поддерживал свою жизнь Эпименид, критский жрец и мудрец, знаменитый своим сказочным долголетием, писал еще Феофраст в «Исследовании о растениях».

[64] Видимо, эта легенда развилась из нападок в стихах Алкея, попрекавшего Питтака позорным рабским трудом.

[65] Гесиод, Труды и дни, 41; 202—212.

[66] Там же, 46.

[67] Великое очищение на Делосе, произведенное Эпименидом в середине VI в. по распоряжению тирана Писистрата, упоминается у Фукидида (III, 104).

[68] Гесиод, Труды и дни, 202—212.

[69] Платон, Законы, VII, 782 b.

[70] Противопоставляются собственно обед и послеобеденный симпосий.

[71] Обычай, упоминаемый в «Ромуле» Плутарха.

[72] Ил. V, 341—342.

[73] Крайняя южная оконечность Пелопонесса, поворотное место для кораблей, плывущих вокруг Греции; культ Посейдона на Тенаре описан Павсанием (III, 25, 4).

[74] Изысканный намек: установление классической формы дифирамба, хоровой песни в честь Диониса, приписывалось именно Ариону, о котором начинается рассказ.

[75] Рассказ о чудесном спасении этого поэта впервые изложен у Геродота (правда, речь идет не о «стаде», а об одном дельфине). Дельфин был посвящен Аполлону, и легенда об Арионе, служителе Диониса, спасенном Аполлоном, была откликом на примирение этих двух соперничающих культов в VI в.

[76] О борьбе Аполлона с Пифоном.

[77] Около ста километров.

[78] По-видимому, в последующей лакуне речь шла об Ино, жене оркоменского Афаманта, от преследования мужа бросившейся в море (подхваченной дельфином?) и ставшей морской богиней Левкофеей. По Павсанию, дельфин вынес на берег тело ее сына Меликерта, в память которого в Коринфе справлялись Истмийские игры.

[79] Рий — на южном, ахейском берегу узкого входа из Ионического моря в Коринфский залив; Моликрия и река Дафн — напротив него, на северном, локрийском берегу.

[80] Тут следует заметить, что Лесбос — родина Ариона, а Сминфий («Мышиный») — прозвище Аполлона.

[81] «Все полно богов» — знаменитое утверждение, впервые цитируемое Аристотелем (О душе, 411 а 7).

[82] См. Геродот, V, 92 (имя «Кипсел» и означает «ларец»).

[83] Лягушки — символ обновления и обилия. По платоновскому обычаю, диалог заканчивается вопросом без ответа.

[84] Ил. XI, 542.

[85] Ил. X, 249.

[86] Од. VIII, 351.

[87] Ил. XIX, 126.

[88] Музам за весь пир, а Посейдону и Амфитрите — после рассказов о спасительных дельфинах.

[89] К Семи мудрецам обычно относили греческих мыслителей и политических деятелей конца VII — начала VI в. до н. э., про-

славившихся своей жизненной и государственной мудростью. Им приписывались, как правило, афоризмы традиционной жизненной мудрости: «Познай самого себя» и пр. Наиболее общепринятый канон Семи мудрецов сформулирован в анонимной эпиграмме Палатинской антологии (IX, 366, пер. Л. Блуменау):

Семь мудрецов называю: их родину, имя, реченье.
«Мера важнее всего»,— Клеобул говаривал Линдский;
В Спарте «Познай себя самого!» — проповедовал Хилон;
Сдерживать гнев увещал Периандр, уроженец Коринфа;
«Лишку ни в чем!» — поговорка была митиленца Питтака;
«Жизни конец наблюдай!» — повторялось Салоном Афинским;
«Худших везде большинство!» — говорилось Биантом Приенским;
«Ни за кого не ручайся!» — Фалеса Милетского слово.

Солон, знаменитый афинский законодатель и архонт с 594 г. до н. э., и Периандр, тиран Коринфа (627—586), были центральными политическими фигурами своего времени; с Фалеса Милетского (ум. 546) берет начало традиционная история греческой философии; Хилон был эфором в Спарте в 560—557 гг., Питтак — тираном в Митилене на Лесбосе ок. 590—580 гг. (против него писал стихи знаменитый поэт Алкей); Клеобул и Биант остались менее заметны в истории. Чтобы сделать их современниками и собеседниками, легенде пришлось допустить некоторые хронологические натяжки. Периандр, как почти нарицательный образец тирана, казался в этом списке одиозным, поэтому Плутарх не вводит его в число мудрецов, а изображает хозяином пира; его место среди мудрецов занимает Анахарсис. Сын скифского царя Анахарсис, убитый соотечественниками за любовь к греческой культуре, упоминается Геродотом (IV, 76—78) как лицо историческое; философская литература

(главным образом, киническая) сделала его идеальным образом мудреца-дикаря. Так же как мудрец-дикарь Анахарсис, оттеняет благородный аристократизм главных героев и мудрец-раб Эзоп; он был героем многих анекдотов, в которых его простонародная мудрость торжествовала над умом философов и царей, но у Плутарха он занимает подчеркнуто подчиненное положение, а некоторые его изречения (толкование рождения кентавра, способ «выпить море», ответы на царские задачи) переданы другим персонажам. Кроме них на пиру присутствуют музыкант Ардал, врач Клеодор (в роли «беспокойного гостя»), поэт Херсий и ученик Солона Мнесифил («ревнитель Солона», носивший такое имя, был советником Фемистокла лет сто спустя). Египетский гость Нилоксен и рассказчик Диокл — лица выдуманные; Никарх, к которому обращено предисловие, носит имя прадеда Плутарха и, может быть, виделся автору дальним предком.

О «Е» в Дельфах

Перевод *Н. Б. Клячко*

1. Мне встретились недавно, дорогой Серапион[1], какие-то стихи, весьма недурные, с которыми, как думает Дикеарх[2], Еврипид обратился к царю Архелаю[3]:

Я, бедняк, не желаю делать
подарки богачу:
Не сочти меня безумным или что
мной руководит
какой-нибудь расчет.

И в самом деле, человек, дающий мало из своего скудного состояния людям богатым, нисколько им не угождает, наоборот, ему не верят, что он дарит просто так, и, мало того, он еще получает репутацию подлого и низкого человека.

Но посмотри, насколько денежные подарки уступают по благородству и красоте дарам разума и мудрости: приятно и дарить их, и просить взамен от получивших подобных же даров. Поэтому я посылаю тебе, а через тебя и нашим друзьям[4] свои первые плоды — некоторые из пифийских речей — в надежде, признаюсь, получить от вас подобные же подарки в большем количестве и более хорошие, поскольку вы располагаете возможностями многолюдного города и имеете свободное время для чтения многих книг и для разнообразных бесед[5].

Итак, мне представляется, что дорогой нам Аполлон излечивает и разрешает трудности, касающиеся жизненных обстоятельств, посредством прорицаний, которые он дает людям, вопрошающим оракул; но трудности, разрешаемые только посредством размышления, он как будто бы сам посылает философу, возбуждая у него аппетит, зовущий того к поиску истины. Это ясно из многих примеров, и в том числе из посвященной ему буквы «Е». Ведь совершенно очевидно, что эта буква — не случайно и не по какому-то жребию — единственная из букв занимает почетное место рядом с богом и как священное пожертвование служит предметом религиозного созерцания. Нет, первые мудрецы, размышлявшие о боге, поместили ее на столь почетное место потому, что или заметили в ней какой-то особый и замечательный смысл, или сами пользовались ею как символом чего-то достойного внимания.

Уже неоднократно раньше я старался незаметно уклониться от этого вопроса, предлагавшегося в нашей ученой

беседе, и обойти его; но недавно я был буквально осажден своими сыновьями, поддерживающими просьбу каких-то иностранцев, которые уже собрались покинуть Дельфы, и было бы неприлично пренебречь их уговорами и отказать тем, кто непременно хотел об этом узнать.

И вот, усадив их вдоль храма, я сам начал что-то говорить, о чем-то у них спрашивать, и само место и наши разговоры вызвали у меня воспоминания о том, что когда-то, еще во время пребывания здесь Нерона, мы услышали от Аммония[6] и некоторых других лиц, беседовавших на этом же месте и натолкнувшихся на ту же затруднительную проблему.

2. Относительно того, что бог не в меньшей степени является философом, чем прорицателем, всем показались правильными объяснения Аммония; он раскрыл значение каждого имени бога: «Пифиец» — бог для начинающих учиться и исследовать, «Делиец» и «Фанес» — для тех, перед кем уже частично раскрывается истина, «Исмений» — для обладающих знанием и «Лесхинорий» — для людей, которые уже набрались опыта и извлекают пользу из споров и философских бесед друг с другом[7]. «Так как начало философии,— сказал он,— это поиск истины, а начало поиска — удивление и затруднение, то естественно, что многое, касающееся божественных дел, кажется сплошными загадками и настоя-

тельно требует вопроса "почему?" и исследования причины. Например, о вечном огне: почему сжигают в этом месте только еловые дрова и пользуются для воскурений только лавром? Почему воздвигают две статуи Мойр[8], хотя повсюду считают, что Мойр три. Почему ни одной женщине нельзя обратиться к оракулу[9] и в чем смысл треножника? И сколько еще других подобных вопросов, предлагаемых в качестве приманки, привлекают людей, не совсем уже неразумных и бездушных, и зовут их наблюдать, слушать и рассуждать на эти темы. Посмотри-ка на изречения: "Познай самого себя" и "Ничего чрез меру"[10] — сколько исследований они возбудили у философов, какое множество бесед возникло из каждого изречения, как из семени. Я думаю, что не менее плодотворным будет и нынешнее наше исследование».

3. После Аммония выступил мой брат Ламприй[11]. «Вот мы выслушали речь простую и вместе с тем краткую,— сказал он. — Ведь говорят, что мудрецов (некоторые называют их софистами) было пять: Хилон, Фалес, Солон, Биант, Питтак. А затем линдский тиран Клеобул, а позже и коринфский тиран Периандр, не имевшие ничего общего ни с добродетелью, ни с мудростью, но благодаря своей власти, друзьям и милостям принудили общественное мнение присвоить им название мудрецов, изрекли какие-то гномы и по-

ложения наподобие изречений настоящих мудрецов и распространили их по Элладе.

Мудрецы были возмущены, но они не захотели изобличить их хвастовство, возбудить открытую к себе ненависть из-за славы и вступить в борьбу с могущественными людьми, а собрались и после беседы друг с другом принесли в дар богу ту из букв, которая стоит пятой в алфавите и означает цифру "пять"; тем самым они засвидетельствовали перед богом, что их только пять, а седьмого и шестого они отвергают как не имеющих к ним никакого отношения.

А что рассказывают это не попусту, можно понять, послушав служителей храма, называющих золотое "Е" даром Ливии, жены Кесаря, медное — приношением афинян, а первое и самое древнее "Е", из чистого дерева, еще и теперь называют даром мудрецов, так как оно подарено не одним, а является общим приношением всех мудрецов».

4. На это Аммоний тихо засмеялся, подозревая, что Ламприй выдумал сам всю эту историю, но сказал, что якобы слышал ее от других, чтобы не быть за нее в ответе, а на самом деле выразил свое личное мнение. Кто-то из присутствующих заметил, что подобный вздор болтал недавно чужеземец халдей: «Есть,— утверждал он,— семь букв, произносимых чистым голосом; есть семь созвездий, двигающихся по небу

движением чистым и независимым; от начала алфавита буква "Е" из гласных вторая, а солнце — из созвездий второе после луны. А Аполлон, как считают все эллины, тождествен солнцу»[12].— «Но это,— заключил говоривший,— разумеется, из области астрологических таблиц и болтовни на перекрестках».

Речь Ламприя, как следовало ожидать, незаметно вызвала раздражение служителей храма. Ведь то, что он сказал, никому из дельфийцев не было известно. В ответ они стали излагать суть общего ходячего мнения, считая, что ни начертание, ни звучание, а только значение буквы имеет смысл.

5. Как предполагают дельфийцы и как сказал тогда от их имени жрец Никандр[13], буква «Е» представляет собой формулу обращения к богу и занимает главное место в вопросах каждый раз, как вопрошают оракулы: будет ли победа? жениться ли? будет ли удачным плавание? заняться ли обработкой земли? отправиться ли путешествовать?[14]

А диалектиков[15] бог в своей мудрости с пренебрежением отсылает прочь, так как они совершенно не понимают, что дело рождается из частицы «ли» и связанного с ней предложения, между тем как бог все вопросы, подчиненные этой частице, представляет себе как дела настоящие, и они ему по душе.

Поскольку все мы имеем обыкновение обращаться к нему с вопросом как к прорицателю и молить его как бога, пола-

гают, что эта буква выражает одновременно желание не меньше, чем вопрос: ведь каждый из молящихся говорит: «О, если бы...». И Архилох умоляет: «О, если бы мне коснуться руки Необулы».

А что касается слова *ειθε* («если бы только»), то говорят, что второй слог в нем необязателен, так же как и *θην*, например, у Софрона: «Она также, конечно (*θην*), нуждалась в детях», и в стихе Гомера: «Я, конечно (*θην*), укрощу и твою ярость», так как в самом слове «если» уже достаточно ясно выражено пожелание[16].

6. После того, как Никандр все это изложил, мой товарищ Теон (ты ведь, Серапион, его знаешь) спросил Аммония, будет ли диалектике, услышавшей в свой адрес столь тяжкие оскорбления, предоставлено право откровенно высказаться[17].

На настойчивый призыв Аммония говорить и вступиться за диалектику Теон сказал: «Тот факт, что бог в высшей степени сам диалектик, ясно показывают многие его оракулы, так как ему присуще свойство и разрешать загадки, и задавать их. Больше того, как рассказывал Платон, бог, отдав предписание через оракул увеличить вдвое объем его алтаря на Делосе — дело, требующее высшего опыта в геометрии,— в действительности преследовал другую цель: побудить элли-

нов заняться геометрией[18]. Вот таким образом, путем двусмысленных оракулов, бог возвеличивает и восхваляет диалектику как необходимость для тех, кто хочет правильно понимать его. Ведь именно в диалектике имеет очень важное значение этот условный союз "если": поскольку он образует логичнейшее предложение, разве он не служит связью? Даже животные имеют понятие о существовании вещей, но только человека природа наделила способностями наблюдать связь явлений и судить о ней.

Ведь то, что существуют "день" и "свет", чувствуют, конечно, и волки, и собаки, и птицы: но то, что "если настанет день, то будет свет", никто, кроме человека, не понимает, потому что только он один схватывает мыслью движение и обстановку, внешний вид вещей и связь их друг с другом, сходство и различие — именно то, в чем доказательства черпают главную силу.

Так как философия — это поиск истины, а обнаружение истины — это доказательство ее, основа же доказательства — это связь явлений, то естественно, что средство, скрепляющее и выражающее эту связь, мудрецы посвятили богу, который особенно возлюбил истину. Ведь это бог-прорицатель, а искусство прорицания относительно будущего основывается на знании настоящего и прошедшего: ничто ведь не возникает без причины и не предсказывается вопреки логике. Но так как все настоящее следует за прошедшим, а будущее следует за настоящим и на пути своего движения от начала до конца они сцеплены, то бог, по своей природе обладая свойством сопоставлять друг с другом причины и связывать их воедино,

знает и вещает: “И то, что есть, и то, что будет, и то, что было”[19]. И правильно Гомер помещает в рассказе сначала настоящее, а затем будущее и прошедшее; ведь рассуждение, исходя из бытия, строится по причинно-следственной связи, как, например: “если есть вот это, значит, было то-то” и, наоборот, “если есть вот это, значит, будет то-то”.

Искусство логики, как уже отмечалось, заключается в познании причинной связи, а чувство дает добавление разуму. Поэтому я не могу удержаться от сравнения, даже если оно невыразительно, назвав разум треножником истины, так как он устанавливает причинную связь между остановкой и движением, а затем, прибавив к этому факты, ведет доказательство к выводу.

Если Пифиец, любя музыку, получает удовольствие от пения лебедей и от звуков кифары, то что же удивительного, если он из-за дружбы с диалектикой приветствует с любовью эту частицу рассуждения, которой особенно часто, как он видит, пользуются философы?

А Геракл еще до освобождения Прометея и до того, как он беседовал с мудрецами из окружения Хирона и Атланта, будучи юношей, да к тому же еще истинным беотийцем, возражал против диалектики и, смеясь над ее рассуждением “если предыдущее такое, то последующее вот такое”, он решил выдернуть силой у пифии треножник и сразиться с богом из-за искусства прорицания. Но по прошествии определенного времени даже он, как и следовало ожидать, стал одновременно и очень искусным в прорицании, и прекрасным диалектиком».

7. Когда Теон кончил свою речь, ко мне обратился (насколько я помню) афинянин Евстрофий[20]: «Ты видишь, с каким пылом Теон защищает диалектику, бросаясь на нас чуть ли не как лев[21]. В таком случае, разве нам, полагающим, что в числе заключаются все вещи в совокупности, и природные свойства их, и начала одновременно всего божеского и человеческого, нам, которые видят в числе первопричину всего самого прекрасного и ценного, подобает ли нам оставаться равнодушными? Не следует ли, напротив, принести в жертву богу первые плоды любимой математики: ведь мы считаем, что "Е" сама по себе отличается от остальных букв не смысловым значением, не начертанием и не звучанием, но она высоко ценится как знак важного и господствующего над остальными числа пяти, из-за которого мудрецы назвали глагол "считать" — "исчислять пятерками"»[22]. Евстрофий обратился именно ко мне с такой речью не шутя: ведь в это время я со страстью изучал математику, впрочем, намереваясь во всем отдавать предпочтение принципу «Ничего чрез меру», так как я был учеником в Академии.

8. Я ответил Евстрофию, что он прекрасно разрешил трудную проблему при помощи числа. «Ведь всякое число,— продолжал я,— делится на четное и нечетное, единица же

причастна к тому и другому по значению (так как прибавлением к нечетному числу она делает его четным, а прибавлением к четному делает нечетным), а число "два" считается началом четного числа, "три" — началом нечетного, число же "пять" рождается из соединения их обоих друг с другом. Поэтому естественно, чтобы оно имело особый почет, как первое число, образованное из первичных чисел, и называлось бы супружеским вследствие соответствия четного числа женскому полу, а числа нечетного — мужскому: ведь при разделении чисел пополам четное делится полностью, оно как бы что-то вмещает, какое-то начало и пространство, в то время как в нечетном числе при разделении пополам остается всегда посередине остаток деления. Поэтому нечетное число более производительное, чем четное, и при соединении с четным оно всегда преобладает и никогда не подчиняется ему: из обоих чисел ни при каком соединении не возникает четное, а всегда только нечетное число.

Больше того, каждое из них, соединяясь с самим собой, дает различный результат: никакое четное число при сложении с четным же не составит нечетного числа и не выйдет за пределы своего свойства быть четным, являясь по своей слабости и несовершенству неспособным к рождению иного, нечетного числа. А нечетные числа при сложении с нечетными рождают, благодаря своей постоянной производительности, множество четных чисел. Теперь не время рассматривать другие значения и различия чисел. Скажем только, что число "пять" рождается из соединения первого мужского числа ("три")

и первого женского ("два"), поэтому пифагорейцы называют его числом супружеским. Возможно, по этой же причине его называют также природным, так как при умножении на самое себя оно оканчивается снова на самое себя. Точно так же, как природа, получив пшеницу в зерне и впитав ее, производит в недрах многие формы и виды, через которые ведет процесс образования до его завершения, затем показывает всем пшеницу, возвращая ей в конце концов первоначальный вид. Точно так же и здесь, в то время как остальные числа при умножении на самих себя оканчиваются на другие числа, "пять" и "шесть" — единственные, которые при умножении на самих себя воспроизводят и сохраняют себя — ведь шестью шесть — тридцать шесть, а пятью пять — двадцать пять. И далее, если первое из них — "шесть" — дает такой результат только однажды и только в том случае, когда оно возведено во вторую степень, то с числом "пять" происходит то же при умножении, но, кроме того, оно попеременно оканчивается то на самое себя, то на "десять". И так до бесконечности, потому что это число воспроизводит начало, организующее весь мир. Ведь это начало, замещающее собой космос, из космоса снова возвращается в самое себя, так же как, согласно Гераклиту, "все вещи меняются на огонь, и огонь меняется на все вещи, подобно тому, как товары обмениваются на золото и золото на товары"[23]. Аналогично дело обстоит и с числом "пять": сочетание числа "пять" с самим собой не рождает ничего несовершенного или инородного, но подвергается определенным закономерностям: оно произво-

дит или самое себя, или число “десять”, т.е. или собственное число, или совершенное.

9. Если спросят, какое это имеет отношение к Аполлону, мы ответим, что не только к нему имеет отношение, но и к Дионису, которому Дельфы принадлежат не меньше, чем Аполлону[24].

Послушаем же исследователей природы божества, прославляющих в стихах и прозе бога как бессмертного и вечного, но под влиянием присущей ему какой-то воли и разума изменяющего себя: то он воспламеняет свою природу и переходит в огонь, делая все вокруг подобным одно другому, то он принимает разнообразнейшие виды, различные по форме, свойствам, силе — как теперь явлен мир, а называется самым известным из имен — космосом[25].

Утаивая это от толпы, мудрецы называют превращение бога в огонь Аполлоном из-за единства субстанции и Фебом из-за его незапятнанной чистоты[26]; разнообразнейшие изменения при превращениях его в воздух, воду, землю, звезды, в рождающиеся растения и живые существа и его изменения, ведущие к упорядочению космоса, мудрецы выражают в туманных намеках, называя рассеиванием и разрыванием; и тогда они именуют бога Дионисом, Загреем, Никтелием и Исодетом; и они рассказывают загадочные истории и мифы о каких-то разрешениях и уничтожениях бога[27], и поют ему дифирамбы, полные страданий и переменчивых настроений, выражающих смятение и колебание.

“Ведь,— как говорит Эсхил,— Дионису подобает, чтобы ему сопутствовал смешанный с криком дифирамб участник вакхического шествия”, а в честь Аполлона поют пеан, песнь упорядоченную и благоразумную, и его самого изображают на картинах и на статуях неувядающим и вечно юным, а того бога — во многих видах и образах. В общем, отождествляют первого с гармонией, порядком и полной серьезностью, а второго — с какой-то неустойчивостью, состоящей из шутки, заносчивости и безумия; поэтому призывают его как “Дионис-Эвий! Приводящий в исступление женщин, расцветающий от почестей безумствующих”[28]. Так неплохо они схватывают сущность каждого изменения.

Поскольку время изменений в природе охватывает неравные периоды: больший, который называют периодом “изобилия”, и другой, меньший, называемый периодом “недостатка”[29], то в соответствии с этими периодами большую часть года при жертвоприношениях исполняют пеан, а с наступлением зимы пробуждают дифирамб и, прекратив пеан на три месяца, призывают вместо Аполлона Диониса. Думают, что это соотношение трех и девяти соответствует времени порядка космоса и времени его воспламенения.

10. Но рассуждение мое затянулось более, чем следовало в данных обстоятельствах. Во всяком случае ясно, что находят соответствие между божеством и числом “пять”: то оно

выступает в чистом виде подобно огню, то выделяет из себя число "десять", означающее вселенную.

Так как музыка весьма приятна богу, то не полагаем ли мы, что она имеет отношение к этому числу? Суть гармонии, если можно так сказать, в созвучиях. Их пять, и не больше. Это доказывает рассуждение, хотя желающий может уловить то же самое на струнах и на дырочках флейты без всякого рассуждения, основываясь лишь на чувстве. Все созвучия рождаются из соотношения чисел. Счет первого созвучия через четыре звука есть эпитрит, счет второго через пять звуков — это гемиолий, счет третьего — двойной звук через все звуки, счет проходящего через все и через пять — трехкратный, а четырехкратный — тот, который дважды проходит через все звуки. Люди, сведущие в музыке, добавляют к этим интервалам еще один, выходящий из ритма, называя его проходящим через все и через четыре, но не стоит в угоду неразумному слуху принимать, вопреки разуму, это созвучие за правило.

Я не буду останавливаться на пяти позициях тетрахордов и на пяти первых тонах, или ладах, или, как следует их называть, гармониях (крайние из них — низкие и высокие, остальные же разнообразятся в зависимости от напряжения или разрешения); но разве из существующих многих, а вернее, из бесчисленных интервалов не только пять являются музыкальными: диез, полутон, тон, полтора тона, два тона? И разве имеется какой-либо другой интервал, меньший или больший по высоте тона в области звуков?»

11. «Многие другие соображения,— сказал я,— на ту же тему я обойду, а привлеку Платона, который говорит, что космос — один, а если предположить, что есть другие, кроме него, и что он не единственный, то их будет пять, и не больше[30]. Но если, напротив, космос один и единственный, как думает и Аристотель[31], то он составлен каким-то образом и построен из пяти миров: один из них — мир земли, другой — мир воды, третий и четвертый — миры воздуха и огня, пятый же мир — небо, и его одни называют светом, другие — эфиром, третьи — пятой субстанцией, которой единственной из тел присуще круговое вращение от природы, а не в силу внешней необходимости или какой-либо случайности.

Вот почему Платон, заметив в природе пять самых прекрасных и совершенных геометрических фигур: пирамиду, куб, октаэдр, эйкосаэдр и додекаэдр, отнес каждую к соответствующему миру[32].

12. Есть люди, которые ставят в связь с этими первичными мирами свойства чувств, равные им по числу: они полагают, что осязание обладает свойством крепости и имеет природу земли, что вкус различает вкусовые качества из-за влажности, что сотрясенный воздух в слухе оборачивается голосом и звуком; из остальных двух запах дан в удел обонянию и, будучи испарением и рожденный теплом, сходен с огнем; вследствие

того, что зрение излучает свет благодаря родству с эфиром и светом, оно представляет собой смесь, похожую на них обоих, и обладает качеством плотности. Как живое существо не имеет никаких других ощущений, кроме названных, так и космос не имеет никаких других простых и чистых субстанций. Но какой существует, как нам представляется, удивительный порядок и соотношение пяти чувств и пяти миров!»

13. На этом я остановился и, помолчав некоторое время, продолжал: «Как это случилось с нами, Евстрофий, что еще немного, и мы бы прошли мимо Гомера, как будто бы не он первый разделил космос на пять частей: три части посредине он передал трем богам, а две по краям — Олимп и землю, из которых земля составляет нижний предел, а Олимп — предел верхних областей,— он оставил общими и неделенными[33]. "Но следует вернуться к теме", как говорит Еврипид. Ведь те, кто превозносит число четыре, не попусту учат, что каждое тело образовано на основе этого числа.

Когда к длине и ширине добавляется высота, образуется тело; длине предшествует точка, принимаемая за единицу; длина без ширины, которая называется линией, соответствует числу два; движение линии в ширину дает происхождение поверхности тела в трех измерениях; высота, добавленная к этим трем измерениям, формирует тело из четырех измерений. Отсюда каждому ясно, что число четыре ведет природу впе-

ред до завершения и образует осязаемое тело, а затем оставляет его лишенным самого главного.

Неодушевленное тело, говоря попросту, является сиротой и неполноценным и ни к чему не пригодным, так как у него отсутствует душа. Движение, помещающее душу внутрь тела, иначе говоря, изменение состояния тела благодаря числу "пять", придает природе совершенство и имеет настолько более важное значение, чем число "четыре", насколько живое существо отличается по достоинству от неодушевленного.

Соразмерность, присущая числу "пять", и сила его еще более могущественны, они не допускают появления в природе бесконечного числа видов среди одушевленных существ, но образуют только пять видов, а именно: это боги, демоны, герои, затем после них четвертый вид — люди[34], а последний, пятый вид — неразумные животные.

Кроме того, если ты разделишь самую душу согласно ее природным свойствам, то первая способность ее, и самая низшая,— способность питания, вторая — чувственная, затем способность желать, а после нее способность гневаться. Дойдя до способности разума и завершив им свою природу, душа останавливается на пятой ступени, как на вершине.

14. Так как это число имеет столько замечательных свойств, то прекрасно и его происхождение: не только из "двух" и "трех", как мы это отмечали, но оно образовано из начального эле-

мента чисел, присоединенного к первому квадрату. Ведь начало всякого числа единица, а первый квадрат — это "четыре". Из них, как из формы и материи, имеющей предел, образуется "пять". Если же единица, как некоторые правильно считают,— это первый квадрат в том смысле, что помноженное на самое себя она воспроизводит себя, то число "пять" образовано из двух первых квадратов, что не лишает его преимущества благородного происхождения».

15. «Самого главного,— продолжал я,— мной не было высказано из-за боязни оскорбить нашего Платона: как он сам говорил, Анаксагор попал в неловкое положение из-за луны. Он создал относительно ее света собственную гипотезу, которая в действительности была очень старой. Разве не так рассказывает Платон в "Кратиле"[35]?» — «Конечно,— ответил Евстрофий,— но что случилось подобное с Платоном, я не заметил».

«Ты, конечно, знаешь,— сказал я,— что в "Софисте"[36] он указывает на пять самых главных начал: сущее, тождество, различие, а четвертое и пятое начала после них — это движение и неподвижность. В "Филебе"[37] же, применяя другой способ разделения, он говорит, что первое начало — бесконечность, второе — предел; из смешения их произошло все существующее; четвертое начало составляет причина, по которой происходит смешение; о пятом он заставляет нас догадываться, благодаря чему все сме-

шанное приобретает снова способность разделения и распадения. Я заключаю, что эти начала названы как отражения первых, ведь рождение есть отражение сущего, бесконечность — отражение движения, предел — отражение неподвижности, смешение их — отражение тождества, разделение — отражение различия. Если же начала при том и другом способе деления не совпадают, то все равно он мыслит их в пяти различных видах.

Кто-то упредил в этом Платона и поэтому посвятил "Е" богу, как признак и символ числа вселенной. Но также Платон заметил, что благо проявляется в пяти видах, из которых первый — умеренность, второй — соразмерность, третий — ум, четвертый — знания о душе, искусства и истинные представления, пятый — наслаждение без примеси печали[38], и он заканчивает это рассуждение, цитируя орфиков: "Прекратите красоту пения на шестом рождении"»[39].

16. «К этому сказанному для вас,— продолжал я,— "спою одну коротенькую песню для людей сведущих"[40] из окружения Никандра. Ведь на шестой день месяца..., когда ты ведешь пифию в Пританей, на первый из трех жребиев, а их пять..., она бросает три, а ты два жребия... Разве это происходит не так?» Тогда Никандр ответил: «Да, так, но причину этого нельзя разглашать непосвященным».

«Конечно нет,— сказал я, смеясь,— до тех пор, пока бог не разрешит нам, его жрецам, узнать истину. Но пусть это также будет добавлено к сказанному в защиту числа "пять"».

Как помню, именно на этом я закончил свою речь, направленную на восхваление арифметических и математических свойств буквы «Е».

17. Так как Аммоний сам видел в математике не ничтожнейшее дело для философии[41], он обрадовался моей речи и сказал: «Недостойно было бы с чрезмерной скрупулезностью опровергать юношей, заметим только одно, а именно: что каждое число предоставляет желающим восхвалять и воспевать его немалые основания. Но зачем нужно говорить о других числах? Ведь на посвященное Аполлону число "семь" будет потрачен целый день, прежде чем удастся рассмотреть все его свойства. После этого мы объявим, что мудрецы "воюют" против общего мнения и вместе с тем "против давнишней традиции"[42], поскольку они, отказав числу "семь" в почетном месте, посвятили богу число "пять", как более подобающее ему.

Я думаю, что буква "Е" не обозначает ни число, ни порядок космоса, ни союз или какую-либо недостающую частицу речи, но она является независимым от других частей речи обращением к богу, доводящим до сознания человека при произнесении ее силу бога. Ведь бог обращается здесь к каждому

из нас как бы с радушным приветствием: "Познай самого себя", что имеет смысл не меньший, чем "Здравствуй"[43]. А мы, со своей стороны, в ответ богу говорим: "Ты еси"[44], обращаясь к нему с единственно правдивым и истинным приветствием, подходящим только ему одному, утверждая, что он существует.

18. Ведь ничто из действительного бытия не имеет к нам никакого отношения, но вся смертная природа, явленная в рождении и смерти, представляет призрак и несовершенную и переменчивую видимость самой себя.

Если мы хотим схватить изменчивую природу, сосредоточив на ней мысль, то она подобна воде: сильно схватив воду, мы сжимаем и собираем растекающуюся, но она исчезает. Точно так же рассудок, стремясь к чрезвычайной ясности состояний и изменений каждой вещи, обманывается то в отношении рождения ее, то в отношении смерти, не имея возможности постичь природу, так как она лишена всякой устойчивости и истинного бытия. "Ведь невозможно дважды,— согласно Гераклиту,— войти в одну и ту же реку" и невозможно прикоснуться дважды к одной и той же тленной субстанции, но вследствие стремительности и быстроты происходящих изменений она рассеивается и снова собирается, точнее, не снова и не потом, а одновременно она образуется и исчезает, присутствует и отсутствует. Вследствие этого становление субстанции ни-

когда не дойдет до бытия, так как она не прекратит и не задержит рождения, но в постоянном изменении создаст из спермы эмбрион, затем младенца, ребенка, подростка, юношу, взрослого мужчину, пожилого и старика, разрушая первые стадии развития и возрасты для идущих на смену.

Но мы, уже столько раз умерев и умирая, смешно боимся одной смерти. Ведь не только, как говорит Гераклит, смерть огня есть рождение для воздуха и смерть воздуха — рождение для воды; но еще более ясно это в отношении нас самих: мужчина во цвете лет умирает, когда рождается старик, а юноша погиб для перехода во взрослого, а ребенок — для перехода в юношу, а младенец — в ребенка.

Вчерашний человек умер в сегодняшнем, а сегодняшний умирает в завтрашнем. Никто никогда не остается одним и тем же, но каждый из нас — это многие существа: ведь остается только единый образ и некий общий отпечаток, вокруг которого движется и скользит материя.

Как же, оставаясь неизменными, могли бы мы радоваться теперь одному, а раньше другому, любить противоположное, ненавидеть, восхвалять и порицать противоположные вещи, употреблять разные слова, испытывать разные ощущения, не сохраняя неизменными ни внешнего вида, ни фигуры, ни мысли?

Правдоподобно ли, что можно испытывать различное, не изменяясь самому, а изменяясь, оставаться одним и тем же? А если человек не остается одним и тем же, значит, он не существует, но в ходе изменения становится отличным от

прежнего. Чувство лжет вследствие незнания того, что кажущееся не есть сущность.

19. Итак, что же действительно существует? Вечное, не рожденное и не гибнущее, которому никакое время не приносит изменения. Время есть нечто движущееся и возникающее в представлении одновременно с движущейся материей, и вечно текущее, и не останавливающееся, как бы сосуд смерти и рождения. Выражения: "после чего", "раньше чего", "будет" и "было" — разве они не являются сами по себе полным признанием небытия. Ведь говорить о том, чего еще не было в существовании, или о том, что прекратило уже существование, говорить об этом, что оно существует,— нелепо и странно.

Сосредоточив мысль на времени, мы произносим "это существует", "присутствует", "сейчас", но, как только вдумаемся в эти выражения, смысл исчезает. Ведь прошедшее вытесняется будущим, рассеиваясь обязательно, как свет при чрезмерном напряжении зрения.

Если изменения в природе измерять категориями времени, то окажется, что ничто в ней не остается неизменным и вообще не существует, но все рождается и гибнет в соответствии с делением времени. Вследствие этого неблагочестиво говорить о сущем, что оно было или будет. Ведь это

только какие-то отклонения и изменения кажущегося постоянства, воплощенного в бытии.

20. Но бог существует (нужно ли об этом говорить), и он существует вне времени, от века неподвижно и безвременно, и неизменно, и ничего нет ни раньше него, ни позже него, ни будущего, ни минувшего, ни старше, ни моложе его, но, будучи единым, он вечно наполнен одним настоящим, и только оно есть реально сущее, в соответствии с ним не имеющее ни рождения, ни будущего, ни начала, ни конца.

Вот почему следует почитающим бога обращаться к нему с приветствием: "Ты еси" или даже, клянусь Зевсом, как обращались некоторые древние: "Ты един".

Ведь божественное не есть множественность, как каждый из нас, представляющий разнообразную совокупность из тысячи различных частиц, находящихся в изменении и искусственно смешанных. Но необходимо, чтобы сущее было одним, так как существует только единое.

Разнообразие же, по причине отличия от сущего, оборачивается небытием.

Поэтому хорошо, что бог имеет первое, второе и третье имя: ведь "Аполлон" означает как бы "отрицающий и отвергающий множественность", "Иэй" означает, что он один и единственный, Фебом же древние назвали его из-за полной чисто-

ты и непорочности, как еще теперь фессалийцы, я полагаю, говорят о жрецах, когда в запретные дни те живут изолированно, что они "одержимы благодатью Феба"[45].

Единое — непорочно и чисто; а при смеси одного с другим образуется миазма, как где-то и Гомер говорит, что "слоновая кость, будучи выкрашена в красный цвет, грязнится"[46], и красильщики называют "смешивать краски" — "быть погубленным", а смесь — "гибелью".

Итак, вечно неизменному и чистому присуще быть единым и несмешанным.

21. Достойны расположения и любви за благородство мыслей те, кто считают Аполлона и солнце тождественными; из всего того, что они знают и чего страстно желают, именно к этому они относятся с особенным уважением, полагая здесь промысел божий[47].

Но разбудим их как людей, видящих бога в самом прекрасном из снов, и посоветуем им подняться выше и обозреть реальность и сущность божества; но пусть они также почитают это отражение бога и восхваляют животворящую силу, заключенную в нем; насколько возможно найти соответствие между переменчивым ощущением и умопостигаемой и неизменной идеей, настолько это отражение дает, так

или иначе, какое-то призрачное представление о божественной милости и счастье[48].

А что бог перемещается и превращается в огонь со всеми другими субстанциями, затем, как говорят, снова уплотняется и растягивается в землю, в ветры, в живые существа, в разные свойства животных и растений, то об этом даже слушать неблагочестиво.

Или бог будет более пустым, чем ребенок, который, как говорит поэт, играет с песком, то собирая его, то снова разбрасывая[49]; так и бог якобы вечно забавляется той игрой со вселенной, создавая космос, не имеющий существования, а затем уничтожая созданное. Напротив, все, что присуще так или иначе космосу, божество объединяет в своей сущности и удерживает слабую телесную субстанцию от уничтожения.

И мне кажется, что в противовес этому мнению обращаются к богу с приветствием "Ты еси", как свидетельством его существования, так как никогда ему не бывает свойственно превращение и изменение; но другому какому-то богу или, скорее, демону, распоряжающемуся смертью и рождением природы, присуще создавать изменения в природе и испытывать их самому[50]. Это ясно из имен, прямо противоположных по значению и противоположно звучащих: ведь называют одного Аполлоном, а другого Плутоном, одного Делием, а другого Аидонеем, одного Фебом, а другого Скотием[51]. У одного Музы и Память, а у другого Забвение и Молчание. И один — Феорий и Фанес, а другой "властитель мрачной Ночи и праздного сна"[52]. И он же "самый враждебный для смертных

из всех богов"[53], а про другого Пиндар довольно приятно сказал: "По общему признанию он для смертных очень кроток". Справедливо сказал Еврипид: "Возлияние мертвецов и песни их златокудрый Аполлон не принимает"[54]. И еще раньше него сказал Стехисор: "Хороводы, игры и пение любит Аполлон больше всего, а горе и рыдания получил в удел Аид". А что Софокл каждому из двух инструментов приписывал свое назначение, это ясно из следующих стихов: "Ни набла не подходит для воплей, ни лира не дружна с ними"[55]. И ведь давно, а в то же время недавно флейта осмелилась зазвучать для радости, а в прежнее время она сопровождала траурные рыдания и исполняла при этом роль не особенно почетную и блестящую, а впоследствии все перемешалось. Сильно смешав божественное с демоническим, они привели сами себя в замешательство. Но кажется, что формула "Познай самого себя" некоторым образом противоположна формуле "Ты еси" и в некотором смысле согласуется с ней: ведь одно выражение восклицают в изумлении и почтении, обращаясь к богу, как сущему во всем, а другое является напоминанием человеку о его смертной природе и слабости»[56].

Примечания

[1] *Серапион* — афинский поэт, фигурирует в «Застольных вопросах» и в диалоге «О том, что пифия более не прорицает стихами»; в последнем он показан как сочинитель морализаторско-философских поэм и как защитник истинности предсказаний против скептицизма. Строгость его литературного вкуса, вера в Провидение, суровость морали и рассуждения о значении для солнца влажного элемента дают основание слушателям заподозрить Серапиона в стоицизме.

[2] *Дикеарх из Мессены* (347—287 гг. до н. э.) — ученик Аристотеля, получивший у римских писателей эпитет «ученейшего». Его сочинения — «Жизнь Эллады», «Жизнеописания философов», «О Гомере», «О поэте Алкее»,

«Объяснения сюжетов у Софокла и Еврипида» и другие; от них сохранились лишь незначительные фрагменты.

[3] Еврипид провел при дворе македонского царя Архелая два последних года жизни (408—406 гг. до н. э.).

[4] Друзья в Афинах, где Плутарх в молодости изучал философию под руководством Аммония и впоследствии возвращался туда на короткое время.

[5] Ср. Dem., II: Плутарх расхваливает удобства, которые предоставляет для писательской деятельности большой город.

[6] Все участники диалога — исторические лица, не раз встречающиеся в сочинениях Плутарха. Аммоний, приобщивший Плутарха к философии Платона, выведен в «Застольных вопросах» и в трактате «Об исчезновении оракулов». В нашем диалоге он ведет себя как руководитель беседы, к которому молодые люди относятся с большим уважением и даже восхищением. Его особая роль в дискуссии выпукло подчеркнута уже вначале; мнение Аммония о значении эпитетов Аполлона вызывает общее одобрение и показывает Аммония знатоком дельфийского культа. Его заключительную речь — вершину теолого-философской мысли трактата — слушают с особой почтительностью.

[7] «Пифиец» Аммоний производит от греческого «спрашивать»; «Делиец» от греческого «ясный»; «Фанес» от греческого «светить», «Исмений» от греческого «знать»; «Лесхинорий» («покровительствующий беседе») от греческого «место бесед».

[8] В дельфийском храме Аполлона стояли жертвенник Посейдона, статуи Мойр, Зевса и Аполлона Мойрагетов и священный очаг, в котором поддерживался вечный огонь; здесь, по-ви-

димому, пифия совершала окуривание лавром и ячменной мукой (De Pyth. orac.). Лавр — дерево, посвященное Аполлону: по преданию, первый храм его в Дельфах был построен из лавра; пифия, сидя на треножнике в лавровом венке, жевала лавровые листья; рядом с треножником во внутреннем святилище находились золотая статуя Аполлона, пуп земли и священный лавр, по шелесту листьев которого гадали.

[9] О запрещении женщинам вопрошать оракул — Eurip., Ion. 222 сл.

[10] По преданию эти изречения были записаны в Дельфах древними мудрецами (Paus., X, 24, 1).

[11] Плутарх неоднократно выводит в «Моралиях» своих родственников и друзей. Его брат Ламприй — действующее лицо трактатов «Об исчезновении оракулов» и «Беседа о лике, видимом на луне»; в нашем диалоге он еще юноша, предлагающий с поспешностью наивное объяснение «Е», которое вызывает у Аммония усмешку.

[12] По поводу признания солнца вторым по значению созвездием (небесным телом) после луны Р. Фласельер пишет: «Хотя халдейские астрономы знали, конечно, преобладающую роль солнца в планетной системе, они отдавали первое место луне не только потому, что она наибольшим образом влияет на нашу планету и имеет главное значение в магических волшебствах; нужно еще вспомнить, что календарь древних сообразовывался, в основном, с луной и что некоторые восточные космогонии считают богиню луны более важной, чем солнца».

[13] Никандр назван *ιερευζ*, то же, что и *προφηιηζ* — пожизненный жрец. При дельфийском храме состояли два *προφηται*, излагавшие и объяснявшие изречения пифии, пять *οσιοι* — «чистых», руководя-

щих верующими при обращении к оракулу, и экскурсоводы *περιηγηταί*, показывающие посетителям священные памятники Дельф.

[14] Все вопросы, кроме первого, приведенные Никандром, касаются мелких частных дел. Плутарх объясняет это установлением прочного мира, который избавил народы и города от тяжелых бедствий — войн, переселений, мятежей, тираний, поэтому теперь обращаются к богу по поводу лишь семейных и вообще личных проблем. (De Pyth. orac. XXIII, 408 B—C; ср. также De def. orac. 413 B).

[15] Поскольку в следующей главе за диалектику вступается друг Плутарха Теон, который защищает ее с позиций стоицизма, то, по-видимому, под «диалектиками» Никандр подразумевает в первую очередь стоиков. Стоики впервые разделили философию на физику, этику, логику. Логика распадалась на диалектику (учение о рассуждениях в форме вопросов и ответов) и риторику (учение о рассуждениях в форме непрерывной речи); диалектика состояла из учения о словесных выражениях и о том, что они обозначают и выражают.

[16] Никандр хочет сказать, что *ει* в просьбах употребляется особенно часто с энклитической частицей *θε*: *ειθε* означает «О, если бы только», хотя, по его мнению, частица в этом сочетании не обязательна, так же как и употребление (уже безотносительно к *ει*) частицы *θην* — «конечно».

[17] Теон, как и все другие персонажи диалога, лицо реальное: его знает Серапион, он входит в число юношей, мнения которых Аммоний не считает нужным серьезно опровергать. Это же имя носят персонажи трактатов: «Беседа о лике, видимом на луне» (по происхождению египтянин), «Невозможно жить счастливо по учению Эпикура» (по-видимому, житель Фокиды), «Застольные вопросы» и «О том, что пифия более не прорицает стихами». Тождественны

ли друг другу все плутарховские Теоны, установить не удается. Предполагают, что Теон родился в Египте, но получил права гражданства в Фокиде; александрийского грамматика Теона («Беседа о лике...») пытаются идентифицировать с Теоном из диалога «О том что пифия более не прорицает стихами» — авторитетным знатоком дельфийских памятников, которому принадлежат самые глубокие мысли трактата. Теон защищает диалектику с позиций стоицизма, утверждая, что Аполлон в большой степени сам является диалектиком, так как его прорицания основаны на знании причинно-следственной связи явлений, которая выражается в предложении союзом *ει*. По учению стоиков, «божество и судьба составляют одно целое. Но божество это, прежде всего, совершенный разум, значит, оно разумно управляет эволюцией Вселенной, оно есть Провидение. Таким образом, всякое явление есть плод божественной и разумной воли, закон Вселенной» (A. Bodson. La morale sociale des derniers stoiciens. Seneque. Epictete et M. Aurele. P., 1967, p. 34).

[18] Об этом подробнее см. Plut., De gen. Socr. VII.

[19] Hom., Il, I, 70: относится к прорицателю Калханту.

[20] Евстрофий, выведенный также в «Застольных вопросах», выражает точку зрения пифагорейцев.

[21] Букв.: «чуть ли не надев шкуру льва», т е. подобно Гераклу.

[22] Ср. De Is. et Os.

[23] Diels, I, p. 95, fr. 9.

[24] Дионис, по преданию, был погребен в Дельфах после убиения его титанами, и его гробницу показывали в *αδυτον* храма Аполлона. В честь его через каждые два года совершалось празднество, при котором *οι οσιοι* устраивали жертвоприношение в святилище Апол-

лона, а дельфийские и аттические женщины выходили с факелами на Парнас и здесь в вакхическом экстазе совершали оргии в честь Диониса, которого при этом называли «Λικνίτης» (см. De Is. et Os.).

[25] Учение Гераклита об огне как первоначальной стихии, которая, превращаясь в другие стихии, рождает мир, и о периодическом возгорании космоса было воспринято стоиками. Но, в отличие от Гераклита, для них «первоогонь был уже не просто слепой силой, но художественно-творческим огнем, разумно создающим мир и управляющим им, он является здесь Провидением — термин, впервые получивший такое значение» (А. Ф. Лосев, Стоицизм, «Философская энциклопедия», М., 1970, т. 5, стр. 136).

[26] Этимология имени Аполлона производится от α-πολλοι — «отсутствие множественности»; отчистившись от убийства Пифона, Аполлон принял имя Феба — «чистого».

[27] По учению стоиков, мир — это огромное живое тело, душа которого есть творческий огонь, или теплое дыхание (πνευμα). Пневма вечна, обладает внутренней энергией и спонтанным движением; она — единственный источник жизни психической и физической во всех ее проявлениях, причина и создатель вселенной. В начале бесконечной пустоты существует один огонь; он, частично уплотняясь, превращается в воздух, часть воздуха переходит в воду, часть воды в землю и т.д.; воздух и огонь соединяются, и пламенное дыхание проходит через воду. Воздух и огонь — мужской элемент, вода — женский. Так зарождается эмбрион мира. Пневма — божественное дыхание — первопричина мира, она пронизывает материю всецело, подобно меду, распространяющемуся в сотах воска, и путем изменения своего напряжения (τονος) создает многообразие мира. Так объясняют стоики наличие четырех царств природы: на самой низкой ступени пневма производит простую

плотность тела (εζιζ) — минеральный мир; к плотности добавляется спонтанный рост (φυσιζ) — растительный мир; в некоторых существах пневма создает ощущение и порыв движения, или инстинктивную тенденцию к действию (ψυκη),— животный мир; и, наконец, на самой высшей ступени пневма становится разумом (νουζ) или разумной душой,— человеческий мир (см. Bodson, ук. соч., стр. 27—34). «Что же касается конца эволюции,— пишет Бодсон,— то стоики приняли идею, которая не была новой в греческой мысли — о вечном возвращении; постоянное становление вселенной рисуется большими кругами, в пределах которых огонь поглощает все, что он создал, и дает рождение новому зародышу, точке отправления и движущемуся элементу новой эры, аналогичной предшествующим и последующим за ней... Многочисленные функции божества придают ему различные названия. Это Зевс *πολυωνομοζ*, к которому обращается Клеанф, затем Мир, Небо, Гегемон мира, *λογοζ σπερματικοζ* Вселенной, Судьба, Провидение, Мировой закон, Природа, Зевс. Это разнообразие позволило монотеистам стоикам сохранить формально политеизм народной религии: боги — только персонификации многочисленных функций высшего бога». Миф о божественном ребенке Дионисе-Загрее, который был растерзан титанами на Крите, а затем воскрешен Зевсом и поставлен им управлять миром — находится в центре орфической теогонии. Поэтому под «исследователями природы божества» Плутарх разумеет не только стоиков, но и орфиков; прозвище «Никтелий» — «ночной» объясняется тем, что дионисийские оргии справлялись ночью; «Исодет» — «равномерно разделяющий» имеет связь с т.н. разделением универсальной основы на различные части мира, что символизирует расчленение Диониса.

[28] Стих анонимного лирического поэта.

[29] Фласельер делает ссылку на Гераклита: «Гераклит называет это нуждой и пресыщением. Нужда же есть упорядочение, согласно ему, а возгорание — пресыщение».

[30] Plato, Tim. 31 A, 55 C—D.

[31] Arist., De caelo I, 8 сл.

[32] Plato, Tim. 53 C—55.

[33] Hom., Il, XV, 187—193.

[34] Ср. De def. orac. X, 45 B: разделение существ на четыре вида приписывается Гесиоду.

[35] Plato, Crat. 409 A.

[36] Plato, Soph. 254 B—256 D.

[37] Plato, Phileb. 23 C.

[38] Plato, Phileb. 66 A—C.

[39] Plato, Phileb. 66 C.

[40] Начало стиха неизвестной орфической песни.

[41] Аммоний — философ Академии, где, как известно, особое значение предавалось занятиям математикой.

[42] Слова Симонида.

[43] Источник этой фразы мы находим в «Хармиде» Платона, 164 E—D: там Критий говорит, что дельфийская надпись «Познай самого себя» — это приветствие, с которым бог обращается к пришедшим в его храм вместо обычного приветствия, так как при встрече нужно не ободрять друг друга, а призывать к мудрости.

[44] Глагольная форма «Е» (долгое закрытое «ε», которое позднее писалось «ει»).

[45] Об этимологии имени Аполлона см. выше; «Иэй» — поставлено в связь с эпической формой ιοζ, ια, соответствующей ειζ, μια — «один», «одна».

[46] Hom., Il, IV, 141.

[47] Идентификация Аполлона и солнца получила во времена Плутарха всеобщее распространение. В этом надо видеть влияние не только халдейской астрономии, нои стоического учения, которое давало народной вере натуралистические интерпретации.

[48] Аммоний развивает платоновскую концепцию, основанную на полном разрыве между духовной и материальной сферами: поэтому Аполлон не может быть идентичен материальному светилу. Но как Аполлон — высшая сверхчувственная идея в идеальном мире, так солнце — главное в мире тел, и поэтому оно может быть материальным символом духовной реальности Аполлона, но не тождественно ему.

[49] Hom., Il. XV, 369 сл.

[50] Разрыв между идеальным и материальным заставляет вводить посредников между ними — демонов — для объяснения действия Провидения на материальный мир.

[51] Аполлон — «Единый», Плутон — «Множественный», Делий — «Ясный», Аидоней (или Аид) — «Подземный», Феб — «Светлый», «Чистый», Скотий — «Темный».

[52] Феорий — «Созерцатель»; Фанес — «Светоносный». Далее стих неизвестного автора.

[53] Hom., Il, IX, 159.

[54] Suppl. 975—977.

[55] *Набла* — род струнного инструмента.

[56] Остается неизвестным, как думает Фласельер, разделял ли автор точку зрения Аммония (*ει* — глагольная форма «ты еси») или считал вопрос о «Е» вообще неразрешимым (вроде задачи об увеличении вдвое делосского алтаря) и видел смысл беседы только в пробуждении самого желания поиска, который остановился бы, если бы решение было найдено. Среди выдвинутых современными учеными гипотез о смысле «Е» Фласельер различает две группы. Одни рассматривают «Е» как эквивалент *ει* (*ιθι*) — «иди, входи (в мой храм)» или *η* — «он (бог) сказал». Другие основывают интерпретацию только на начертании «Е»: этот знак напоминает им три камня или три столба, установленных на базе и изображающих трех Харит, или знак шумерского происхождения, означающий дом, храм или ключ в замке. Наиболее интересна попытка трактовать «Е» как знак минойского происхождения, который встречается на критских геммах и, быть может, является символом божества; по-видимому, изображение этого знака было привезено с Крита в Дельфы в то же самое время, что и земной пуп — атрибут великой богини. Когда оракул, ранее принадлежавший Земле, переходит к Аполлону, ему приписывают священный символ богини. Символический знак, выгравированный на изображениях земного пупа (найденных в Дельфах), позднее идентифицируется с буквой «Е», на которую он был похож. Так минойский символ становится атрибутом Аполлона и почитается в Дельфах в течение всей античности. «Греки исторической эпохи,— заключает Фласельер,— потеряли всякое воспоминание о его происхождении и значении, для них это была священная буква Аполлона. Таким образом, "Е" дельфийского храма есть наследство предысторических времен и новый пример религиозного консерватизма, который является общим для всех эпох».

О том, что пифия более не прорицает стихами

Перевод *Л. А. Фрейберг*

Действующие лица диалога:
Басилокл, Филин.

1. Басилокл. Долго же, Филин, вы показывали гостю посвященные памятники; я уж потерял надежду вас дождаться.

Филин. Да мы, Басилокл, шли медленно, сея речи и пожиная споры жаркие, задорные, которые, словно спарты[1], всходили и разрастались тут же по дороге.

Басилокл. Так что же, позовем мы кого-нибудь из участников или сам ты желаешь доставить нам удовольствие и рассказать, что это были за речи и кто их произносил?

Филин. Видно уж, Басилокл, это мое дело. А то из других тебе нелегко будет найти кого-нибудь в городе: я видел, что очень многие пошли сейчас вместе с гостем в Корикий[2] и Ликорию[3].

Басилокл. Так значит, гость наш большой охотник смотреть и еще больше — слушать?

Филин. А пуще того он охотник до знаний и поучения. Однако всего удивительнее не это, а его любезная обходительность и общительность, потому что он умеет спорить без наскоков, дерзостей в ответах. Так что, уже немного побыв с ним, ты скажешь: «Вот добрый отпрыск доброго отца» — ты ведь знаешь Диогениана[4], какой он прекрасный человек.

Басилокл. Сам я, Филин, его не видал, но встречался со многими, кто отлично отзывался о его речах и характере: нечто подобное этому говорилось и о юноше.

2. Филин. Храмовые проводники излагали нам все, что положено, и совсем не слушали наших просьб сократить объяснения и миновать многие надписи. Гостя же нашего мало трогали вид и отделка статуй: он, должно быть, много перевидал прекрасных вещей, а восхищался он тем, что патина на бронзе похожа не на грязный налет или ржавчину, а на светлую лазурь, так что даже статуи навархов[5], с которых начинается осмотр, стоят, играя цветами так, словно только что

вышли из морских глубин. «Наверное,— сказал он,— был у старинных медников какой-нибудь особенный состав или смесь вроде той пресловутой отделки лезвий у мечей, с прекращением которой бронзе пришлось отдохнуть от бранных дел? Ведь говорят, что так называемая коринфская бронза обязана своим красивым цветом не искусству, а случаю: когда сгорел дом, где хранилось золото, серебро, но больше всего меди, все это сплавилось и смешалось, и сплав этот стал называться коринфской бронзою, потому что в нем бронзы было больше всего». Но Теон перебил его: «Мы слышали этому другое, более остроумное объяснение: будто бы один коринфский медник нашел ящик, полный золота, и, боясь, как бы это не открылось, стал небольшими кусочками отрубать и подмешивать понемногу золота к бронзе; получился дивный сплав, и он дорого продал свою работу тому, кто оценил красоту этого цвета. Впрочем, и это тоже сказка: просто, по-видимому, была какая-то смесь и обработка, вроде как теперь у тех, кто смешивает золото и серебро и получает особенную и необычную желтизну, на мой взгляд, даже болезненную»[6].

3. «Отчего же, по-твоему,— сказал Диогениан,— здешняя бронза приобрела свой цвет?» А Теон ответил: «Когда существовали, как считается, естественные первичные сти-

хии: огонь, земля, воздух, вода, то из них соприкасался и взаимодействовал с медью только воздух, и понятно, что под этим-то воздействием медь и получила особое, всегда ей присущее и свойственное качество. Или ты скажешь мне как комический поэт:

Так певали еще до Феогнида[7] —

и пожелаешь узнать, какова природа воздуха и откуда в нем спссобность окрашивать медь, соприкасаясь с ней?» Диогениан подтвердил, и Теон продолжал: «И я, сынок, хочу того же; так давай подумаем, и прежде всего, если хочешь, вот о чем: почему из жидкостей масло больше всего способствует появлению патины? Не само ведь оно наносит патину: с бронзою оно соприкасается чистым и незамутненным».

«Конечно, нет,— сказал юноша,— причина здесь, по-моему, другая: сквозь тонкое, чистое и прозрачное масло патина становится особенно заметной, а в других жидкостях она невидима».

«Отлично, сынок,— сказал Теон,— а не хочешь ли ты рассмотреть и ту причину, о которой говорит Аристотель?»

«Конечно, хочу»,— ответил Диогениан. «Так вот, Аристотель говорит, что тонкая природа иных жидкостей растворяет и рассеивает в себе патину незаметно, так как частицы их неравные и неплотные; а плотное масло, наоборот, собирает и закрепляет патину на поверхности бронзы. Может быть, мы и сами могли бы предложить подобное объяснение, чтобы оно, словно заклинание, рассеяло трудность»[8].

4. Так как мы ему позволили и просили продолжать, он сказал: «Воздух в Дельфах плотный и сгущенный: из-за отпора и сопротивления окрестных гор в нем копится сила; к тому же он и тонкий, и едкий, как видно по здешнему пищеварению. И вот, окружая бронзу и благодаря своей тонкости проникая в нее, он вытягивает из нее слой землистой патины; и так как плотность давящего воздуха не позволяет ей улетучиться, то она ложится на бронзу покровом, и ее так много, что бронза под ней начинает цвести и приобретает снаружи блеск и сияние». Мы согласились, а гость сказал, что для объяснения достаточно и одного лишь допущения. «Думается,— сказал он,— что тонкость воздуха противоречит его плотности, о которой говорилось, и ее предполагать нет надобности; бронза, старея сама по себе, выдыхает и испускает патину, которая, подвергаясь стеснению и сжатию от плотного воздуха, из-за своего большого количества становится явственной». Но Теон перебил его: «А разве не может быть, милый гость, чтобы один и тот же предмет был и тонким, и плотным? Таковы, например, тонкие полотняные и шелковые ткани, о которых Гомер сказал:

...ткани ж
Были так плотны, что в них не впивалось и тонкое масло[9],—

показывая этим сразу и тонкость, и плотность тканья,— масло в него не проникает, а скользит по нему и стекает, так как не может войти в плотную материю. А уж если допускать тонкость воздуха, то не только для извлечения патины,

а еще и потому, что, смешивая лазурь с блеском и светом, она делает и самую окраску более приятной и яркой».

5. После этого воцарилось молчание, а затем проводники стали продолжать свои речи. Когда они привели какой-то стихотворный оракул, кажется, о царстве Эгона Аргосского[10], Диогениан сказал, что не раз удивлялся, какими слабыми и вялыми словами бывают выражены оракулы: «Этот бог хоть и предводительствует Музами и не менее причастен к красоте слова, нежели к благозвучию музыки и пения, далеко превосходя благогласием Гомера и Гесиода, но оракулы его, как мы видим, сплошь и рядом полны погрешностей и небрежностей как в метре, так и в словах».

На это бывший тут же поэт из Афин, Серапион, сказал: «Как? Мы верим, что это слова божества и смеем утверждать, что они уступают красотой Гомеру и Гесиоду? Нет, отвергнем лучше стихи Гомера и Гесиода как недостаточно прекрасные и исправим этим наш вкус, извращенный укоренившейся привычкою к дурному».

Но его перебил математик Боэт (ты ведь знаешь, что он уже перешел в стан Эпикура): «Разве ты не слышал,— сказал он,— о живописце Павсоне?»

«Не слышал»,— ответил Серапион.

«А послушать стоит! Ему было заказано написать катающегося по земле коня, а он написал бегущего. Заказчик возмутился, а Павсон, смеясь, перевернул картину вверх ногами, и конь на ней оказался не бегущим, а катающимся по земле[11]. Так бывает, по словам Биона, с некоторыми речами, если их переиначить. Поэтому некоторые не скажут, что оракулы исходят от бога, а стало быть, хороши, но скажут, что оракулы нехороши, а стало быть, исходят не от бога. В самом деле: от бога ли они, это еще неясно. А что слова в них скверно отделаны, это, дражайший Серапион, ты отлично и видишь, и понимаешь: сам-то ты стихи пишешь по содержанию философские и серьезные, а по выражению, по приятности и по отделке слов похожие куда больше на стихи Гомера и Гесиода, чем на те, которые изрекает пифия».

6. Тогда Серапион ответил: «Это болезнь, Боэт; болезнь поразила нам глаза и уши, и от пресыщения и неги мы привыкли почитать и объявлять сладкое прекрасным. Вот мы и браним пифию за то, что она не поет нежней кифаристки Главки[12] и нисходит в заповедное, не умастившись и не разодевшись в пурпур, и воскуряет при этом не кассию, не ладан, не ливийские травы, а лавр и ячменную муку. Разве ты не видишь,— продолжал он,— сколько приятности в песнях Сапфо, чарующих и услаждающих слушателей? "А вот Сивилла бе-

зумными устами (как говорит Гераклит) издает звуки невеселые, неприглядные, неблагоуханные, но тысячи лет звучит этот голос" божьей силою. И у Пиндара сказано, что Кадм "слышал от бога прямую песнь"[13], а не слащавую, не изнеженную, не переливчатую. Ведь святое и бесстрастное чуждо услады, но вместе с Атой проникла услада в этот мир и более всего в людской слух»[14].

7. Когда Серапион произнес это, Теон усмехнулся: «Ну, Серапион себя потешил, не упустил случая поговорить об Ате и об Усладе. Но мы, Боэт, даже будь эти слова не хуже Гомеровых, не станем думать, что их сочинило божество,— оно только было началом того движения, которое охватывало каждую пророчицу. И ведь если бы нужно было записывать, а не произносить оракулы, я думаю, мы почитали бы эти письмена божескими и не попрекали бы их за то, что они писаны не так красиво, как царские указы. И звук, и голос, и слова, и стихотворный размер принадлежат не богу, а жрице; а бог лишь рождает образцы фантазии и возжигает свет в душе для прозрения будущего — вот что такое вдохновение. А впрочем, от вас, пророков Эпикура, ускользнуть невозможно: древних пророчиц вы упрекаете за то, что они говорят плохими стихами, а нынешних — за то, что они произносят оракулы в прозе первыми попавшими словами,

чтобы не держать перед вами ответ за стихи увечные, хромые и куцые».

«Не шути ради богов,— сказал ему Диогениан,— а ответь нам на общий наш вопрос. Ведь нет никого из нас, кто не задумывался бы над причиной того, что нынче прекратились вещания в гекзаметрах и дистихах».

Тогда Теон его перебил: «Боюсь, дитя, что мы сейчас мешаем нашим проводникам делать свое дело: пусть лучше они сперва его закончат, а потом ты спокойно сможешь рассуждать, о чем хочешь».

8. Тем временем мы уже прошли вперед и поравнялись со статуей тирана Гиерона. Гость наш, хоть и сам все знал, из вежливости держался внимательным слушателем. Но и он удивился, услышав, что стоящая наверху колонна Гиерона рухнула сама собой в тот самый день, когда в Сиракузах его настигла смерть.

И я стал тоже припоминать кое-что подобное, как, например, перед кончиною спартанца Гиерона, приключившейся в Левктрах, у его статуи выпали глаза; как помрачились звезды, которые принес в дар богу Лисандр после битвы при Эгоспотамах, а каменная статуя его настолько вдруг поросла дикой травой, что лицо его оказалось скрытым; как при Си-

цилийском поражении[15] с финиковой пальмы стали падать золотые плоды, а щит Паллады поклевали вороны; как книдский венок, который тиран фокейский Филомел преподнес танцовщице Фарсалии, погубил ее, когда она, уехав из Эллады в Италию, танцевала в Метапонте возле храма Аполлона: на этот венок бросились юноши, и, подравшись из-за золота, разорвали женщину[16]. Так вот, Аристотель говорил, что только Гомер умел одушевлять слова своей энергией[17], а я сказал бы, что жертвенные дары здесь тоже безмерно одушевлены промыслом божьим и участвуют вместе с ним в знамениях; ничто в них не праздно и не бесчувственно, но все исполнено божества.

А Боэт добавил: «Вот уж можно сказать: мало нам раз в месяц заключать бога в смертное тело — мы его еще будем вмуровывать во всякий камень и бронзу, как будто нам недостаточно созидающей Судьбы и Случая для подобных стечений обстоятельств». «Ты думаешь, стало быть,— сказал я,— что каждое из этих явлений — дело Судьбы или Случая? Ты убежден, что атомы сталкиваются, разлетаются, отклоняются с пути не раньше и не позже, а как раз в то самое время, когда каждый жертвователь задумывал что-то худое или доброе? И подсказал тебе это Эпикур, который изрек или написал такое 300 лет тому назад? И ты думаешь, что если бы бог не участвовал во всем и не смешивался бы со всем, то он и не мог бы быть причиной движений и перемен всего сущего?»

9. Вот что я ответил Боэту, а нечто подобное можно сказать и о Сивиллиных оракулах.

Когда же мы подошли к скале близ здания совета, на которой, говорят, восседала первая сивилла, пришедшая с Геликона и вскормленная Музами (некоторые же говорят, что она прибыла из страны Малиды и была Ламией[18], дочерью Посейдона), тогда Серапион вспомнил о стихах, в которых она прославила себя, объявив, что она не перестанет пророчествовать даже после смерти: сама она будет на луне, ставши ее видимым ликом, а дыхание ее растворится в воздухе и вечно будет носиться в изречениях и прорицаниях; тело же ее обратится в землю и прорастет травой и деревьями, а от этого вскормится священная паства, различной масти, разного вида, с разными особенностями во внутренностях, по которым будет людям раскрываться будущее.

Боэт рассмеялся в глаза, а особенно, когда гость сказал: «Пусть это и кажется сказками, но ведь предсказания подтверждаются гибелью и выселениями стольких греческих городов, вторжениями варварских войск, падениями государств; и даже самые недавние бедствия Кимы и Дикеархии[19] разве не воспеты и не прославлены сивиллиными стихами, чтобы свершиться в свое время как должное? Извержения горного огня, вскипающее море, камни и огненные глыбы в ветре, разрушение стольких и таких городов, которые будут стерты с земли так, что пришедшим через день уже не видно, где они находились,— во все это едва можно поверить, а не то что предсказать без помощи божества».

10. Но Боэт сказал: «Дорогой мой, а есть ли что в природе, что само собой не наступило бы со временем? Есть ли что-нибудь настолько невероятное и неожиданное на земле, на море, в городах, меж людей, чего нельзя было бы предсказать и что не оправдалось бы? Потому-то это не значит предсказывать, а значит болтать и бросать на ветер слова, ни на чем не основанные; а, вылетев, такие слова часто совпадают с судьбою и сбываются сами собой. Ведь, я полагаю, есть различие между понятиями "сказанное сбылось" и "сказано то, что сбудется". Слово о том, чего нет, всегда чревато ошибками; оно не в праве требовать непреложного доверия и оно лжет, когда приводит в доказательство верности пророчества последующие события, потому что в бесконечности времени все когда-нибудь сбывается. Больше того: тот "угадчик славный", которого пословица объявляет "лучшим предсказателем"[20], подобен следопыту или сыщику, острым умом угадывающему и исследующему будущее; а все эти Сивиллы и Бакиды[21], словно в море, выбросили все свои бездоказательные сроки, наугад рассеяв имена и названия различных событий и случаев. И если что-то из этого случайно и сбудется, все равно то, что говорится теперь, останется ложью, даже если потом при случае и станет правдой».

11. Когда Боэт окончил речь, Серапион сказал: «Суждение это справедливо для предсказаний, по выражению Боэта,

неопределенных и бездоказательных: как, например, если полководцу предсказана победа — и он победил, городу предсказана гибель — и он погиб. А когда говорится не только о том, что именно произойдет что-либо и как, и когда, и после чего, и при чьем участии, то это не угадывание возможных событий, а полное разъяснение будущего. Таков, например, оракул о хромоте Агесилая:

Спарта! Одумайся ныне! Хотя ты, с душою надменной,
Поступью твердой идешь, но власть возрастишь
ты хромую.
Много придется тебе нежданных бедствий изведать,
Долго хлестать тебя будут волны губительной войны[22].

А еще и оракул об острове, который поднялся из моря перед Ферой и Ферасией во время войны Филиппа с римлянами:

Время наступит, когда финикиян троянское племя
В битве большой победит,— и тогда же явления чуда
Произойдут: огнем невиданным вспыхнет пучина,
Молнии ринутся ввысь, ураганом несясь через воду,
Груды камней из глубин за собой увлекая,— и остров
Смертным доселе неведомый, встанет,— и слабые люди
Более сильных себе подчинят, одолев их в сраженьях[23].

Тут уж, пожалуй, никто не скажет, что это совпадение случайное и произошло само собой: ведь порядок событий подтверждает предсказанное: римляне в короткое время победили Ганнибала и одолели карфагенян; Филипп, сам сразившись с этолянами и римлянами, был разбит; а из пучины

вышел остров, причем извергался великий огонь и кипело море. И римлянам за 500 лет было предсказано время, когда им придется воевать со всеми народами сразу,— и это сбылось в войне с восставшими рабами[24]. В этих случаях ведь предсказание ничего бездоказательного и темного не предоставляло на волю судьбы, чтобы доискивались смысла в незнании; напротив, опыт дает нам все ручательства и указывает нам пути судьбы. Вряд ли кто стал бы утверждать, что лишь случайно совпали эти стихотворные оракулы с событиями. Иначе, Боэт, почему бы нам не сказать, что “Главные мысли”[25] не Эпикур написал, а просто книжечка эта сама собой сложилась из случайного совпадения букв?»

12. Продолжая эти рассуждения, мы шли вперед. Но в Коринфской сокровищнице, осматривая бронзовую пальму, которая там одна осталась из пожертвований, Диогениан изумился, да и мы с ним, пожалуй, тоже, что у ее корней изваяны лягушки и водяные змеи. Ведь пальма — не болотное, не водолюбивое растение, как другие деревья, да и лягушки не подходят для коринфян в качестве знака или символа: это ведь не тот случай, когда жители Селинунта, говорят, посвятили золотую ветку салина (сельдерея), а жители Тенедоса — секиру, потому что у них в так называемом Астерионе появились крабы, которые одни, говорят, имеют на панцире знак

секиры. Но ведь для Аполлона, как принято думать, вороны, лебеди, волки, ястребы любезнее, чем вот эти лягушки! И вот Серапион сказал, будто художник этим намекает, что именно воде солнце обязано своим возникновением, питанием, испарениями, силой. Может быть, ему послышались слова Гомера:

Гелиос с моря прекрасного встал...[26],

а может быть, он увидел, что египтяне изображают начало и восход солнца в виде новорожденного младенца, сидящего на водяном лотосе.

А я на это сказал, смеясь: «Что же ты, мой милый, опять толкаешь нас в Стою и тянешь в разговор всякие испарения и возгорания? Этим ведь ты, подобно фессалиянкам, сводишь с небес луну и солнце, словно они произросли и берут начало отсюда, от земли и воды! Ведь Платон-то даже человека назвал "небесным злаком", потому что он тянется головой вверх, словно растет из корня. А вы смеетесь над Эмпедоклом, который говорит, что солнце произошло от отражения небесного света от земли,—

Свет отражает к Олимпу, взирая ликом бесстрастным[27].

Сами-то вы и земнородное животное, и болотное растение объявляете солнцем, ибо солнце для вас — отечество лягушек и водяных змей!

Но пусть в этом трагически разбираются стоики, мы же лишь небрежно коснемся того, чего сами художники лишь небрежно касались,— ибо хоть и много у них изысканности, все же не совсем они свободны от натяжек и небрежностей.

Как, например, один ваятель изобразил на руке у Аполлона петуха[28] в знак рассвета и утренней поры, так, пожалуй, кто-нибудь скажет, что лягушки здесь служат символом весны, когда солнце начинает царить в воздухе и растапливать снег,— если, конечно, вы признаете Аполлона и солнце не за двух богов, а за одного».

«А по-твоему разве не так? — сказал Серапион. — Разве ты думаешь, что солнце и Аполлон — вещи разные?»

«По-моему,— сказал я,— такие разные, как солнце и луна; но луна не часто и не ото всех скрывает солнце, а солнце всех равно заставило забыть про Аполлона, отвлекши чувством мысль от сущности к видимым явлениям».

13. Затем Серапион спросил проводников, почему эту сокровищницу они называют Коринфской, а не Кипселовой, хотя поставил ее Кипсел[29]? Так как те молчали и, должно быть, не знали, почему, то я со смехом сказал: «Вы думаете, они, оглушенные нашими речами о высоких материях, еще что-то знают или помнят? Ведь мы уже раньше от них слышали, что по низвержении тирании коринфяне захотели и золотую статую в Писе, и здешнее сокровище надписать не именем тирана, а именем города. Дельфы признали это справедливым и согласились, но элейцев за то, что те им позавидовали, не стали допускать до участия в Истмийских иг-

рах. Вот почему с тех пор не было ни одного истмийского состязателя из элейцев, а вовсе не из-за убийства Молионидов Гераклом около Клеон, как полагают; напротив, будь это так, элейцы сами не стали бы допускать коринфян к играм, чтобы этим причинить им обиду». Вот, что я сказал[30].

14. Когда же мы миновали сокровищницу аканфян и Брасида, то проводник показал нам место, где некогда лежали железные вертела гетеры Родописы. Диогениан рассердился. «Значит,— сказал он,— Родописе можно было предоставить в городе место, куда откладывать десятину со своего дохода, а ее товарища по рабству, Эзопа, погубить?»[31]

Серапион же на это сказал: «Что ты, дражайший, сердишься по такому поводу? Взгляни-ка туда наверх и ты увидишь золотую Мнесарету среди царей и полководцев — это о ней Кратет сказал, что это памятник невоздержанности греков».

Но юноша, взглянув, спросил: «А не о Фрине ли это сказал Кратет?»[32] — «Ну да,— ответил Серапион,— настоящее ее имя было Мнесарета, а прозвище Фрины («Жабы») получила она за желтоватую кожу. И немало имен вот так забыто за прозвищами. Так, говорят, мать Александра Поликсену называли потом и Мирталой, и Олимпиадой, и Стратоникой; Эвметию с Родоса многие до сих пор называ-

ют по отцу Клеобулиной[33], а Герофилу из Эритр, прирожденную гадательницу, прозвали Сивиллой. Ты же слышал от грамматиков, что Леду называли Мнесиноей, Ореста — Ахейцем (*в тексте лакуна*). ...Но каким образом ты мыслишь,— добавил он, глядя на Теона,— опровергнуть это обвинение насчет Фрины?»

15. Тот, спокойно улыбнувшись, отвечал: «Опровергну, да так, чтобы это тебе самому было укором за то, что ты бранишь эллинов за всякие мелочи. Вот ведь Сократ, например, на пиру у Каллия сопротивляется только умащению, но приемлет пляски детей, игру в кости, ласки, шутки[34] — так и ты, мне кажется, подобным образом закрываешь вход в святилище для женщины, недостойно воспользовавшейся цветом своей красоты, но видя вокруг бога первины и десятины от войн, убийств, грабежей, а в храме — груды остатков от военных эллинских добыч, ты не негодуешь, не жалеешь эллинов, читая на великолепных жертвенных дарах позорнейшие надписи: "Брасид и аканфяне — от афинян", "афиняне — от коринфян", "фокейцы — от фессалийцев", "орнеаты — от сикионцев", "амфиктионы — от фокейцев"[35].

И только Пракситель, получив здесь место для любовницы, вызвал этим гнев Кратета[36], а ведь Кратет его должен был хвалить за то, что рядом с этими золотыми царями он поста-

вил золотую гетеру, ибо сам Кратет порицал богатство как предмет, недостойный ни восхищения, ни почитания. Ведь в честь царей и правителей прекрасны жертвы лишь от справедливости, от великодушия, от здравомыслия, а не от обилия золота и роскоши, которые доступны и тем, кто провел жизнь наигнуснейшим образом».

16. «Что же ты не расскажешь,— сказал другой проводник,— что Крез посвятил здесь богу еще золотое изображение рабыни, которая пекла ему хлеб?»

«Да,— ответил Теон,— но он это сделал не с тем, чтобы обидеть бога такой роскошью, а по причине веской и справедливой. Ведь говорят, что Алиатт, отец Креза, взял себе вторую жену и имел от нее детей; и вот жена эта, замышляя зло против Креза, дала той хлебопекарше отраву и приказала замешать ее в хлеб и поднести Крезу. Но хлебопекарша украдкой сообщила об этом Крезу, отравленный же хлеб поднесла царицыным детям. За это Крез, когда воцарился, как бы при боге-свидетеле отблагодарил оказавшую ему такое благодеяние женщину[37].

По такой же причине,— продолжал Теон,— любви и уважения достойны подобные приношения от греческих городов — например, от опунтийцев. Когда фокидские тираны послали в переплавку множество приношений из золота и серебра,

начеканили монет и пустили их по своим городам, то опунтийцы, собрав все, какие к ним попали, фокидские серебряные деньги, перелили их на сосуд, прислали его сюда и посвятили его богу[38]. Хвалю я и миринейцев, и аполлониатов, приславших сюда золотые снопы, а еще больше — эритрийцев и магнетов, принесших богу в дар даже первины народа своего как подателю плодов, как отцу, как родителю и человеколюбцу. А мегарцев я осуждаю за то, что они, почти единственные, поставили здесь статую бога с копьем в руке. Это было после битвы, в которой они победили, выгнали из своего города афинян, занявших было его после Персидских войн[39]. Правда, потом они посвятили все же богу золотой плектр, вероятно, следуя Скифину, который о лире говорит:

...а с нею сдружилось
Чадо прекрасное Зевса, начал и концов покровитель —
Бог Аполлон,— и плектр у него сияет как солнце»[40].

17. Но когда и Серапион собрался об этом что-то сказать, гость наш промолвил: «Хотя и приятно слушать подобные речи, но я должен попросить вас выполнить обещанное — рассказать, почему пифия перестала предсказывать гекзаметрами и другими стихами; если вы согласны, отложим остальной осмотр, присядем здесь и послушаем, в чем здесь

дело. Ведь история эта — сильное возражение против веры в оракул, как там ее не толкуй: или так, будто пифия больше не приближается к месту, где пребывает божество, или так, будто уже полностью угасла в ней пневма и истощилась сила».

Итак, обойдя вокруг, мы уселись у основания южной стороны храма, возле святилища Геи, и стали смотреть на воду. Боэт тотчас же заметил, что даже место здесь способствует сомнениям гостя: «Ведь здесь, неподалеку от бьющего ключа, находилось святилище Муз, откуда брали воду для возлияний и омовений, как говорит Симонид:

Там непорочная влага
Прекраснокудрых Муз
Для омовений черплется сверху[41].

Несколько изысканнее тот же Симонид называет Клио "непорочной блюстительницей омовений", говоря при этом:

Во многих молитвах призываемая черплющими,
Ты, не в золото одетая,
Из амвростеских недр
Дай нам взять влаги благоуханной и милой...

Так что Эвдокс напрасно поверит тем, кто утверждал, будто вода эта называется Стиксовой[42]. А Музы были здесь поставлены как помощницы в гаданиях и хранительницы источника и святилища Геи, которой, говорят, принадлежало это прорицалище, ибо вещания здесь давались в стихах и песнях. Некоторые утверждают, что здесь впервые был услышан героический стих[43]:

Перья сбирайте, о птицы, и мед приносите, о пчелы,—

а затем, когда почитание Муз было оставлено, торжественность изображения исчезла».

18. Серапион же сказал: «Вот это, Боэт, уже другой разговор — и лучше, и достойнее Муз. Не нужно восставать на божества и вместе с гаданиями отвергать и промысел, и божественное начало, а надо изыскивать разрешения кажущихся противоречий, не оставляя при этом благочестивой веры отцов».

«Правильно говоришь ты, благороднейший Серапион,— сказал я.— Ведь мы не думаем, что философия погибла и прекратила существование оттого, что раньше философы излагали свои учения и рассуждения в поэмах, как это делали Орфей, Гесиод, Парменид, Ксенофан, Эмпедокл, потом перестали пользоваться стихами,— все, кроме тебя: лишь в твоем лице поэзия вновь снисходит до философии, принося юношеству мысли правильные и благородные. И астрономию не сделали менее славной ученики Аристарха, Тимохарида, Аристилла, Гиппарха, которые пишут прозой, тогда как раньше Эвдокс, Гесиод, Фалес писали стихами,— если только в самом деле Фалес написал приписываемую ему "Астрономию"[44]. Сам Пиндар признается, что в его век пришла в небрежение обработка напевов, недоумевает и удивляет-

ся... (*в тексте лакуна*). В том, чтобы исследовать причины подобных перемен, нет ничего ни странного, ни дурного, но отвергать искусства и их возможности, если даже что-то в них непостоянно и изменчиво, несправедливо».

19. Теон подхватил: «Это правда, что по части оракулов перемены и новшества были очень большие; но и очень давние оракулы, здесь произнесенные, как ты знаешь, часто были в прозе, хотя и касались предметов немаловажных. Как рассказывает Фукидид, лакедемонянам, вопрошавшим о войне с афинянами, оракул возвестил победу и власть и обещал помощь по зову и без зова, а потом объявил, что если они не отзовут Павсания, то им придется пахать серебряным плугом. А когда афиняне спрашивали о сицилийском походе, он приказал привести из Эритр жрицу Афин, и оказалось, что звалась она Гесихией ("Тишиной"). Когда сицилиец Дейномен вопрошал о сыновьях своих, то бог ответил, что все трое станут тиранами. А на слова Дейномена: "Не пришлось бы им рыдать, Аполлон-повелитель!",— он сказал: "И это им также дается и возвещается!" И точно: вы ведь знаете, что Гелон страдал от водянки, а Гиерон — от каменной болезни, третий же, Фрасибул, среди распрей и войн скоро лишился власти[45]. Далее Прокл, тиран Эпидавра, властелин жестокий и беззаконный, ласково приняв прибывшего к нему из Афин Тимарха, умертвил его, а тело его в корзине бросил в море[46].

Сделал он это с помощью Клеандра из Эгины, а больше никто об этом не знал. Но потом, когда вокруг началась смута, он послал сюда брата Клеотима, чтобы тот тайно вопросил, куда ему бежать и где найти убежище,— а бог ответил, что бегство и убежище там, где он велел эгинцу схоронить корзину, или там, где олень сбросит рога. И вот тиран понял, что бог велит ему утопить себя или похоронить (ведь олени, когда у них падают рога, закапывают их и прячут под землю); некоторое время он еще продержался, но когда дела его стали совсем плохи, то бежал; и тут-то друзья Тимарха схватили и убили его, а труп выкинули в море. И, наконец, самое важное,— ведь законы, которыми Ликург привел в порядок государство лакедемонян, были даны ему тоже в прозе[47].

И Геродот, и Филохор, и Истр, стремясь собирать оракулы стихотворные, записали, тем не менее, и множество прозаических. А Феопомп, больше всех занимавшийся нашим прорицалищем, очень порицал тех, кто сомневался, что и в его время пифия давала предсказания в стихах. Но когда он захотел доказать это, ему удалось собрать совсем немного стихотворных оракулов, потому что уже тогда они по большей части облекались в прозу[48].

20. Правда, некоторые из них и теперь оглашаются в стихах — из них один даже прославлен своим поводом.

Есть в Фокиде святилище Геракла Женоненавистника, жрец которого в течение года не должен иметь дела с женщиной; поэтому обычно жрецами там назначают стариков. Однако недавно один юноша, не плохой, но честолюбивый, влюбленный в девушку, принял это жречество. Сначала он был воздержан и избегал ее; но однажды, когда он отдыхал после пира и пляски, она пришла к нему, и он сошелся с ней. Испуганный и смущенный, обратился он к оракулу и вопросил бога, будет ли ему за этот грех искупление или прощение. Получил он такой ответ:

Бог дозволяет все необходимое.

Право, если кто будет настаивать, что в наше время не бывает оракулов кроме стихотворных, то еще труднее будет ему говорить об оракулах древних, потому что ответы всегда давались как в прозе, так и в стихах. А на самом деле, дитя, ни то, ни другое не противно здравому смыслу, если только суждения наши о боге чисты и нелукавы, а мы воображаем, будто он сам когда-то сочинял стихи и сам теперь подсказывает пифии оракулы в прозе и говорит сквозь нее, словно сквозь маску.

21. В другой раз об этом можно будет поговорить подробнее и пытливее, а сейчас мы лишь коротко напомним

о том, что заведомо известно. А именно, что тело наше пользуется, как орудиями, многими своими органами; душа же пользуется самим телом и его частями; а сама душа есть орудие бога. Достоинство же орудия в том, чтобы всей своей природной способностью воспроизводить того, кто им пользуется, и являть через себя дело его мысли. Но замысел этот орудие показывает не таковым, каков он был у творца,— чистым, невредимым, непогрешимым,— а со многими посторонними примесями. Сам по себе он нам не виден, а будучи явлен в другом и через другое, он исполняется природы этого другого. Я не говорю даже о воске, золоте, серебре, бронзе и обо всем прочем, что принимает образ ваяемой сущности, но придает лишь вид запечатляемого сходства, в остальном же всякий раз привносит в воспроизведение собственные свои отличия; не говорю и о том, как один и тот же предмет дает бесчисленно разные изображения и подобия в плоских, выпуклых и вогнутых зеркалах... (*в тексте лакуна*). Но вот, например, солнце: ничто так не похоже на него с виду и ничто не служит ему таким послушным орудием, как луна; однако, заимствуя от солнца блеск и жар, она отражает их нам уже в ином виде: смешавшись с ней, они и окраску изменяют, и силу получают другую; теплота же вовсе исчезает и остается лишь слабый свет. Ты знаешь, наверное, слова Гераклита: "Владыка, чье прорицалище в Дельфах, не вещает, не скрывает, но знаменует"[49].

К этим прекрасным словам и прибавь нашу мысль: как солнце пользуется луной для того, чтобы его видели, так

здешний бог пользуется пифией, чтобы его слышали. Он обнаруживает и являет свои мысли, но обнаруживаются они не без примеси. Причина тому — смертное тело и душа человеческая, которая сама по себе к покою неспособна и не может предоставить себя на волю движущего начала неподвижною и устойчивою, ибо как в море волнения ее сотрясают, внутренние порывы спирают, страсти смущают.

Подобно тому, как при падении вращающиеся тела не могут двигаться ровно, а поневоле продолжают вращение и в то же время по природе стремятся вниз, так что из сочетания двух движений возникает сбивчивое и беспорядочное движение,— так и то, что мы называем вдохновением, представляется смешением двух движений души — одного природного, другого — привнесенного извне. Телами неодушевленными и неизмененными невозможно пользоваться несогласно с их природой: невозможно вращать цилиндр, словно шар, а конус, словно куб или играть на лире, как на флейте, а на трубе, как на кифаре, и можно даже сказать, что применять каждую вещь "по правилам искусства" или "в соответствии с ее природой" — одно и то же. Так станет ли кто-нибудь с существом одушевленным, самодвижущимся, обладающим разумом и желаниями, обращаться иначе, чем применяясь к его природе, возможностям, складу: например, возбуждать музыкою ум немузыкальный, грамматикою — ум неграмматический, логикою — ум не сведущий и не искушенный в логике? Конечно, нет.

22. В пользу мою свидетельствует и Гомер[50]; он полагает, что если поискать, то ни одна причина не окажется, так сказать, "без бога"; однако в его представлении бог использует всех людей не как попало, а каждого по его способностям и умению. Разве ты не видишь, милый Диогениан,— продолжал Теон,— что Афина, когда она хочет убедить ахейцев, то обращается к Одиссею, когда нарушить клятву — ищет Пандара, когда опрокинуть троян, спешит к Диомеду?[51] Ибо один из них отважен и воинственен, другой — хотя и отличный стрелок, но безрассуден, а третий — разумен и мастер говорить. Ведь Гомер вовсе не думал так, как Пиндар, если только действительно Пиндару принадлежат слова:

> Коль бог захочет, на тростинке выплывешь,—

но знал, что природные свойства и силы имеют всякая свою цель и действуют различно, даже если движутся все одним и тем же. Тот, кто ходит пешком, не может летать, картавый лишен ясного выговора, заике не достичь звучности голоса (я думаю, что и Батта бог послал в Ливию основать город именно из-за этого недостатка речи, потому что, хотя он был картав и заика, но умен, царственен и искусен в правлении)[52], точно так же невозможно человеку неграмотному и невежественному выражаться стихами.

А пифия, которая теперь служит здесь богу, заняла это место прекрасно и по праву, как никто другой, и жизнь прожила добропорядочно; но выросла она в бедном крестьянском доме и сошла она[53] в это прорицалище, не принесши

с собой никакого искусства, никакого опыта, никаких способностей. Как Ксенофонт полагает, что невеста мужа должна ему представать, почти еще ничего в жизни не увидев и не услышав[54], так и эта дева, будучи почти во всем неопытной и несведущей, поистине душой своей сожительствует с богом. Мы верим, что бог дает знамения в крике цапель, коростелей, воронов и не требуем, чтобы эти вестники и глашатаи богов говорили словесно и внятно, почему же мы хотим, чтобы голос и слова пифии, словно она вещает со сцены, не были просты и грубы, но долетали до нас в стихах, величаво, с украшениями слога, метафорами, да еще и под звуки флейты?

23. Тогда что же сказать о пифиях прежних времен? Пожалуй, тут сказать нужно многое. Сначала, как сказано, и они по большей части давали ответы в прозе. Далее время принесло с собой дарования и душевный склад, способные и склонные к поэзии, и тотчас же появились предчувствия, порывы, душевная готовность творить при малом внешнем воздействии или при игре воображения; так что не только философов и астрономов влекло к обычному их делу, но и от опьянения, и от сильного чувства, и от прилива печали, и от порыва радости люди обретали "сладкозвучную речь", и застолья наполнялись любовными стихами и песнями, а книги — писаниями. Еврипид, сказав:

Создаст поэта Эрос хоть из неуча[55],

подразумевал, что Эрос не вкладывает в нас, а пробуждает присущие, разогревает скрытые и дремлющие способности к музыке и поэзии. А то не сказать ли нам, гость, видя, что никто ни в стихах, ни в песнях, по Пиндарову слову,

не рассылает, как стрелы, медвяные гимны свои[56],—

не сказать ли, будто нынче никто не умеет любить, и Эрос покинул нас? Ясно, что это нелепость: ведь много любовных страстей и в наши дни обуревает людей, возбуждая души, не способные и не готовые к мусическому искусству, чуждые флейты и лиры, но от этого не менее пылкие и речистые, чем в старину. Грешно и стыдно было бы сказать, будто не ведает Эроса Академия и весь хор Сократа и Платона,— каждому открыты их беседы о любви, хотя стихов они и не оставили. И не все ли равно: сказать "не было влюбленных женщин, кроме Сапфо" или "не было пророчиц, кроме Сивиллы, Аристоники[57] и прочих, которые вещали стихами"; как Херемон[58] говорил, что "вино смешивается с характерами пьющих", так и любовное и пророческое вдохновение пользуется теми способностями, какие есть у одержимых, и каждого из них волнует сообразно с его природою.

24. А взглянувши на вопрос со стороны бога и провидения, мы увидим, что эта перемена была только к лучшему.

Употребление слова ведь подобно изменению курса монеты, имеющей в разное время разную ценность, употребительность и распространенность. И вот было время, когда словесной монетою людей были стихи, напевы и песни; и они-то перелагали в музыку и поэзию как всю историю и всю философию, так и попросту всякое сильное чувство и всякий предмет, требующий торжественного выражения. Что теперь с трудом понимают немногие, тем когда-то владели все:

и пасущие овец, и пахари, и птицеловы,

как говорит Пиндар[59], не только слушали и радовались пению, но очень многие, по общей склонности к поэзии, сами лирою и пением поучали народ, смело говорили с другими, ободряли, приводили притчи и пословицы, а еще слагали в стихах и напевах гимны богам, молитвы, пеаны — одни по врожденной склонности, другие — по привычке. И бог не гнушался красотою и приятностью в искусстве предсказания и не отгонял от треножника чтимую Музу, а напротив, приближал ее, возбуждая поэтические дарования и радуясь им; он сам двигал воображением и вызывал к жизни слова величественные и цветистые, как наиболее уместные и восторг вызывающие.

Но когда жизнь изменилась, а вместе с ней изменились обстоятельства и дарования, то обиход отверг излишества, снял золотые пряжки, совлек мягкие ткани, остриг пышные волосы, отвязал с ног котурны[60], тогда люди совсем неплохо научились находить красоту в простоте, а не в роскоши,

и прикрасу нехитрую и незатейливую ценить выше, чем пышную и избыточную.

И когда таким образом речь переменила свои словесные одежды, то история сошла с колесницы стихотворных размеров и стала в прозе четко отделять сказки от правды. И философия, предпочитавшая потрясению души ясность и поучительность, стала вести свои изыскания прозою. Тогда-то бог удержал пифию от того, чтобы она называла своих сограждан "жгущими огонь", спартанцев — "поедающими змей", мужей — "обитающими в горах", реки — "пьющими горы". Лишив предсказания стихотворной речи, непонятных слов, описательных выражений и неясности, божество стало так говорить с вопрошающими, как законы говорят с государствами, как цари встречаются с народами, как ученики слушают учителей,— то есть стремясь лишь к привычному и убедительному.

25. Следовало бы хорошо помнить слова Софокла, что божество

Пророчества в загадках мудрецам речет,
Глупцов же плохо учит даже краткостью[61].

А когда в оракулах появилась ясность, то и доверие к ним, как и к другим вещам, стало меняться. Необычное, редкое, окольное и иносказательное многим казалось божественным

и вызывало восторг и благоговение; а теперь люди, полюбившие учиться на том, что легко и ясно, без напыщенности и выдумок, стали обвинять облекавшую оракулы поэзию, подозревая, что она мешает мысли, выражениями своими внося в истину темноту и неясность, а иносказаниями, загадками, двусмысленностями предоставляя вещанию лазейки и убежища, чтобы укрыться в случае ошибки. Можно было от многих услышать, что вокруг прорицалища засели какие-то люди, которые перехватывают ответы оракула и втискивают их, словно в сосуды, в сочиненные наспех стихи, размеры, ритмы. Я не верю этой клевете и не стану говорить, будто все эти Ономакриты[62], Продики, Кинетоны виноваты перед оракулами, придав им совсем ненужную трагедийную пышность. Нет, больше всего поэзию обесславили шарлатаны, площадная чернь, бродяги, кривляющиеся возле святилищ Великой Матери и Сераписа[63]. Это они, иные устно, иные по каким-то гадательным книжкам, переделывали оракулы в стихи для челяди и для баб, падких на мерную и поэтическую речь. Вот почему, воочию став общим достоянием обманщиков, шарлатанов и лжепрорицателей, поэзия отлучила себя от истины и дельфийского треножника.

26. А что древние оракулы порой нуждались в некоторой двусмысленности, неясности, иносказательности, этому

удивляться не приходится. Ведь никто, клянусь Зевсом, не опустился до того, чтобы вопрошать оракул о покупке раба или о ремесленных заботах: нет, обращались к богу могущественные государства, цари и тираны, замышлявшие необычное; огорчать и озлоблять их, заставляя слушать много неугодного, служителям оракула было невыгодно. Ведь бог не подчиняется Еврипиду, который провозгласил как закон, что

лишь Фебу должно людям прорицать[64].

Нет, он пользуется смертными служителями и пророками и вынужден о них заботиться, остерегая божьих слуг от дурных людей; поэтому бог, не желая скрывать истину, открывает ее в измененном виде: ясность ее преломляется поэзией, дробясь на отдельные лучи и теряя от этого прямоту и жесткость. Нужно было, чтобы тираны пребывали в неведении и не знали заранее о своих врагах. Так вот для них-то бог и прибегал к намекам и двусмысленностям, которые скрывали смысл сказанного, но не давали ему ускользнуть и не вводили в заблуждение тех, кто нуждался в понимании и слушал внимательно[65]. Поэтому в высшей степени наивен тот, кто клевещет на бога и обвиняет его за то, что в новых обстоятельствах он подает нам помощь новым способом.

27. Главная польза от стихотворной формы была в том, что слова, связанные стихотворным размером, лучше запо-

минались и усваивались. А тогдашним людям нужна была хорошая память. Ведь вещания говорили о многом: и о приметах места, и об удобном времени для предприятий, и о святилищах заморских богов, и о неведомых могилах героев, которые трудно найти вдалеке от Эллады. Вы ведь знаете, сколько нужно было указаний Хиосцу, Кретину, Гнесиоху, Фаланту[66] и другим вождям переселенцев, чтобы найти назначенное каждому место поселения. Некоторые из них сбивались с пути, как, например, Батт. Ему показалось, что его постигнет неудача, и он не нашел того места, куда был послан; тогда он пришел вопросить второй раз, и бог ему изрек:

Если ты лучше меня, бывавшего в Ливии, знаешь
Землю, кормящую агнцев, то мудрость твоя
мне завидна[67].

Этими словами бог вторично послал его туда же. А Лисандр, пренебрегши сведениями об Орхалидском холме, который называется еще и Лисьим, по реке Гоплит,

и о драконе, землей порожденном,
крадущемся с тыла[68],

был побежден в бою и погиб в тех же местах от руки Неохора из Галиарта, мужа, у которого был щит с изображением змеи.

Однако нет необходимости перечислять вам и без того известные случаи из прошлого, чтобы загромождать ими память.

28. Мне гораздо приятнее и отраднее говорить о тех делах, о которых вопрошают бога в наши дни. Ведь нынче всюду прочный мир и спокойствие, нет больше ни войн, ни переселений, ни мятежей, не существует тирании, нет прочих бед и болезней Эллады, как будто они исцелены действием необыкновенных лекарств.

Там, где нет никакого разногласия, ничего тайного, ничего страшного, где возникают вопросы о делах малых и всем доступных, словно школьные упражнения: "жениться ли мне", "пуститься ли в плавание", "ссудить ли деньги"[69], и даже города задают вопросы разве что о плодородии, приплоде скота, о здоровье граждан — там слагать стихи, изощряться в иносказаниях, приискивать редкие слова, где нужен лишь короткий и простой ответ на вопрос,— способен лишь тщеславный софист, который рисуется перед прорицалищем. А пифия, по благородству души своей спускаясь к святыне и общаясь с богом, больше заботится о правде, чем о мнении хвалителей и хулителей.

29. Может быть, и нам следовало бы брать с нее пример. Но раз уж мы вступили в спор, не желая, чтобы место это потеряло свою трехтысячелетнюю славу и чтобы иные люди не отвернулись от оракула с презрением, как от болтов-

ни софиста, то мы и произносим защитительные речи и приискиваем причины тому, чего не знаем и что нам даже не следует знать; мы убеждаем и успокаиваем хулителя, не давая ему уйти, потому что

Это сугубое горе ему самому обратится[70],

если у него такое мнение об оракуле, что он вот эти изречения мудрецов "Познай самого себя" и "Ничего лишнего" с готовностью принимает и восхищается их краткостью, которая заключает в малом объеме сжатую и вескую мысль, но оракулы за такую же краткость, простоту и прямоту их слога только бранит. А ведь подобные изречения похожи на реки, протекающие в теснинах: в них нет ни прозрачности, ни ясности, но если ты посмотришь, что написано или сказано о них у тех, кто потрудился в них вникнуть, то увидишь такие большие сочинения, длиннее которых трудно найти.

Математики называют прямую линию кратчайшей из линий между двумя точками: таков и язык пифии — без выгибов, без петель, без повторов, без двусмысленностей, как прямая дорога ведет он к истине; он открыт для любых сведений и проверок, и все эти испытания он до сего дня всегда выдерживал с честью. А прорицалище свое он наполнил приношениями и дарами от эллинов и варваров, украсил превосходными постройками и убранством, достойным амфиктионий.

Посмотрите, как много выстроено, чего раньше не было, как много восстановлено разрушенного и поврежденного. Подобно тому, как рядом с плодоносящими деревьями подра-

стают молодые, так вместе с Дельфами цветет юность, набирается сила Пилея[71], благодаря здешним богатствам украшаясь и благоустраиваясь и храмами, и общественными зданиями, и водоемами, каких никогда в ней не было за тысячу лет. Обитатели Галаксии в Беотии чувствовали присутствие бога по изобилию и избытку молока:

> из всех овец, как лучшая вода из источников,
> нежное струилось молоко; торопливо наполнялись
> им чаны,
> ни мех, ни кувшин не пустовали в домах,
> полны были деревянные бочки и подойники.

А наш бог дает знамения еще яснее, еще надежнее, еще ослепительнее, сотворив здесь, так сказать, из бесплодия прежних времен изобилие, почет и блеск. Я горжусь собой, что всему этому и я принес усердие и пользу вместе с Поликратом и Петреем[72]; я ценю и того, кто во главе этого общественного дела столь многое обдумал и приготовил, но все равно не могла такая великая и прекрасная перемена за такое малое время совершиться одними людскими усилиями, если бы здесь не присутствовал сам бог, осеняя свое прорицалище.

30. Но как в давние времена были люди, порицавшие запутанность и темноту оракулов, так и теперь находятся

осуждающие чрезмерную их простоту. Но ревность их — ребячество, и негодование — глупость. Как дети радуются и ликуют при виде радуги, комет, светящегося нимба вокруг солнца или луны, так и эти люди жаждут от пророчества загадок, иносказаний, переосмыслений всех этих окольных путей к воображению смертных. А по-должному уразуметь причину совершившейся перемены люди не могут, и вот они уходят прочь, осуждая божество. А ведь это себя и нас следовало бы им осудить за то, что мы не в силах проникнуть рассудком в божественный промысел».

Примечания

[1] *Спарты* («посеянные») — эпитет воинов, выросших из зубов убитого Кадмом дракона. Этот мифологический образ выполняет здесь чисто стилистическую функцию, связывая два разных понятия: «словесного сражения», «спора» и «разрастания» Ср. Paus., IX, 10, 1.

[2] *Корикий* — грот на Парнасе примерно в двух часах ходьбы от Дельф. Ср. Paus., X, 6, 2—3 и 32, 2.

[3] *Ликория* (*Λυκωρια*); чтение, принятое Платоном, — *Λυκουρια* (Ликурия) — легендарный город на Парнасе, см. Paus., X, 6, 2.

[4] Диогениан Старший выведен Плутархом в «Застольных вопросах» (VII,

7, 8; VIII, 1, 66; 2; 9), где он принимает живое участие в разговорах на самые разнообразные темы и обнаруживает большую начитанность и осведомленность в литературе классического периода, чему импонирует место его происхождения, названное Плутархом,— Пергам. «Вот добрый отпрыск доброго отца» — пословица, ср. Plato, Resp. 368 A.

[5] После битвы при Эгоспотамах (405 г. до н. э.) Лисандр поставил в Дельфах бронзовые статуи всех наварxов и свою (Plut., Lys. 18).

[6] Сплав золота и серебра, применяемый в античности для чеканки и полуды, под названием *ἤλεκτρον*, упоминается Страбоном (III, 2). Коринфская бронза описана у Павсания (II, 3, 3) и более подробно у Плиния Старшего, который говорит о ее трех видах: беловатая, с серебристым отливом от содержащегося в ней по преимуществу серебра, желтая, с золотистым отливом — от избытка золота, и третья — цвет ее Плинием не обозначен,— содержащая все три компонента в равных частях (HN, XXXIV, 3).

[7] Строка из произведения неизвестного комедиографа.

[8] Из неизвестного сочинения Аристотеля.

[9] Hom., Od. VII, 107. О секрете изготовления плотных и тонких тканей — Plut., Alex. 36; Athen., 582 D.

[10] Эгон был легендарным царем Аргоса, преемником Гераклидов; здесь Плутарх упоминает оракул на его статуе, поставленной аргосцами в Дельфах после 369 г. до н. э., когда спартанцы после поражения при Левктрах старались своими дарами в Дельфах пре-

взойти остальные греческие государства, и в частности Аргос (Paus., X, 10, 5).

[11] *Павсон* — афинский художник начала IV в. до н. э., известный своей бедностью и остроумием; упоминается в некоторых комедиях Аристофана, например, Acharn. 854; Eccels. 949. История, приведенная Плутархом, изложена у Элиана (V, H; XIV, 15).

[12] *Главка с Хиоса* — известная певица III в. до н. э., о «напевах Главки» похвально отзывается Феокрит (Идилл. IV, 31).

[13] Pind. fr. 32 (Pindari carmina cum fragments, post B. Snell ed H. Maehler, Lipsiae, 1971).

[14] Эту мысль Плутарх развивает в своем трактате «О слушании», гл. 2, 38 A—B.

[15] События Сицилийской экспедиции Алкивиада в 415—413 гг. до н. э.

[16] Историю последних дней сиракузского тирана Гиерона (правил в 478—467 гг. до н. э.) рассказывает Ксенофонт (Гиерон, I, 6, 32). Спартанец Гиерон — лицо неизвестное; возможно, что его упоминает Ксенофонт (Hell. VI, 4, 9) в числе участников битвы при Левктрах (371). Некоторые исследователи «Моралий» принимали конъектуру «Гермон» — имя одного из командиров флота Лисандра при Эгоспотамах. Об исчезновении золотых звезд Диоскуров, поставленных Лисандром, см Plut., Lys. XVIII. О щите Паллады — Paus., X, 15. Тиран Филомел — правитель Фокиды в середине IV в. Для ведения так называемой Священной войны с фиванцами в 356 г. до н. э. он ограбил Дельфы; Афиней (605,

C—D) передает эту историю, ссылаясь на историка Феопомпа и заменяя Филомела Лампсаком.

[17] Arist., Rhet. III, II, 1411 b.

[18] Павсаний (X, 12, 1) сообщает имя первой Сивиллы, которая была до культа Аполлона — Герофила Эритрейская; имя первой дельфийской пророчицы осталось неизвестным. Ламия — баснословное чудовище, сосущее человеческую кровь, часто в сознании греков ассоциировалась с луной, которая воспринималась как некий призрачный лик. У Плутарха эта тема получила развитие в трактате «О лике, видимом на луне».

[19] Имеется в виду извержение Везувия в 79 г. н. э.

[20] Текст пословицы: «Тот лучший предсказатель, кто добро сулит».

[21] Бакид, как и Мусей, один из наиболее известных легендарных предсказателей. Аристотель (Problem. 954, a 36) причисляет его к людям «боговдохновенным».

[22] Plut., Ages. III; Lys. XXII, также Paus., III, 8, 9. Перевод М. Е. Грабарь-Пассек в кн. «Плутарх. Сравнительные жизнеописания». М., 1963, т. 2, стр. 112 и 306.

[23] Имеются в виду события Второй Македонской войны между римлянами и Филиппом V. Об острове упоминает Страбон (I, 3, 16) и Юстин (XXX, 4, 1).

[24] Имеется в виду восстание Спартака. Ср. Plut., Cras. 8 сл.

[25] Сборник афоризмов Эпикура. Издание отрывков: Epicurea, ed. H. Usener, Lipsiae, 1887.

[26] Серапион излагает учение стоиков. Далее Hom., Od. III, 1. Об египетских изображениях солнца см. трактат Плутарха «Об Исиде и Осирисе», гл. 41.

[27] Эмпедокл, фр. 44.

[28] Петух не входил в круг животных Аполлона; здесь упомянут, чтобы подчеркнуть солярный аспект почитания дельфийского бога.

[29] Тиран Коринфа в VII в. до н. э., отец Периандра. Оракул предсказал ему опасность от родственников по материнской линии, поэтому мать, когда он был ребенком, долго хранила его в ящике (*κυψελοζ*). Когда Кипсел вырос, он изгнал врагов и царствовал 39 лет. См. о нем у Геродота (I, 14, 20, 23; III, 48; V, 92, 95).

[30] *Молиониды* — Эврит и Ктеат, сыновья Посейдона и Молионы, племянники царя Авгия, вступили в борьбу с Гераклом и были убиты. О них Hom. Il, XI, 709; Pind., Ol. X, 30—40; Apollod., II, 7.

[31] История Эзопа и Родопис, которые находились в рабстве у одного и того же хозяина, рассказана у Геродота (II, 134—135). Эзоп был обвинен в похищении золотой чаши из Дельфийского храма, и его сбросили со скалы; после этого Родопис была увезена в Египет, где ее выкупил брат поэтессы Сапфо.

[32] Афиней (591 B) излагает этот эпизод по сочинению некоего Алкета «О приношениях в Дельфах», где Кратет назван киником.

[33] Ср. «О "E" в Дельфах», гл. III; также фрагменты средней комедии изображают ее одаренной умом и находчивостью: J. M. T. Edmonds. The fragm. of Attic comedy. Leyden, 1959, v. II, p. 420—421, fr. 104.

[34] Xen, Symp. II, 3; 11; 9; 22.

[35] Намек на события 422 г., когда спартанцы под предводительством Брасида разбили афинян, а также на сражение афинян в 459г., для них победоносное, с коринфянами.

[36] Paus., X, 14, 7; 15, 1.

[37] Herod., I, 51.

[38] Имеются в виду события так называемой Священной войны 355—346 гг. до н. э.

[39] В 404 г. мегарцы изгнали афинян и заключили перемирие с тридцатью тиранами. См. Thuc., I, 114—115.

[40] *Скифин* — поэт, время жизни которого неизвестно. Здесь Плутарх обращается также к стоической доктрине: еще Клеанф отождествлял солнце с плектром (Clem. Al., Stromat. 8, 48).

[41] Simonid., fr. 44.

[42] *Эвдокс Книдский* — математик и астроном конца V в. до н. э. Здесь намек на доаполлоновскую «хтоничность» прорицалища. См. А. Ф. Лосев. Античная мифология. М., 1957, стр. 251.

[43] Существует мнение, что ионийский диалект в оракулах указывает на то, что оракулы в своей метрической форме всего лишь подражали эпическому размеру (A. Croiset. Histoire de la litterature grecque, 1928).

[44] *Аристарх Самосский* — астроном III в. до н. э., *Гиппарх* — II в. до н.э., оба разработали теорию о движении Земли вокруг

Солнца. Гесиоду в древности приписывали «Астрономию», Фалесу — «Мореплавательную астрономию».

[45] Thuc., I, 118, 3; V, 6.

[46] Herod., III, 52.

[47] О «ретрах» Ликурга — Plut., Lyc. 13; более распространена версия о том, что он получил их от Аполлона; однако, как говорит Ксенофонт (Lac. polit. 8, 5), Аполлон только подтвердил и одобрил то, что было предложено Ликургом.

[48] Афиней (605 А) сообщает, что Феопомпом было написано сочинение «О деньгах, награбленных в Дельфах», а названный выше Филохор у Суды имеет характеристику «прорицатель и гадатель по внутренностям».

[49] Heracl., fr. 93.

[50] Hom., Il. II, 169.

[51] Hom., Od. II, 372; XV, 531; Il. II, 172; IV, 92; V, 123.

[52] Herod., IV, 155.

[53] Указание на то, что прорицалище находилось под землей.

[54] Xen., Oec. VII, 5.

[55] Фрагмент из «Сфенебеи».

[56] Isthm., II, 3. Плутарх меняет в цитате прошедшее время (*ετοζευον*) на настоящее (*τοζευει*).

[57] Аристоника, как рассказывает Геродот (VII, 140), дала афинянам два стихотворных оракула.

[58] *Херемон* — трагик, время жизни его неизвестно, от сочинений сохранились отрывки.

[59] Isthm., I, 48.

[60] «Излишества» относятся к началу классического периода; «золотые шпильки» употреблялись для высокой прически; котурны перед греко-персидскими войнами были привезены из Лидии; в это же время вошли в употребление длинные мягкие туники — обо всем этом см. Thuc., I, 6, 3.

[61] Soph., fr. 704.

[62] Афинянин Ономакрит жил при Писистрате (VI в. до н. э.) и первым осуществил запись поэм Гомера. Геродот (VII, 6) называет его также «исследователем оракулов».

[63] Восточные культы были распространены во многих римских провинциях. Культ Кибелы (Великой Матери) пришел из Фригии во время греко-персидских войн; культ Сераписа распространился после походов Александра Македонского.

[64] Eur., Phoen., 958.

[65] Геродот (I, 47 и 55) приводит затемненные оракулы, данные Крезу.

[66] Текст испорчен и имена сомнительны. Наиболее достоверный из них — упомянутый во фрагментах поэмы Скимна один из основателей Синопы Кретин.

[67] Herod., IV, 155—157.

[68] Plut., Lys. 29.

[69] Даже император Адриан ездил в Дельфы вопрошать о родине Гомера (Anth. Pal. XIV, 102).

[70] Hom., Od. II, 190.

[71] *Пилея* — предместье Дельф.

[72] *Луций Кассий Петрей* выведен Плутархом в «Застольных вопросах» (V, 2), где он назван «агонофетом при пифии». *Поликрат из Сикиона* — потомок стратега Арата Сикионского (271—213 гг. до н. э.), возглавлявшего Ахейский союз.

Почему божество медлит с воздаянием

Перевод *Л. А. Ельницкого*

1. Так, о Квиет[1], сказал Эпикур[2], когда мы достигли пределов портика, и тут же покинул нас, удалившись прежде, чем кто-либо успел ему ответить. Мы было остановились в молчании, удивленные такою странностью, и, переглянувшись, повернули обратно, следуя по прежнему пути.

Тогда первым сказал Патрокл[3]: «Так как же? Отложим ли мы этот разговор или ответим на его слова, как если бы он остался с нами?»

Тимон на это сказал: «Если он ушел, метнув в нас стрелу[4], то хорошо ли оставлять ее в теле? Брасид[5], говорят, вырвал из своего тела копье, послал его обратно и убил им

бросившего. Но нам не подобает мстить тем, кто бросает нам обвинения нелепые и ложные, нам достаточно их отбросить прежде, чем они заденут наши взгляды».

Я сказал: «Что же из его слов больше всего вас взволновало? Говорил он много, но без всякого порядка, громоздя одно на другое, как будто терзаемый гневом и желанием оскорбить, он хотел оспорить божественное Провидение»[6].

2. Тогда сказал Патрокл: «Страшнее всего, по-моему, то, что он утверждал относительно медлительности и неспешности божества при наказании злодеяний; потому-то от таких его слов я готов заново обсуждать эту тему. Давно уже возмущали меня слова Еврипида:

> Он медлит: такова богов природа[7].

Ни в чем не следует божеству проявлять медлительности, особенно же перед злодеяниями, ведь сами злодеи не медлят и не колеблются, а рвутся к злодеяниям под напором своих страстей. Фукидид[8] сказал: "Когда наказание следует вплотную за преступлением, оно преграждает дорогу тем, кто пользуется его последствиями". Ничто так не пагубно, как отсрочка справедливого наказания, она отнимает надежду и твердость духа у пострадавших и усугубляет дерзость злодеев, а немедленные наказания преступников пресекают будущие зло-

действа, и это большое утешение для потерпевших. Не нравятся мне и слова Бианта[9], которые я часто вспоминаю: будто бы он сказал одному злодею: "Не того я боюсь, что ты не поплатишься, а того, что я этого не увижу". Право же, какая польза была мессенянам, которых погубил Аристократ своей изменой в битве при Тафре[10], после чего он еще двадцать лет невредимо царствовал над аркадянами, когда он в конце концов понес запоздалое наказание?[11] Мессенян все равно уже не было в живых. И какое утешение принесло орхоменянам, из-за предательства Ликиска[12] потерявшим детей, друзей и домочадцев[13], то, что много лет спустя болезнь пожрала его тело,— недаром всякий раз, окунаясь в воду[14], говорил он: "Чтоб мне сгнить, если я был предателем и совершил беззаконие!" А когда в Афинах выбросили из могил останки преступников за пределы страны, то даже и внуки погибших уже не могли увидеть этого[15].

Поэтому я нахожу нелепыми слова, которыми Еврипид хочет отвратить людей от преступлений:

Не трепещи, законы не настигнут
Тебя ударом в сердце за любое
Для смертных зло, но молча и неспешно
Ступая, поразит преступных Правда[16].

Ведь именно такая уверенность толкает злодеев к безбоязненному совершению преступлений: злодеяние приносит свои плоды немедленно и ощутительно, воздаяние же следует не скоро, когда уже успеешь их вкусить».

3. На эти слова Патрокла отозвался Олимпих: «А кроме того, Патрокл, промедление божества при наказании нехорошо еще и тем, что оно подрывает веру в Провидение. Оно наказывает не за каждое преступление в отдельности, но по совокупности и лишь позднее, позволяя преступникам видеть в этом не возмездие, а простое несчастье, так что никакой пользы от раскаяния в содеянном не бывает. Подобно этому и для лошади шпоры и хлыст полезны лишь следуя тотчас за ее неверным шагом, и тогда она выравнивает ход, а понукания, удары и окрики, делаемые уже потом, ничему ее не учат, а только мучат. Вот так и злодей, если попадется, будет бит и наказан на месте преступления, то сразу же одумается, почувствует униженный страх перед божеством, надзирающим над людскими делами и вожделениями и не медлящим в своей справедливости. А та Правда, которая у Еврипида "ступает молча и неспешно", бывает окольной и запоздалой, а поэтому представляется скорее случайностью, чем божеским Провидением. Поэтому я не вижу, какой толк говорить, что "мельницы богов мелют медленно"[17]: это лишь затемняет справедливость и позволяет угаснуть страху за совершенные преступления».

4. Я стал раздумывать над этими словами, а Тимон произнес: «Не прибавить ли и мне к этим рассуждениям еще од-

ной трудности? Или уж сперва обсудить до конца то, что было сказано?»

«Для чего же,— ответил я,— вздымать нам третий вал[18] и топить предмет нашего обсуждения, если это не поможет опровергнуть или отклонить то, что уже сказано? Начнем же, как от печки[19], с благоговейной осторожности, свойственной философам Академии[20], которые знали, как рассуждать о священных предметах.

Что толку говорить о музыке тем, кто ей не учился, и о войне тем, кто не воевал? Что толку рассматривать дела богов и демонов, будучи людьми? Это то же, что не смыслящим в мастерстве пытаться понять замыслы мастеров по догадкам и домыслам. И если трудно простому человеку понять расчет врача, производящего операцию позже, а не раньше, и делающего прижигание не вчера, а сегодня, то ничуть не легче смертному человеку сказать и о богах что-либо, кроме того, что им виднее, когда им лечить зло, в качестве лекарства налагая заслуженное возмездие, каждому своей мерой и каждому в свое время. Это лечение души, называемое законом и справедливостью, есть величайшее искусство, как среди тысяч других свидетельствует и Пиндар, называя бога, который царит и правит надо всем на свете, "величайшим искусником", так как это он выковал меру справедливости, которая мерит, когда, как и насколько следует наказывать каждого из преступников.

И это искусство, говорит Платон[21], воспринял Минос, сын Зевса, от своего отца, ибо нельзя правильно исполнять закон,

не учившись и не имея знания. Ведь и законы, установленные людьми, не всегда обладают ясным смыслом, некоторые же из них представляются даже смешными. Так, в Лакедемоне эфоры сразу по вступлении в должность объявляют, чтобы никто не отращивал усы и повиновался законам, дабы ему не пришлось испытать их строгость[22]. Римляне при освобождении рабов ударяют их тонкой палочкой[23], а когда пишут завещания, одних назначают наследниками, а другим продают добро, что представляется странным[24]. Но еще неожиданнее закон Солона, лишавший прав того, кто во время смут ни к кому не примкнет и не примет участия в смуте[25]. И вообще нетрудно называть нелепыми многие законы, не зная ни замыслов законодателей, ни поводов к изданию каждого. А если человеческие установления представляются нам неясными, то не удивительно, что нелегко объяснить, почему боги наказывают проступки одних позже, а других раньше?

5. Этим я совсем не хочу уклониться от обсуждения, а хочу лишь просить о снисхождении: пусть вид спасительной пристани придает нам сил в убедительном разрешении трудностей.

Итак, признайте прежде всего, что по Платону бог, представляющий образцом всякого добра, сам влагает в людей добродетель, в некотором отношении уподобляющую божеству всех, кто за ним в состоянии следовать[26]. Ибо природа всего

мира не знает порядка, и чтобы этот мир преобразился в нечто упорядоченное, начинать он должен с уподобления и причастия божественной идее и добродетели. И тот же Платон говорит, что природа нам дала зрение, дабы, созерцая восхищенно движение небесных тел, наша душа привыкла привечать и любить прекрасное и упорядоченное, ненавидеть несогласное и блуждающее, избегать случайного и произвольного, ибо это причина всякого порока и заблуждения. Превыше всего, что имеет человек от бога,— это возможность подражать и следовать божественному добру и благу, укрепляясь этим в добродетели.

Из того, что казнь настигает злодеев медлительно и неспешно, не следует, будто божество боится в спешке ошибиться и потом раскаяться. Божество хочет своим примером избавить нас от жестокости и упорства в нашей жажде наказания: оно учит нас не гневу, от которого возгорается и трепещет

Страсть, возлетевши высоко над разумом[27],

когда мы, точно терзаемые голодом и жаждой, кидаемся на тех, кто нас обидел,— оно учит нас, приступая к наказанию, подражать божественной мягкости и неспешности, порядку и заботливости, памятуя, что предоставленного преступнику времени может быть недостаточно для раскаяния. Ибо, как говорил Сократ[28], лучше по невоздержности броситься пить не отстоявшуюся воду, чем, не успокоив и не прояснив бушующий гневом и страстью разум, броситься в жажде мести на своего ближнего и единоплеменника. Нет, не вплотную соот-

ветствовать преступлению, как сказал Фукидид, а как можно более от него отличаться должно наказание. Как гнев, по словам Мелантия[29],

Отринув разум, причиняет беды,

так, напротив того, разум действует справедливо и умеренно, отрешась от страсти и гнева. Даже человеческое поведение представляет примеры, смягчающие душу[30], когда слышишь, как Платон, занеся палку над рабом, долго держал ее навесу, чтобы обуздать свой гнев[31] (как он сам сказал), или как Архит[32], узнав, что рабы его в поле вели себя беспутно и праздно, почувствовал гнев, но ничего не сделал, а только сказал, уходя: "Ваше счастье, что я на вас разгневался". Если такие памятные слова и дела людей могут умалить силу гнева, то тем более мы, взирая на божество, которое, не тревожась ни страхом, ни раскаянием, тоже отлагает и отсрочивает наказания на будущее, должны сами становиться внимательнее и осторожнее, понимая, что мягкость и терпимость суть части той божественной добродетели, которую божество внушает нам, убеждая, что наказание исправляет немногих, а промедление наставляет на ум многих и многих.

6. Далее, обдумаем вот что. Человеческая справедливость состоит лишь в том, что преступникам воздается злом за зло: кто дурно поступил, с тем дурно обращаются, и не более того, —

вот почему человеческая законность, как лающая собака, бросается за преступником сразу по пятам. А божеству подобает сначала установить, какими страстями больна попавшая под наказание душа и не поддается ли она еще раскаянию, и если зло в ней не представится полным и неизлечимым, то ей дается время для исправления. Ведь божеству известно, какую долю добродетели исходящие от него души восприняли при своем рождении, известно, как сильно и неискоренимо врождена она в них, и известно, что если вопреки их природе в них и расцветает порок, то это лишь из-за дурного воспитания и недостойного общения[33], так что иных еще можно хорошим попечением возвратить в надлежащее состояние и не все заслуживают одинакового наказания. Только неисправимым оно тотчас пресекает жизнь, как пагубным для других и особенно для самих себя из-за вечной их порочности; а тем, кто грешит более из незнания добра, чем из стремления к злу, божество предоставляет время прийти в себя, и только если они упорствуют, то наказывает также и их: ведь ему нечего бояться, что они от него ускользнут.

В самом деле, посмотри, как переменчивы у людей нравы и образ жизни: поэтому-то характер называется "поведение" от его изменчивости и "нрав", так как образует его главным образом привычка[34]; чем дольше она, тем он прочнее. Я думаю, древние называли Кекропа "двуобразным" не потому (как говорят некоторые), что из хорошего царя он обратился в тирана дикого, как змей, а напротив, потому, что вначале он был сумасбродным и жестоким, а потом управлял справедливо и человечно[35].

Здесь это еще сомнительно, но о сицилийских Гелоне и Гиероне, и о Писистрате, сыне Гиппократа[36], мы знаем точно, что пришли они к тиранической власти недостойными средствами, но потом правили добродетельно и по законам, так что сделались умеренными и полезными для народа властителями, блюдущими благозаконие, заботливыми о земле и сумевшими даже самих граждан из болтунов и насмешников сделать разумными и трудолюбивыми. Так, Гелон после успешной войны, победив карфагенян в большом сражении, заключил с ними мир не иначе, как при условии, что они прекратят приносить детей в жертву Кроносу[37]. В Мегалополе тираном был Лидиад[38], но изменив своим тираническим наклонностям и ненавистным беззакониям, он восстановил гражданам законы и, сражаясь с врагами за родину, принял славную смерть. Если кто-то убил Мильтиада Херсонесского, или преследовал Кимона за сожительство с сестрой[39], или изгнал Фемистокла, необузданно пировавшего и свирепствовавшего на агоре, из города (как позднее обвиненного Алкивиада), то не потеряны для нас ни Марафон, ни Эвримедонт, ни славный Артемисий,

Где сыновья афинян блестящую
Заложили основу свободы[40].

Выдающиеся характеры не проявляются в малом: сила и решительность их так резки, что не могут оставаться праздными и носятся по волнам, покуда нрав их не приобретает постоянства. Так, неопытный в земледелии человек не может оце-

нить местность, видя ее густо заросшей лесом и дикой растительностью, с потоками и топями, с дикими зверями, между тем как опытный увидит в этом признаки богатства, силы и плодородия почвы — точно так же и выдающиеся натуры первоначально обнаруживают много дурного и нелепого, и мы, гнушаясь этой грубостью и колкостью, тотчас хотели бы их пресечь и уничтожить, но лучший знаток сразу угадает здесь полезное и благородное начало, будет ждать возраста, благоприятного разуму и добродетели, и тогда природа принесет свой достойный плод.

7. Но довольно об этом. У египтян есть закон, который даже (как вы справедливо считаете) был заимствован некоторыми из греков: "Беременную женщину казнить не раньше, чем она разрешится от бремени"».

«Действительно, — сказали все.— И это совершенно справедливо».

«Так вот,— продолжил я,— если не дитя должно родиться, но открыться какое-то дело или умысел, или выясниться неведомая опасность, или высказаться спасительный совет или, может быть совершено какое-нибудь полезное открытие, то не лучше ли было бы отсрочить, чем упустить пользу? По-моему, лучше».

«И по-нашему»,— сказал Патрокл.

«Правильно,— сказал я. — Подумайте, если бы Дионисий[41] понес кару в начале своей тирании, то Сицилия была бы опустошена карфагенянами и в ней не осталось бы ни одного грека; и в Аполлонии, в Анактории, на Левкаде не было бы греков, если бы не остался надолго без кары Периандр[42]. Я убежден, что и Кассандр не сразу понес кару потому только, что должен был снова заселить Фивы[43]. Ограбившие вот этот самый храм[44] чужеземцы большею частью переправились с Тимолеонтом в Сицилию, победили там карфагенян, ниспровергли тирании и лишь потом погибли злою смертью. Ибо нередко божество использует злодеев, чтобы покарать других злодеев, а потом уничтожает их палачей — как поступает, по-моему, с большинством тиранов. Так же как желчь гиены и сычуг тюленя, животных вообще нечистых, бывают полезны против болезней,— так точно, когда некоторых людей, нуждающихся в муке и наказании, божество подвергает жестокости какого-нибудь неумолимого тирана или строгости грозного правителя и не прежде прекратит истязания и мучения, чем наступит исцеление и очищение. Таким лекарством был для акрагантян Фаларис[45], для римлян — Марий. Сикиону божество в ясных словах объявило, что жителям его надобен бичеватель за то, что они отняли у клеонейцев юного Телетия, пифийского победителя, как своего согражданина, а потом его растерзали[46]. И точно, сделавшийся тираном в Сикионе Орфагор, а после него Мирон и Клисфен с пособниками прекратили бесчинства сикионян[47]. Клеоны же, лишенные этого средства, обратились в ничто. Разве не сказал где-то Гомер:

Сей-то ничтожный отец породил знаменитого сына,
Доблестей полного...[48]

А ведь этот сын Копрея[49] не совершил никакого замечательного или памятного деяния. Но потомки и Сизифа, и Автолика, и Флегия[50] были знамениты славой и доблестью среди великих царей. Даже и Перикл родился в семье, ненавистной афинянам[51], а Помпей Великий в Риме был сыном Страбона[52], труп которого римский народ с ненавистью топтал ногами. Что же странного в том, что земледелец корчует колючее растение не раньше, чем получит от него свежий росток[53], а ливийцы сжигают хворост не раньше, чем соберут с него ладан[54]. Так и божество уничтожает гнилой и порченый корень благородного царственного рода не раньше, чем из него произрастет надлежащий плод. Не лучше ли было для фокейцев, что у Ифита[55] пропало несколько тысяч быков и коней, а из Дельф исчезло еще больше золота и серебра, чем если бы не родились на свет ни Одиссей, ни Асклепий[56], ни другие прекрасные и полезные люди, происходившие от негодяев и злодеев?

8. Да и не лучше ли, когда наказание исполняется в должное время и должным образом, а не внезапно и немедленно? Так, Каллипп[57], прикинувшийся другом Диона и убивший его кинжалом, погиб от своих друзей, убитый тем же самым

кинжалом[58]. Так, после того как во время мятежа был убит Митий-аргосец[59], бронзовая статуя, воздвигнутая ему на агоре, обрушилась на его убийцу, подошедшего посмотреть на нее, и раздавила его. А знаешь, Патрокл, что случилось с Бессом-пеонийцем и Аристоном-этейцем[60], командиром наемников?»

«Клянусь Зевсом, не знаю, но хотел бы знать»,— ответил Патрокл.

«Аристон,— сказал я,— с разрешения тиранов унес сокровище Эрифилы[61], здесь хранившееся, в подарок своей жене. Но собственный его сын, рассердившись за что-то на мать, подпалил дом и сжег всех, кто в нем был. А о Бессе говорят, что он убил своего отца и долго это скрывал; но однажды, когда он шел в гости обедать, то сбил копьем гнездо ласточки и убил птенцов. "Зачем ты так нехорошо сделал?",— спросили его люди. "Потому, что они давно кричат на меня, будто я убил отца, а это неправда"[62]. Присутствовавшие удивились и донесли его слова царю, и когда дело было выяснено, Бесс был казнен».

9. «Но все это я говорю,— добавил я,— в предположении, что наказание злодеев действительно происходит с промедлением. Но не прислушаться ли нам и к Гесиоду, который, в отличие от Платона[63], не считает, что страдание следует за преступлением, а считает, что они являются одновременно и от общего корня. Так, он говорит:

Злоба вреднее тому, кто ее и задумал

и

Зло, что другому готовишь, твое же нутро и поранит[64].

В кантариде[65], говорят, содержится воедино и яд, и противоядие к нему; так и злоба, одновременно с собой порождая муку и терзание, несет в себе казнь, и не вслед за преступлением, а одновременно с ним. Когда преступников ведут на казнь, каждый из них несет свой крест[66], — так и злодейство всякий раз само себе готовит орудие наказания: оно само — палач своей жалкой жизни, вооруженный стыдом, заботами, несчетными тревогами, дикими страстями и непрекращаемыми волнениями.

Некоторые люди похожи на малых детей, которые смотрят в театрах на злодеев в шитых золотом хитонах и пурпурных хламидах, увенчанных и пляшущих, восторгаются и завидуют их счастью, а потом вдруг видят, как их поражают копьями, хлещут бичами и одежды их, узорные и ценные, пышут пламенем[67]. И впрямь, большинство злодеев в их роскошных жилищах, среди блеска могущества и славы испытывают тайные муки, прежде чем оказываются зарезанными или сброшенными со скалы, и когда это происходит, то хочется сказать, что это не казнь, а лишь завершение казни.

О Геродике Селимбрийце[68] сообщает Платон, что когда он неизлечимо заболел легкими, то изобрел лечебную гимнастику и этим отсрочил смерть себе и другим таким больным. Вот так и преступники, которым кажется, будто бы они избежа-

ли возмездия, в действительности принимают его, и не долгое время спустя, а в течение всего этого долгого времени: они не в старости наказаны, но состарились под наказанием. Да и время это — долгое лишь для нас; для богов же вся продолжительность человеческой жизни — ничто, и если преступник убит или повешен только теперь, а не на тридцать лет раньше, то это все равно, как если бы это произошло не утром, а вечером. Ибо будучи заперт в жизни, как в тюрьме, откуда не выйдешь и не скроешься, он мог сколько угодно и пировать, и заниматься делами, и шутить, и дарить, и получать подарки — это все подобно играм узников в кости или в шашки под свисающей над их головами веревкой.

10. И разве нельзя утверждать, что приговоренные к смерти и находящиеся в тюрьме уже несут наказание, еще и прежде, чем им перерубят шею? Так, человек, который выпил цикуту, еще прохаживается некоторое время в ожидании чувства тяжести в ногах, а потом лишается чувств от оцепенения и смертного холода. Должны ли мы, почитая возмездием лишь исход возмездия, пренебречь страданиями, страхами, ожиданиями, раскаянием, которые охватывают каждого преступника? Это все равно, что не считать рыбу на крючке пойманной, пока мы не увидим, что повар ее разрубил и изжарил. Ибо каждый преступник подпадает под казнь, как

только он проглотил, как приманку, сладость преступления, а в глубине души его терзает и мучает совесть,

> Как море взбивает тунец порывистый[69].

Резвость и дерзость злодейства сохраняют свою силу лишь до окончания злодеяния, после чего страсть, как ветер, слабеет и сникает перед страхом и богобоязнью. И, конечно, Стесихор соответственно правде и действительности изобразил сон Клитемнестры, так его рассказавшей:

> Змей привиделся мне с головой человечьей,
> В ней же черты Плисфенида-царя[70] проявились.

Ибо сонные видения, дневные призраки, оракулы, небесные знаки и все, что объявляется будто бы по воле богов, нагоняет на соответственно настроенных людей страхи и беспокойства. Рассказывают, будто Аполлодору[71] приснилось, что скифы содрали с него кожу, а потом сварили, сердце же его из котла сказало вполголоса: "А причиною этому я". В другой раз почудилось ему, что его дочери бегают вокруг него, объятые пламенем. А Гиппарху, сыну Писистрата, привиделось незадолго до смерти, что Афродита плеснула ему в лицо кровью из чаши[72]. Друзьям Птолемея Керавна привиделось, что Селевк потребовал его к суду, на котором судьями были волки и коршуны, раздававшие куски мяса его врагам[73]. Павсаний в Византии призвал к себе Клеонику, свободную девушку, чтобы овладеть ею ночью, когда же она пришла, он в порыве подозрения и страха убил ее. С тех пор он часто видел ее во сне, говорящей:

Враз наказанье прими за насилье ужасное людям.

Так как видение это все не прекращалось, поплыл он в Гераклею, в психопомпейон[74]. Молитвами и возлияниями вызвал он душу девушки. Представ его глазам, она предсказала ему, что мучения его окончатся, когда он прибудет в Лакедемон. А прибыв туда, он тотчас же погиб[75].

11. Если действительно душе по окончании жизни нечего больше ждать, то смерть была бы концом всякой награде и всякому наказанию и можно было бы еще увереннее сказать, что со злодеями, которых быстро настигло наказание и смерть, божество поступило и мягко, и милостиво. Но если даже на протяжении их жизни злодеи не испытали ничего плохого, то уже печальное и болезненное ощущение того, что несправедливость бесплодна, неблагодарна и не стоит затраченных усилий, достаточно для того, чтобы растравить душу. Говорят, Лисимах, вынужденный жаждой, сдался гетам со всем своим войском, и когда он, глотнув воды, увидел себя в плену, то сказал: "Позор моему ничтожеству: ради столь краткого удовольствия потерял я столь огромное царство"[76]. Но здесь хотя бы было очень трудно сопротивляться природной потребности; когда же человек совершает гнусное беззаконие из жадности к имуществу, из зависти к политической славе и могуществу или из жажды плотских удовольствий, а потом

жажда и напряжение страсти ослабевает, то он видит, что ему вместо пользы и выгоды остаются лишь стыд и страх перед содеянным. Не естественно ли, что ему часто приходит на ум, будто он ради пустой славы или низкой и бесплодной страсти преступил прекраснейшие и величайшие человеческие законы, наполнив свою жизнь смятением и позором? Как Симонид говорил шутя, что он находит свой денежный ларец всегда полным, а ларец для благодарностей — пустым[77], так же точно и злодеи, задумываясь над своим преступлением, убеждаются в том, что оно, после кратковременного и пустого удовлетворения, приносит лишь безнадежность, страх, волнения, горькие воспоминания, опасение за будущее и недоверие к настоящему. Как в театрах слышим мы Ино, произносящую покаянные слова о содеянном:

Как, жены милые, войти мне снова
В дом Афаманта, как вернуть назад
Мной совершенное?[78] —

так, должно быть, и душа каждого преступника рассуждает про себя и ищет, как ей уйти от воспоминаний о прежних злодеяниях, отбросить угрызения совести и, очистившись, начать жизнь заново. Ибо во всех колебаниях его нет ни уверенности, ни твердости, ни спокойной рассудительности, иначе, наверно, пришлось бы почесть преступников за мудрецов. Нет, где прочно поселились алчность, властолюбие, безмерная зависть, ненависть и злонравие, там при первом же взгляде обнаруживаются скрытое суеверие, слабость перед трудом, страх перед смертью, изменчивость в желаниях, тщеславие и заносчивость. Они боятся не только хулителей,

но и хвалителей, полагая, что те, почитая себя жертвами обмана, будут ненавидеть в них порок тем больше, чем охотнее они могли восхвалять мнимую добродетель. Закоренелые в зле подобны негодному железу, изъеденному ржавчиной и оттого ломкому. Вот почему, за долгое время лучше познав самих себя, они, измученные и себе ненавистные, презирают собственную жизнь.

Если дурной человек возвращает долг, дает поручительство за друга, приносит из честолюбия и тщеславия жертву отечеству, то даже тут он вскоре чувствует сожаление и упрек,— так переменчиво блуждает его мысль. Рукоплескания зрителей в похвалу его действий вызывают у него лишь стенания, когда тщеславие в нем уступает место сребролюбию. Тем более те, кто ради тирании или заговора губили людей, как Аполлодор, или обездоливали друзей, как Главк, сын Эникида[79], должны жалеть о сделанном, презирать себя, раскаиваться в случившемся. Я бы сказал, что для наказания нечестивцев не нужны ни боги, ни люди,— для этого достаточно их собственной жизни, оскверненной и исковерканной злодеяниями.

12. Но не слишком ли я уже затягиваю это рассуждение?»

«Может быть и так,— сказал Тимон,— судя по тому, что еще надо обсудить. Ибо теперь, когда ты с таким успехом справился с первыми нашими сомнениями, выставлю

я последние, прибереженные под конец. Еврипид открыто обвинял богов за то, что они

> Грехи отцов отмщают на потомках,

и к этому обвинению, следует тебе это знать, втихомолку присоединяемся и мы[80]. Действительно ведь, или виновники сами уже расплатились за содеянное, или же,— и тогда не за что наказывать еще и невинных, так как даже виновных несправедливо дважды карать за одну вину,— или же боги, упустив наказать действительных преступников, запоздало наказывают невиновных, и тогда нехорошо оправдывать несправедливость медлительностью.

Так, говорят, сюда пришел когда-то Эзоп с золотом, полученным от Креза, чтобы посвятить его торжественно богу и раздать дельфийцам по четыре мины. Но с жителями он поссорился, рассердился и решил, что они недостойны такого богатого подарка, и по окончании жертвоприношения отправил остальные деньги обратно в Сарды. Тогда дельфийцы обвинили его в ограблении храма и убили, сбросив с Гиампейской скалы[81]. За это, говорят, божество разгневалось на них, наслав бесплодие на их землю и всяческие страшные болезни на жителей, так что они стали объявлять на всеэллинских праздниках, что готовы поплатиться перед всяким, кто взыщет с них за смерть Эзопа. И вот в третьем поколении явился самосец Идмон[82], даже не родственник Эзопа, а потомок его самосских хозяев; дельфийцы с ним расплатились и тем освободились от скверны. Тогда то, говорят, место казни храмовых грабителей и было перенесено из Гиампеи в Авлию[83].

Далее, даже глубочайшие поклонники царя Александра (к которым принадлежим и мы) не могут похвалить его за уничтожение города Бранхидов и избиение всех его жителей без различия возраста только за то, что их прадеды предали храм близ Милета[84]. Агафокл — тиран сиракузян — на вопрос керкирян, за что опустошил он их остров, ответил с насмешкой: "За то, что ваши предки предоставили убежище Одиссею"[85]. Антакрийцам, обратившимся с подобной же жалобой на то, что солдаты забрали у них овец, он сказал: "Когда ваш царь пришел к нам, он не только забрал овец, но и ослепил пастуха"[86]. Но разве Аполлон не поступил еще хуже, когда погубил всех в нынешнем Фенее, закупорив проток и затопив все их земли за то, что будто бы за тысячи лет перед тем Геракл забрал у него пророческий треножник и перенес его в Феней[87], или когда он объявил сибаритам, что для спасения от бед они должны трижды уничтожить свой город в угоду левкадской Гере[88]. И совсем еще недавно локрийцы посылали своих девушек в Трою, чтобы они

С ногами босыми и телом неприкрытым, как рабыни,
Утрами ранними сметали пыль у алтаря Афины,
Простоволосые, до старости их тяжкой...—

а причиною тому была давняя дерзость Аянта[89]. Что же в этом разумного и справедливого? Не заслуживают похвалы и фракийцы за то, что они до сей поры татуируют, в отместку за Орфея, своих жен[90], равно как и эриданские варвары[91], которые до наших дней носят траур по Фаэтонту[92]. Было бы

еще смешнее, пожалуй, если бы люди, при которых погиб Фаэтонт, пренебрегли этим, а те, кто явился пятью или десятью поколениями позже, стали вдруг надевать по нем траур и печалиться. Впрочем, это была бы только глупость, не причиняющая ничего страшного или вредного. Но какова же причина того, что гнев богов, подобно некоторым рекам, бывает сначала скрыт, а впоследствии разражается на других и не прекращается, пока беда не дойдет до крайности?»

13. Как только он[93] остановился, я тотчас обратился к нему с вопросом, из страха, что он снова начнет перечислять еще более значительные и многочисленные несуразности:

«Пусть так,— сказал я,— и ты это все считаешь правдой?»

«Если даже и не все,— ответил он,— а только часть из этого правда, не назовешь же ты бессмыслицу смыслом?»

«Разумеется,— сказал я,— при сильной лихорадке жар остается тем же, одет ли ты одним гиматием или многими; однако для облегчения лишнее все же лучше снять. Но если не хочешь, не настаиваю, хотя большая часть из этого похожа на сказки и выдумки. Впрочем, вспомни-ка недавно отпразднованные Феоксении[94] и то, как глашатай призывал потомков Пиндара принять подобающую им долю приношений. Не показалось ли тебе это установление прекрасным и приятным?»

«Ах,— ответил Тимон,— кого же не тронет подобное выражение почтения, выказанное по простодушному древнеэллинскому обычаю? Разве что какое-нибудь "черное сердце, выкованное на холодном огне", по словам самого Пиндара».

«Тогда не буду напоминать, что и в Спарте подобным же образом выкликают "потомков Лесбийского певца"[95] из почтения к памяти Тернандра, ибо это то же самое,— сказал я. — Но согласитесь, что и среди беотийцев имеют право на предпочтение потомки Офельта[96], и среди фокидян — потомки Даифанта[97]; и вы не станете спорить со мной, когда я поддерживаю ликормейцев и сатилейцев[98] в их притязаниях на наследственные почести Гераклидов и на право ношения венцов и заявляю, что награды и почести потомкам Геракла должны сохраняться предпочтительно перед всеми прочими, ибо сам Геракл за все свои благодеяния эллинам так никогда и не получал заслуженной благодарности и награды».

«Превосходный философский спор! — сказал Тимон.— И ты вовремя нам напомнил о нашем блестящем и вполне достойном собеседовании».

«В таком случае, милый,— ответил я,— умерь резкость твоего обвинения и не будь огорчен тем, что наказываются потомки злодеев и негодяев, или же перестань одобрять почести потомкам людей заслуженных. Ибо, если вознаграждение добродетели мы продолжаем и в последующих поколениях, то разумно полагать, что и наказание за преступление не должно тотчас забываться и прекращаться, а должно идти в ногу

с воздаянием за заслуги. Кто радуется, что потомки Кимона почтены в Афинах, но огорчается и негодует, что потомство Лахара или Аристиона[99] оттуда изгнано, тот малодушен и непоследователен: он способен лишь бранить божество и вызывать против него недовольство. Он ропщет, если дети детей злого и бесчестного человека благоденствуют, и так же ропщет, если потомство негодяя изгнано и уничтожено; и когда потомство добродетельного или бесчестного отца бедствует, он тоже и в том и в этом винит божество.

14. Вот тебе отпор[100] против чересчур резких хулителей.

Возьмемся же снова за нить, ведущую нас через многие темные повороты лабиринта рассуждений о божестве к тому, что представляется разумным и вероятным. Ибо к полной ясности и истине трудно прийти даже в наших собственных делах. Почему, например, детям умерших от чахотки или водянки приказываем мы сидеть, опустив ноги в воду, покуда труп не будет сожжен? Наверное, для того, чтобы болезнь не перешла и не передалась им самим. Или еще — отчего, если одна коза схватит в рот чертополох[101], останавливается все стадо, покуда не подойдет пастух и его не вытащит? Много есть сил, которые имеют связи и способность передаваться удивительно быстро и далеко из тела в тело. Но дальности расстояния мы не поражаемся, а дальности времени

поражаемся. А ведь гораздо удивительней, что чума из дальней Эфиопии достигла Афин и что умер Перикл и заболел Фукидид, нежели то, что возмездие за проступки дельфийцев и сибаритов распространилось и на их детей. Эти силы природы имеют взаимовлияния и связи, действующие от дальних предметов на ближние; и хотя причина их нам не известна, они делают свое дело втайне.

15. И даже наказания богами целых городов могут быть легко оправданы. Ведь город представляет собой единое и взаимосвязанное целое, как живое существо, не меняющееся с возрастом, ни во что другое не превращающееся с течением времени: внутренние связи и свойства его остаются одними и теми же, а поэтому и добрые и дурные последствия того, что он сообща делает или делал, должен он принимать на себя, покуда сохраняется общность, поддерживающая внутренними связями его единство. Считать, что один город в разное время — это уже многие и даже бесконечно многие города, это все равно, что говорить, будто один человек обращается в нескольких, потому что он теперь старик, а прежде был юношей, а еще того раньше мальчишкой. Это похоже разве что на рассуждения Эпихарма[102], из которых софисты вывели довод о возрастном изменении: если кто взял прежде в долг, то отдавать не обязан, ибо стал уже другим; кто вчера был

зван к обеду, сегодня придет незваным, ибо стал уже другим человеком. А ведь человек с годами меняется больше, чем город в целом. Кто видел однажды Афины, тот узнает их и через тридцать лет: нравы, сутолока, забавы, занятия, милость и немилость народа — те же самые, что и в прежние времена. Человека же после долгого отсутствия самый близкий друг узнает с трудом даже с виду; а характер и подавно может так легко меняться от новых мыслей, забот, страстей и обычаев, что даже будучи все время рядом, случается удивляться всяким странностям и неожиданностям, возникающим в близких. И все же, несмотря на это, человек считается одним и тем же от рождения до смерти: поэтому и город, оставаясь самим собой, должен как нести ответственность за бесчестье предков, так и разделять их славу и могущество. А иначе мы невольно все упустим в ту Гераклитову реку, в которую, по словам философа, нельзя погрузиться дважды, ибо все движется и становится другим, изменяя свою природу.

16. Если же город есть нечто единое и непрерывное, то таков же и семейный род: он исходит из единого истока, проникнут некою силою и общностью, и порожденное в нем не обособляется от породившего, как изделие от рук изготовителя. Оно не им создано, а из него произошло, поэтому несет в себе и содержит частицу породившего, а стало быть,

по справедливости разделяет и его наказание, и его вознаграждение. Я не шутя готов сказать, что несправедливее было переплавить статую Кассандра[103], как это сделали афиняне, или выкинуть останки Дионисия за пределы государства, как это сделали сиракузцы[104], чем покарать их потомков. Ведь в статуе Кассандра не было ничего от его природы и душа Дионисия покинула его труп; и напротив, Нисей и Аполлократ, Антипатр и Филипп[105], как и другие наследники злодеев, от рождения имели в себе от них нечто главное и притом не праздное и бездеятельное, а именно то, что позволяет им жить, питаться, мыслить и располагать собой. Следовательно, не жестоко и не нелепо, если они, будучи частью предков, разделят и участь предков. Если же говорить шире, то как в медицине, так и тут: что полезно, то и справедливо.

Смешно было бы утверждать, что несправедливо при болях в пояснице прижигать большие пальцы рук, при воспалении печени делать надрезы в области желудка и когда у быков размягчаются копыта, смазывать им маслом концы рогов. Так же неразумен и тот, кто от справедливого наказания хочет не действенности против порока, а чего-то еще, и возмущается, когда для излечения одних членов производятся действия над другими, как, например, для излечения глазной болезни — кровопускания. Это означает не видеть далее того, что воспринимают чувства. Он не думает о том, что когда учитель наказывает одного из мальчиков розгами, то этим он дает урок и остальным, а полководец, наказав смертью из десяти одного, понуждает всех остальных к исполнению

долга[106]. Таким же образом некоторые изменения, ухудшения, улучшения передаются не только от одной части тела к другой, но и от души к душе и даже еще легче, чем от тела к телу — потому что в теле всякое состояние и изменение должно быть постоянным, тогда как душа, движимая воображением, становится лучше или хуже от одного лишь одобрения или страха».

17. Я еще не кончил говорить, как меня перебил Олимпих: «Кажется,— сказал он,— ты строишь свое рассуждение на очень важной предпосылке — на том, что душа переживает тело?»[107]

«Но вы же сами,— сказал я,— принимаете это или, вернее, приняли с самого начала, так как наша беседа исходила из того, что бог воздает каждому по заслугам».

«Как,— сказал он,— из того, что боги наблюдают за нашими делами и воздают каждому по его делам, ты выводишь, будто души или вовсе бессмертны, или существуют долгое время после смерти?»

«О, вовсе нет, милый,— ответил я,— но, право, бог, заботящийся о нас, занимался бы пустяками и мелочами, если бы в нас не было ничего божественного, ничего долговременного и прочного, подобно ему самому, а были бы мы, по Гомерову слову, подобны листьям, увядающим и быстро опадающим[108]. Будь это так, он не подражал бы женщинам,

которые возятся с "садами Адониса" в глиняных горшках[109], и не помещал бы в слабую плоть, в которой жизнь не может пустить глубоких корней, столь же преходящие души, готовые угаснуть при малейшей случайности. Если хочешь, не будем говорить о других богах, а только о здешнем, нашем Аполлоне. Как, по-твоему, если бы он знал, что души умерших, как только они покидают тело, исчезают, подобно туману или дыму, то назначал ли бы он столько умилостивительных церемоний для покойников, требовал ли бы столько больших приношений и почестей умершим, обманывая и мороча верующих?

Нет, я не перестану верить в посмертное существование души, покуда кто-либо, как Геракл, унесший треножник пифии, не разрушит и не уничтожит этот оракул. Но покуда еще и в наши дни изрекает он многие вещания, подобные тому, какое, говорят, получил Коракс из Наксоса, было бы нечестиво считать душу смертной».

Тогда Патрокл спросил: «А что это за оракул и кто этот Коракс? Я не знаю ни имени этого, ни случая».

«Не может быть,— сказал я. — Просто я виноват, что вместо имени употребил прозвище. Тот, кто в сражении убил Архилоха[110], звался, как кажется, Канон, прозвище же его было Коракс. Сначала он был изгнан пифией из храма, как убийца человека, посвященного Музам. Но потом, сопроводив свое обращение молитвами, умилостивлениями и оправданиями, он добился от оракула указания отправиться к жилищу Теттикса и умилостивить там душу Архилоха; имелся ввиду Тенар[111], где критянин Теттикс, прибывший с флотом, основал город около психопомпейона[112]. Подобным образом

и спартиаты, получив приказание оракула умилостивить душу Павсания, пригласили из Италии психагогов[113], которые жертвами удалили из святилища его тень.

18. Один и тот же смысл заложен в существовании божеского Провидения и бессмертия души; и кто не признает одного, уничтожает и другое. Но если душа продолжает существовать после смерти, то совершенно справедливо, что ей причитаются награды или наказания: ибо во время жизни она борется как атлет, а по окончании борьбы ей воздается заслуженное. Но все награды и расплаты, получаемые ею там для себя за пережитое, не имеют отношения к нам, живущим, ибо мы в них не верим и они от нас скрыты, те же, какие налагаются на детей и на весь род, очевидны для всех живых и могут многих удержать и отпугнуть от злодеяний.

Действительно, никакое наказание не может быть более постыдно и болезненно, чем зрелище того, как наши потомки страдают из-за нас. Какое страдание должна испытывать душа безбожного и беззаконного человека посмертно при виде того, что не только сброшены его статуи и отменены прежние почести, но что его дети, друзья, родные и близкие обречены на великие несчастья из-за его проступков и испытывают наказание, заслуженное им. Никто уже не пожелает снова ни даже ради почестей, достойных Зевса, стать раз-

нузданным и беззаконным. Я мог бы рассказать вам к этому одну историю, услышанную недавно, но меня смущает сомнение — не покажется ли она сказкой? Я бы предпочел ограничиться тем, что похоже на правду».

«Нет уж,— сказал Олимпих,— расскажи нам и то и другое».

Остальные присоединились к этой просьбе.

«Тогда,— сказал я,— позвольте мне сказать сначала то, что похоже на правду, а потом, коли угодно, обратимся к сказке, если только это сказка.

19. Так вот, Бион[114] считает бога, наказывающего детей злодея, еще более смешным, чем врача, который лечит деда или отца, давая лекарства внуку или сыну. Но эти два случая в чем-то разнятся, а в чем-то все-таки схожи и сопоставимы. Болезнь одного не излечивается посредством лечения другого. Не легче тому, у кого болят глаза или кого лихорадит, оттого, что он видел, как другому прикладывали мазь или припарку. Но вспомним: наказания преступников производятся при всех потому, что в этом и состоит смысл законности: наказывая одних, удерживать от преступления других. Вот это сходство сравнения с нашим предметом и ускользнуло от Биона. Ведь бывает, что человек, заболевший болезнью опасной, но и излечимой, по невоздержанности и мало-

душию отдает свое тело болезни и от нее погибает. Сыну этого человека, еще не больному, но предрасположенному к этой самой болезни, опытный врач, родственник, учитель гимнастики или добрый хозяин, распознав дело, назначит строгую диету, запретит ему мясную пищу, печения, попойки, женщин, укрепит его тело гимнастическими упражнениями, и малые семена большой болезни извлекут и удалят, не позволив им разрастись.

Не дадим ли мы именно таким сыновьям больных родителей совет и наставление о том, что они должны внимательно следить за своим здоровьем, ибо заложенное в них начало болезни чем раньше, тем проще удалить, заблаговременно предупредив ее обострение?»

«Это совершенно правильно»,— сказали все.

«Стало быть,— продолжал я,— мы делаем дело не нелепое, а необходимое, не смешное, а полезное, когда предписываем детям эпилептиков, меланхоликов и подагриков телесные упражнения, диету и лекарства — не потому, что они больны, а для того, чтобы они не болели. Тело, рожденное от больного тела, подлежит не наказанию, а лечению и наблюдению; если же кто-либо по слабости и робости сочтет наказанием запрет наслаждений, тяготы и труд, то это его дело. Но если тело, рожденное от больного тела, следует оберегать и окружать заботой, то можно ли позволить юному нраву свободно развивать врожденные пороки, сходные с родительскими, и равнодушно ждать, покуда сходство это не перельется через край всеми страстями или, как говорит Пиндар, не "явит зримые плоды недоброй души?"[115]

20. Бог здесь даже не говорит ничего нового по сравнению с мудрым Гесиодом, который убеждает:

Так же не с похорон грустно-зловещих вернувшись,
Производи ты потомство,— а с пированья
бессмертных[116].

Этим он дает понять, что не только порок и добродетель, но также печаль и радость и прочие чувства передаются по наследству, и поэтому предлагает приступать к произведению потомства в веселом и радостном настроении. Это, конечно, исходит не от Гесиода и не от человеческой мудрости, но от бога, который распознает и различает сходства и различия страстей в людях, прежде чем они раскроются в бесчестных поступках и станут явными.

Медвежата, детеныши волков и обезьян сызмала выказывают свои врожденные свойства, ничем не прикрытые и не искаженные. Человеческая же природа, прячась за обычаями, верованиями и порядками, часто скрывает пороки и прикидывается доброй, так что иногда совершенно стирает с себя и удаляет родимое пятно порока, иногда же вводя в обман, хитро скрывает его долгое время от нас, и раскрывают его только удары и раны, наносимые злодеяниями, так что нам представляется, будто люди становятся преступными, лишь совершив преступление, буянами — начав буйствовать, а трусами — обратившись в бегство. Но не все ли это равно, что считать, будто у скорпиона появляется жало, лишь когда он жалит, а у гадюки яд — когда она уязвляет. Злодей стано-

вится злодеем не в тот миг, когда обнаружит злодейство. Он носит в себе порок с самого начала, но действует порочно лишь при случае и при наличии возможности — вор для воровства, а беззаконник для тирании. Но божество ведает, кто к чему предрасположен от природы, потому что знает гораздо лучше естество душ, чем тел. Оно не откладывает наказания, покуда насилие даст волю рукам, дерзость — языку, а похоть не проявится посредством неприличных поступков. Оно не мстит за испытанную несправедливость, не гневается на разбойника за грабеж, не ненавидит развратника за испытанные от него оскорбления. Но ради излечения оно часто наказывает склонность и к разврату, и к разбою, и к неправосудию, чтобы порок излечить, а злонравие искоренить как падучую болезнь прежде, чем оно возьмет верх.

21. Только что мы возмущались тем, как поздно и медленно воздается злодеям наказание, а теперь, когда бог заранее ставит преграду злодейскому душевному складу и предрасположенности иных людей, мы снова ропщем и не понимаем, что скрытое будущее часто гораздо хуже и страшнее явно совершившегося, ибо не можем додуматься до причин, почему божество иным почитает за лучшее попустить даже совершенные преступления, а иных пресечь даже в самых умыслах. Так и некоторые лекарства одним больным не помогают,

а другим, хотя и не больным, но находящимся в не меньшей опасности, хорошо помогают.

Вот почему неверно, будто боги решительно все "грехи отцов в вину вменяют детям"[117]: если от испорченного человека происходит добродетельный сын (подобно тому, как от больного — совершенно здоровый), то он избавляется от наследного наказания, как если бы он из преступной семьи был принят в семью добродетельную. Но если он сохраняет болезненное сходство с порочным родом, то должен, конечно, принять на себя и наказание, назначенное преступнику, как долю наследства. Так, Антигон[118] не был наказан из-за Деметрия, а еще того раньше Филей из-за Авгия или Нестор из-за Пелея[119]: от дурных родителей они родились хорошими сыновьями. А те, чья природа восприняла и усвоила унаследованное от отцов, преследуются справедливостью как носители такого же зла. Бывает ведь, что бородавки, родимые пятна, веснушки отцов оказываются не видны на детях, а потом на внуках и внучках проявляются вновь. Одна эллинская женщина, родившая черное дитя, была даже обвинена в прелюбодеянии, но затем установили, что она в четвертом поколении происходила от эфиопа; а один из сыновей недавно умершего Пифона Фисбийского, происходящего, как говорят, от спартов[120], родился с изображением копья на теле, словно этот родовой признак, канув, снова всплыл через долгое время. Вот так и в роду у первых поколений нравы и страсти души пребывают скрытыми и спрятанными, но потом у позднейших прирожденные свойства выступают наружу и проявляются в добродетели и в пороке».

22. Тут я замолчал, а Олимпих промолвил с улыбкой: «Мы подождем тебя хвалить, чтобы ты не подумал, будто мы считаем обсуждение исчерпанным и освобождаем тебя от той сказки. А вот, выслушав ее, мы тебе выскажем наше мнение». И тогда я рассказал им вот что.

Феспесий из Сол[121], родственник и друг Протогена, который был тут с нами, вел в своей юности очень распутную жизнь. Быстро промотав все свое достояние, он поневоле сделался на время мошенником и старался, жалея о прошлых днях, вернуть себе богатство. Он вел себя, как многие сластолюбцы, которые равнодушны к женам, покуда состоят с ними в браке, но, разойдясь и дав им выйти за других, тотчас стараются бесчестным образом их соблазнить. Не чуждаясь никакого срама, лишь бы от этого было наслаждение или выгода, он быстро приобрел и немалое состояние, и еще большую славу негодяя. Ничто так не способствовало этой дурной славе, как оракул, полученный им от Амфилоха[122].

Говорят, он послал спросить бога, будет ли ему дальше еще лучше жить, и на это последовал ответ, что лучше ему будет только после смерти. Это, можно сказать, вскоре с ним и произошло. Он упал с высоты, стукнулся затылком и хоть не получил ранения, но впал от ушиба в глубокий обморок и очнулся только на третий день, когда его уже хотели было хоронить. Придя в себя, он вскорости набрался сил, и в его поведении произошла перемена, казавшаяся невероятной.

Киликийцы говорят, что не знали человека порядочнее в делах, благочестивее к богам, грознее для врагов и надежнее

для друзей. Знавшие его желали узнать из его собственных уст причину этих перемен, не веря, что такое душевное преображение можно было приписать случаю. И это было верно, судя по тому, что он рассказывал Протогену и другим столь же близким друзьям.

23. Как только его дух отделился от тела, он сперва почувствовал то, что чувствует пловец, сорвавшись с корабля в пучину. Потом он словно вынырнул немного, и ему показалось, что дыхание его восстановилось; он огляделся, и душа его будто раскрылась, как сплошной глаз. Прежде всего увидел он множество звезд необыкновенной величины, которые были безмерно удалены одна от другой, и от них исходил замечательный блеск удивительного цвета и силы, так что его душа в этом сиянии, как корабль в спокойном море, могла плыть легко, плавно и быстро в любую сторону. Что он там увидел, он рассказывал мало, а сказал только, что поднимающиеся снизу души умиравших образовывали в воздухе, который перед ними расступался, огненные шары; и когда они лопались, то из них выходили фигурки человеческого вида, но совсем маленькие. Двигались они по-разному: одни устремлялись с чудесной легкостью и взлетали прямо вверх, а другие вращались как веретена, порываясь то вверх, то вниз, беспорядочно и путано, пока не замирали медленно и с трудом.

Большинство их было ему незнакомо, но двух или трех он признал и приблизился к ним, чтобы заговорить, но те его не слышали и были как бы не в себе: бесчувственные и бездумные, они избегали его взгляда и прикосновения. Сначала они носились вокруг поодиночке, потом встречались с другими такими же душами, хватались за них, бесцельно неслись неведомо куда, подымая бессмысленный крик, смешанный с жалобами и возгласами ужаса. А другие, плававшие высоко в чистом воздухе со спокойным видом, то и дело благожелательно приближались друг к другу, а от метущихся душ ускользали, сжимаясь, чтобы выразить недовольство, и расширялись, расплываясь от удовольствия.

24. Он заметил между ними, как сообщил он нам, душу одного своего родственника, хотя и не распознал ее отчетливо, потому что был еще ребенком, когда тот умер. Но та душа приблизилась к нему и сказала: «Здравствуй, Феспесий!» Удивленный, он ей ответил, что он не Феспесий, а Арридей. Она же сказала:

«Прежде ты был Арридей, но потом будешь Феспесий, потому что ты не умер[123]: по воле богов разумная часть твоего духа прибыла сюда, а другая осталась в теле, как якорь[124]. И вот тебе знак этого теперь и впредь: души умерших не имеют тени и не закрывают глаз».

Выслушав это, Феспесий смог лучше собраться с мыслями и заметил, оглядевшись, что за ним следовало ввысь смутное очертание тени, тогда как другие души были прозрачны кругом и светились насквозь. Светились они, однако, не все одинаково. Одни — как полная луна в ее самом ярком сиянии, испускали ровный блеск, нежный, непрерывный и постепенный; другие казались пересечены сверкающей чешуей и светлыми полосами, третьи были пестрые и странные, как гадюки с черными пятнами, а в некоторых зияли заметные щели.

25. Этот родственник Феспесия (мы будем называть души их человеческими именами) подробно объяснил ему некоторые вещи. «Адрастея[125],— сказал он ему,— дочь Ананки и Зевса, поставлена здесь в высоте над всеми мстительницей за все преступления. Никто из преступников, ни один, ни большой, ни малый, ни сопротивляясь, ни прячась, не избежит наказания. При ней есть три помощницы: для разных казней, для стражи и расправы. Первой, проворной, по имени Пойна, попадают в руки все те, кто еще не расстался с телом и наказывается телесно. Карает она мягко и оставляет безнаказанным многое, что требует искупления. Пороки, искоренение которых требует большего труда, божество посмертно передает Дике[126]. Наконец, вовсе неизлечимые и отвергнутые Дикою оказываются во власти третьей и самой страшной Адрастеиной прислужницы — Эринии[127], и она преследует их,

как бы и куда бы они от нее не старались ускользнуть и скрыться, а после жестоких мучений она их сбрасывает в пропасть неописуемую и неоглядную.

Среди наказаний, налагаемых Пойной при жизни,— продолжала душа[128],— имеются и такие, как у варваров. Например, как в Персии, у наказуемых срывают и бичуют плащи и тиары, а сами они рыдают и молят о пощаде[129]. Есть и другие наказания, имущественные и телесные, не причиняющие боли и не затрагивающие глубины порока, а совершаемые обычно лишь для видимости и впечатления.

26. Но если здесь оказывается кто-либо не очищенный наказанием при жизни, то Дике хватает его душу и выставляет нагую напоказ, чтобы ей некуда было укрыться, спрятаться и утаить свои пороки. Здесь на нее смотрят все и отовсюду. Прежде всего Дике показывает его родителям и предкам — если они добродетельны, то чтобы они отреклись от недостойного, если же они тоже были порочны, то чтобы они смотрели на страдания и мучения друг друга. Это наказание длится долго, покуда, наконец, все их страсти не будут искуплены страданием и болью, которые настолько сильнее и больше телесных, насколько действительность превосходит сновидения. Рубцы и синяки от этих пыток у одних сохраняются дольше, у других меньше.

Присмотрись,— продолжала душа,— как пестро и по-разному окрашены души. Черная и грязная окраска присуща скупости и подлости, кровавая и огненная — свирепости и кровожадности; где видна синева, там с трудом преодолена похоть, а злобная зависть порождает лиловатую ржавчину, похожую на сепию каракатиц[130]. В жизни порок коверкает душу страстями, а душа коверкает тело, и оно меняет свой цвет; здесь же этот цвет держится лишь до конца наказания и очищения, а потом исчезает, и душа становится снова бесцветна и блестяща. Но покуда эти краски не сошли, страсти порою возвращаются со спазмами и дрожью, у одних слабо и ненадолго, у других же с большим напряжением. Некоторых тогда удается повторными наказаниями вернуть к должному состоянию и расположению, некоторых же силы неведения и сластолюбия загоняют отсюда в звериные тела: ибо иные из них по слабости разума и неумению размышлять рвутся к детородным действиям, а другие, не имея органов сладострастия, все же ждут утоления желаний через тело, при том, что это оказывается лишь слабая тень и призрак наслаждения, которое неосуществимо».

27. После этих объяснений душа стремительно перенесла Феспесия через пространство, казавшееся неизмеримым, и полет их, как бы на крыльях световых лучей, был легок и не затруднен[131]. Так он достиг наконец большой, воронкою

уходящей вниз пропасти, и здесь почувствовал, что сила, его державшая, покинула его. Он видел, что с другими душами было то же самое: они, как птицы, сбившись в стаю, летали вокруг пропасти, не решаясь перелетать через нее. Было видно, что пропасть внутри, подобно вакхическим пещерам[132], изукрашена ветвями, травами и пестрыми цветами, и воздух оттуда веял тонкий и легкий, дышавший дивно сладкими ароматами и опьянявший, как вино опьяняет пьющих; и души, упоенные этим благоуханием, преисполнялись радости и ласкались друг к другу. Всюду вокруг царили вакхические ликования, смех, пение и забавы. Душа рассказала, что через эту пропасть Дионис вознесся к богам, а потом вознес туда и Семелу. Место это именовалось Лета (Забвение). Поэтому душа не позволила Феспесию оставаться здесь, а силою увлекла его прочь, объяснив ему, что наслаждение как бы размягчает и расплавляет разум, а лишенная разума телесность, сырая и мясистая, возбуждает в душе воспоминание о теле, а оно порождает страстное желание произрождения (γενεσιζ), само наименование которого происходит от «тяготения к земле»[133] увлажнением отяжеленной души.

28. Пролетев еще столько же, он увидел издали словно большой кратер и вливающиеся в него струи: одну — белее морской пены и снега, другую пурпурную, как радуга, ос-

тальные — каждая своего цвета, лучащиеся вдаль. Когда же он подошел ближе, то кратер потускнел, краски растаяли, изо всех цветов продолжал сиять только белый. Ему предстали три демона, рядом сидевшие с трех сторон и мерно помешивавшие в кратере. «До этого места,— сказал душеводитель Феспесия,— доходил Орфей, когда он искал душу своей жены, но он не мог запомнить виденное и разнес среди людей ложный слух, будто Аполлон делит свое дельфийское прорицалище с Ночью, хотя у них нет ничего общего. На самом же деле Ночь имеет общее прорицалище с Селеною[134], но и оно находится здесь. Но седалища на земле она не имеет, и предвещания не оглашаются в едином месте, а носятся повсюду меж людей как сны и грезы. И в них здесь смешивается, как ты видишь, простая правда с обманом и хитростью и разносится повсюду.

Аполлонова же оракула,— сказал он,— тебе не дано увидеть, ибо земная часть души не может взлететь так высоко: груз тела тянет ее к земле». И он повел Феспесия, чтобы показать ему хотя бы свет, льющийся от треножника, по словам его, сквозь лоно Фемиды на Парнас. Но Феспесий при всем великом желании не мог ничего рассмотреть из-за слишком яркого блеска. Он слышал только на ходу высокий женский голос, говоривший стихами, в которых, между прочими пред-

сказаниями, как ему послышалось, было названо время его смерти. Демон сказал, что это голос Сивиллы[135], которая кружится по небу на лунном лике и поет о грядущем. Феспесий хотел услышать побольше, но был отброшен как вихрем несущейся луной[136] и успел лишь услышать о будущем извержении Везувия и огненной гибели Дикеархии[137], а также обрывки слов о тогдашнем императоре «...добр он и царствие кончит болезнью»[138].

30. После того они обратили свой взгляд на наказания. Зрелище это сразу оказалось мучительным до слез. Феспесий неожиданно увидел друзей своих, родственников и свойственников в жестоких страданиях, позорно и мучительно казнимых, со стонами жалующихся ему на свои бедствия. Потом он увидел собственного отца, в рубцах и ранах, протягивающего к нему руки из пропасти. Его палачи не давали ему молчать, понуждая признаваться в том, что он когда-то коварно извел отравою друзей своих, у которых было много золота. Преступление это при жизни оставалось скрыто, а здесь было изобличено; наказание свое он частично уже отбыл, но теперь его влекли на новое. Феспесий от страха и смятения даже не посмел просить о пощаде для отца; он повернулся и хотел убежать, но тут вместо своего ласкового и доброго провожатого сразу же увидел несколько других, страшного

вида, и они погнали его вперед, словно иного выхода отсюда не было. Теперь он заметил, что заведомые злодеи, наказанные еще при жизни, не были здесь терзаемы столь рьяно — разве лишь за то, что оставалось в них неразумного и страстного; и напротив, те, кто прожил жизнь, скрыв порок под славой добродетели, здесь должны были в руках окружающих их других душ с болезненным напряжением выворачивать наружу внутренности, изгибаясь и выкручиваясь самым неестественным образом, подобно морским сколопендрам, которые, проглотив крючок, выворачиваются наизнанку[139]. А другим сдирали кожу и растягивали их, чтобы видно было, как проела и запятнала их порча оттого, что порок угнездился в самой разумной и главной части их существа. Он видел и такие души, которые, как ехидны, сплетались по двое, по трое и помногу сразу: озлобленные и угнетенные всем, что они творили и терпели в жизни, они пожирали друг дружку.

Там имелись озера, одно возле другого: было озеро, полное кипящего золота, было другое — из ледяного свинца и третье — из твердого железа. Над ними стояли демоны и словно кузнечными клещами то погружали, то поднимали души тех, кого ненасытная алчность привела к преступлениям. Когда в расплавленном золоте они от жара раскалялись добела, их швыряли в свинцовое озеро; тут они застывали и твердели, как градины, и тогда попадали в железное озеро; здесь их, отверделых и почернелых, дробили и мололи, пока они не теряли своего вида, а затем снова топили в золоте, и мучения их при этих перепадах, по словам Феспесия, были ужасны.

31. «Но горше всего,— рассказывал он,— страдали те, которые совсем было избыли свою казнь, а теперь казнились вновь. Это были души, преступления которых должны были искупить их дети и потомки. Каждый из тех потомков, являясь сюда и видя их, набрасывался на них злобно и с криком, показывая им следы своих мук, коря их и преследуя по пятам. Виновные старались ускользнуть и скрыться, но не могли: палачи опять налетали на них и гнали их, воющих в предчувствии новой казни, а души потомков,— говорил Феспесий,— вцеплялись в иных, как рой пчел или летучих мышей, пища от бешенства и злобы за все, что они из-за тех перенесли[140]».

32. Наконец, он увидел и души, предназначенные ко второму рождению — их вминали и вламывали в звериные тела, и приставленные к этому демоны молотами и крючьями выделывали им новые члены, поправляли другие, отгибали третьи, обтесывали и вовсе удаляли иные, с тем чтобы приладить их к новому образу жизни. Среди них видна была душа Нерона, теперь, после тысячи других мучений, прокалываемая раскаленными иглами. Для нее был уже изготовлен облик Пиндаровой ехидны[141], чтобы она в нем жила, прогрызшись на свет из утробы матери, когда вдруг вспыхнул ослепительный свет и из него прозвучал голос, повелевающий обратить

эту душу в существо более мирное — из тех, что поют на болотах и озерах[142]. Ибо он уже достаточно наказан за свои преступления и заслужил от богов благоволения хотя бы за то, что освободил лучший и благочестивейший из подданных ему народов — эллинский[143].

33. Всему этому Феспесий был только зрителем; но когда он уже поворачивал вспять, ему пришлось испугаться и за себя. Некая женщина, необычайного роста и красоты[144], схватила его и сказала: «Ступай сюда! Вот тебе, чтобы ничего этого ты не забыл!» И она хотела прикоснуться к нему раскаленным прутом, какой употребляют живописцы[145], но другая ее удержала от этого. Сам же он, словно увлекаемый внезапным и резким порывом, как ветер в трубку вошел в свое тело и открыл глаза почти что у самой могилы.

Примечания

[1] В качестве имени лица, которому посвящен диалог, рукописи содержат *Κυντε* и *Κυριε*. Правильно (*Κυητοζ*) имя его читается лишь в Symp. II, 1, 5. Имеется в виду Авидий Квиет, умерший около 107 г. н. э., или его сын Тит Авидий Квиет, проконсул Азии в 125—126 гг. Брат Авидия Квиета Авидий Нигрин был легатом-пропретором в Ахайе и встречался с Плутархом. Обоим братьям посвящен трактат Плутарха «О братской любви».

[2] Этим Эпикуром не мог быть знаменитый греческий философ. К. Циглер полагает, что речь идет о некоем эпикурейце. Однако образ Эпикура, как чисто литературная фигура, мог быть введен подобно тому, как образ

Аристотеля введен Плутархом в De facie in orbe lunae. Следующие одно за другим исчезновение, удивление и молчание типичны для рассказов об эпифаниях.

[3] Родственник Плутарха, упоминаемый им в Conviv disput.

[4] Выражение, характерное для античного экзорцизма.

[5] Спартанский полководец эпохи Пелопонесской войны. Этот же анекдот приводится Плутархом в Apophth. Lac., Bras., 2, p. 219D, Regum et imp. apophth., Bras., 2, p. 190B.

[6] Представление и термин (*προνοια*), очень широко распространенные в эллинистическом язычестве и в христианстве; в последнем — иногда и в философском смысле (I Clem. XXIV, 5).

[7] Eurip., Orest. 420, как ответ на вопрос Менелая:

Как, Аполлон в беде той не поможет?

[8] Thuc., III, 38, 5. Мысль, заимствованная у Фукидида, звучит как сгусток народной мудрости.

[9] Полулегендарный мудрец и государственный деятель Приены VI в. до н. э.

[10] Ταφροζ *μεγαλη*, где лакедемоняне нанесли поражение мессенянам в результате измены аркадского царя Аристократа (вторая половина VII в. до н. э.).

[11] Состоявшее в том, что аркадяне побили его камнями, у Полибия сказано лишь, что они его умертвили.

[12] Имя его у древних авторов упоминается лишь в связи с легендой о его чудесной болезни.

[13] Οἰκείους. Речь идет, вероятнее всего, о зависимых домочадцах (рабах).

[14] Ликиск купается в реке ради морального очищения.

[15] Имеются в виду обстоятельства, связанные с судьбой Килона, Мегакла и их сторонников из рода Алкмеонидов (Herod., V, 71; Thuc., I, 126). Однако расчеты Плутарха в отношении хронологии этих фактов не соответствуют истине, как явствует из его же рассказа в биографии Солона (гл. 12).

[16] Eurip., Wagner, fr. 220.

[17] У Секста Эмпирика эта пословица звучит полностью так: «Медленно мельницы мелют богов, но старательно мелют».

[18] Эта происходящая из некоей греческой поговорки «третья волна», соответствует, видимо, нашим представлениям о «девятом вале».

[19] Буквально — «от отеческой Гестии», богини домашнего очага.

[20] Т. е. ученикам и последователям Платона.

[21] В обоих случаях Платон цитирует «Одиссею» (XIX, 178 сл.):

...Едва девяти лет достигнув,
Там уж царем был Минос, собеседник Крониона мудрый.

Вместо «девяти лет достигнув» в издании русского перевода «Законов» А. Н. Егунова (II, 1923, стр. 209) это место толкуется так: «каждые девять лет отправлялся к своему отцу».

[22] То же сообщение фигурирует у Плутарха в биографии царя Клеомена (гл. 9), с указанием, что эфоры предпринимали это ради приучения молодых людей к подчинению даже в мелочах.

[23] Именовавшейся vindicta, т.е. «палочка освобождения», или преторский жезл освобождения, поскольку церемонию эту совершал претор.

[24] Плутарх имеет в виду так называемое завещание per aes et libram, когда продажа наследственного имущества производилась лишь символически.

[25] Основания для подобной меры Плутарх приводит в биографии Солона (гл. 20).

[26] См. об этом у Платона в «Теэтете», 176 В, в «Федре», 247 А, и в «Законах», V, 727 А.

[27] Из неизвестной трагедии.

[28] Источник и текстуальная форма этой сократовской сентенции неизвестны.

[29] Элегический поэт и трагик V в. до н. э.

[30] В этом наблюдении Плутарха усматривают влияние древнегреческой медицинской мысли. См. H. D. Betz. Plutarch's Theological Writings and Early Christian Literature. Leiden, 1975, p. 199.

[31] Этот анекдот более подробно передает Сенека (De ira, III, 12).

[32] Архит из Тарента, философ-пифагореец, друг Платона и крупный полководец.

[33] Мысль эта была выражена в широко распространенной греческой пословице: «Худые сообщества развращают добрые нравы».

[34] Греческое слово *τροποζ* означает (по своему происхождению от *τρεπω*) «поворот», «перемена»; *ηθοζ* — «характер» — Плутарх производит от *εθοζ* — «привычка».

[35] Двуобразным этот легендарный основатель аттического племени и афинского царского рода назывался потому, что как «земнородное» создание он имел туловище человека и змееобразные нижние конечности.

[36] *Гелон* и *Гиерон* — братья из рода Дейноменидов в Геле (VI—V вв. до н. э.), тираны Гелы и Сиракуз, *Писистрат* — афинский тиран (565—528 гг. до н. э.).

[37] Имеется в виду победа при Гимере в 480 г. до н. э., освободившая сицилийских греков от пунической опасности.

[38] В биографиях Арата и Клеомена Плутарх именует его Лизиадом и сообщает о нем некоторые подробности.

[39] По словам Корнелия Непота в биографии Кимона (гл. 1), браки с сестрами были не чужды древнеаттическим обычаям.

[40] Строки из утраченного сочинения Пиндара, неоднократно цитированные Плутархом.

[41] *Дионисий Старший* — сиракузский тиран (430—367 гг. до н. э.).

[42] *Периандр* (590—550 гг. до н. э.) — коринфский тиран, сын Кипсела; все названные пункты — коринфские колонии.

[43] Восстановление разрушенных Александром Македонским в 335 г. до н. э. беотийских Фив было произведено Кассандром в 316 г. до н. э., тогда как искоренение наследников Александра

в Македонии, инкриминируемое Плутархом Кассандру, было совершено им значительно позже.

[44] Из этих слов следует, что вся сцена происходила на территории Дельфийского храма Аполлона, где Плутарх был одним из почетных функционеров. Наемниками,оплачиваемыми фокейцами за счет дельфийской священной казны, воспользовался Тимолеонт для операции против Дионисия Младшего и против карфагенян (Diod., XVI, 6 sq., Plut., Timol. VII sqq.).

[45] *Фаларис* (VI в. до н. э.) — тиран Акраганта, захвативший власть с помощью освобожденных им рабов, строивших храм Зевса.

[46] Телетий ближе не известен. *Клеоны* — городок в Арголиде, известный уже Гомеру (Il, II, 570).

[47] Все три названных сикионских тирана, из коих Клисфен — современник Солона, упомянуты у Геродота (V, 67; VI, 126).

[48] Hom., Il, XV, 641 sq.

[49] Копрея, отца Перифета, Эврисфей посылал к Гераклу (Apollod., Bibl. II, 5).

[50] Сизиф был отцом Беллерофонта, победителя Химеры, Автолик — дедом Одиссея, а Флегий — дедом Асклепия (Apollod., Bibl. I).

[51] По материнской линии Перикл происходил из «оскверненного» рода Алкмеонидов (Thuc., I, 126 sq.).

[52] Гней Помпей Страбон, отец триумвира, был убит молнией. Эта смерть считалась ниспосланной богами, как наказание за преступления (Appian., B. civ. I, 68; Vell. Pat., II, 21).

[53] В тексте *ασπαραγος* — «спаржа». Однако из контекста ясно, что речь идет о совершенно другом и при этом колючем растении.

[54] По древним представлениям, ладан происходил не из Ливии (Северной Африки), а из ладаноносной Аравии (Herod., III, 75).

[55] Есть предположение, что в тексте вместо Одиссея должен был фигурировать Геракл, потому что именно он похитил быков Ифита.

[56] Быки и кони у фокейцев были украдены Автоликом, чья дочь Антиклея стала матерью Одиссея, а Дельфийский храм обворовал упомянутый выше Флегий — отец нимфы Корониды, матери Асклепия.

[57] Каллипп, сын Филона, афинянин и ученик Платона. Будучи сподвижником Диона в Сицилии, он с помощью наемников убил его в 354 г. до н. э. за измену Диона идеям Платона, но позднее и сам был убит наемниками за неуплату им жалованья.

[58] Ср. Plut., Dio, 58.

[59] Это анекдотическое событие упоминает Аристотель (Poet. 9).

[60] Оба названные лица ближе не известны. Аристон в качестве вождя наемников упомянут Плутархом еще и в Parthen. erot. 25.

[61] Речь идет о знаменитом в древней мифологии «ожерелии Гармонии», которое Кадм подарил своей невесте Гармонии. Позднее им овладел Полиник, сын Эдипа, подаривший его Эрифиле — жене Амфиарая, которую убил ее сын Алкмеон, посвятивший затем ожерелье в Дельфы. Там оно хранилось до Священной войны, когда

им овладели, в числе других сокровищ, фокейцы. Упомянутые в тексте тираны — Филомел и Ономарх (Appolod., Bibl. III, 6; Diod., XVI, 61).

[62] О ласточках как о священных птицах см. у Элиана (Hist. anim. I, 58).

[63] Legg., 728 C.

[64] Hesiod., Ergg. 265 и 266.

[65] Жук, использовавшийся античной медициной.

[66] Символическое значение этой фразы заключается в том, что всякий преступник сам несет и орудие своей казни.

[67] Имеются в виду такие сюжеты, как убивающая Медея, сжигающийся Геракл, пожар Трои и пр.

[68] Платон в «Протагоре» (316 E) говорит, что Геродик был содержателем гимнасия в Афинах, а в «Государстве» укоряет медицину за то, что она до появления Геродика или излечивала болезни, или давала больному возможность умереть, не занимаясь напрасными оттяжками. В этом же смысле о нем упоминают также Гален (De art. san tuen. 33) и Псевдо-Гиппократ (De morb. epid. VI, 3).

[69] Из неизвестной трагедии.

[70] Т. е. черты Ореста, внука Плисфена, который по одной из версий легенды был сыном Атрея и отцом Агамемнона.

[71] Правитель Кассандрии (на границе Македонии и Фракии). Диодр (XXII, 5, 2) называет его в области политики учителем

Каллифона Сикелиота, действовавшего при дворах многих сицилийских тиранов.

[72] Геродот (V, 56) сообщает о другом приснившемся Гиппарху предсмертном сне.

[73] Имеется в виду Селевк Никатор, союзник Птолемея, злодейски убитый им в 281 г. до н. э.

[74] Речь идет о Гераклее Понтийской. Психопомпейоном именовался род оракула, способного вызывать души из подземного царства.

[75] Эту же легенду более обстоятельно воспроизводит Плутарх в биографии Кимона (гл. 6).

[76] Этот анекдот о Лисимахе Плутарх использовал не однажды. См. Regum et imp. apophth., Lysimach., I, p. 183 E.

[77] *Симонид Кеосский* — лирический поэт конца VI в. до н. э. и учитель Пиндара, первым стал писать ради денег, которые почитатели его стихов платили ему, однако без словесной благодарности. См. Плутархов трактат «О нескромности».

[78] Из утраченной трагедии Еврипида «Ино».

[79] Более подробно об этом лице речь идет у Геродота (VI, 86). См. также Paus. II, 18.

[80] Представление об ответственности детей и вообще потомков за злодеяния предков было широко распространено в древности как на Востоке, так и в эллинистических государствах.

[81] Гиампейская скала была, по-видимому, одной из вершин Парнаса. Об убийстве Эзопа дельфийцами говорит и Аристофан

в «Осах». Легенда эта обнаруживает архаические черты в том, что утверждает патриархальное равенство перед сакральным законом раба и его владельца, поскольку связи их этот закон принимает за родственные.

[82] Эти обстоятельства припоминает также Геродот (II, 134), именующий, однако, этого самосца не Идмоном, а Иадмоном.

[83] *Авлия* — также, видимо, одна из вершин Парнаса.

[84] Из рода Бранхидов происходили с древнейших времен жрецы храма и оракула Аполлона Дидимейского близ Милета. На возвратном пути Ксеркса из Греческого похода Бранхиды передали ему храмовые сокровища, за что Ксеркс, предохраняя Бранхидов от мести греков, переселил их в Согдиану, где они и выстроили себе город, который разрушил Александр Македонский.

[85] О-в Керкира (или Коркира) почитался родиной легендарных феаков, гостеприимно встретивших Одиссея и проводивших его на родную Итаку (Hom., Od. VI).

[86] Имеется в внду ослепление Полифема.

[87] *Феней* — город в Аркадии, разрушенный наводнением, причиненным неожиданной закупоркой двух земных провалов, куда стекали воды источников (Paus., VIII, 14).

[88] См. Athen., XII, p. 521 ef. Афиней приводит в качестве одной из причин этого гнева богини случай, когда некий сторонник свергнутого сибаритами тирана Телиса, искавший спасения у ее алтаря, был от него отторгнут и убит у его подножия.

[89] Локриец Аянт, сын Оилея, обесчестил в Трое Кассандру, жрицу Афины, за что локрийцы по велению оракула обязаны были посылать в Трою в качестве служанок в храме Афины двух девушек на протяжении тысячи лет, что они и выполняли неуклонно, вплоть до Священной войны (Schol. Lycophr. Alexand., v. 1135). Приведенные в тексте стихи заимствованы из поэмы «Хилиады» Эвфориона Халкидского (III в. до н. э.).

[90] Орфей, по преданию, был растерзан фракийскими вакханками. По Геродоту (V, 6), однако, татуированными были лишь аристократические фракиянки. Picti Agathyrsi известны также и в римской литературе.

[91] Эриданом греки называли По и Рону.

[92] Легенду о Фаэтонте, сброшенном Гелием с его колесницы, сожженном и утонувшем в Эридане, см. у Аполлония Родосского («Аргонавтика», IV, 596 сл.) и Овидия («Метаморфозы», II, 1 сл.).

[93] Т. е. Тимон.

[94] Празднество в честь Аполлона, как покровителя чужеземцев. Упоминание их свидетельствует о том, что во II в. потомки Пиндара пользовались особым почетом в Дельфах; дары представляли собой, вероятно, известную часть принесенных в жертву божеству продуктов.

[95] Тернандр Лесбосский (VIII в. до н. э.) был призван спартиатами по указанию оракула во время междоусобицы, которую он умирил своими песнями.

[96] Офельт был беотийцем и сыном Пенелея, выступающего в «Илиаде» в качестве вождя фиванского войска (II, 495). Сын его Дамосихтон царствовал в Фивах (Paus., IX, 5).

[97] Фокидский полководец (VI в. до н. э.) в войне с фессалийцами (Herod., VIII, 27 sq.).

[98] Ни те, ни другие ближе не известны.

[99] *Лахар* — тиран, утвердившийся в Афинах при поддержке Кассандра и изгнанный Деметрием Полиоркетом. *Аристион* захватил власть в Афинах во время Митридатовой войны, но был вынужден сдаться Сулле.

[100] Этот военный термин (*αντιφραγμα*) использован Плутархом в отвлеченно-моральном смысле.

[101] Свойства этого растения описывает Плиний. Приводимую Плутархом легенду несколько иначе излагает Аристотель (Hist. anim. IX, 3). У него стадо останавливается, если козла схватить за бороду. Несогласие в рассказах, быть может, проистекает из близости наименований *ερυγγιον*(«чертополох») и *ερυγγος* («козлиная борода»).

[102] Эпихарм (жил на рубеже VI—V вв. до н. э.) был философом пифагорейской школы и древнейшим комедиографом. Его аргументацию тезиса — ни одна вещь сегодня не является той, какой она была вчера — Плутарх приводит в биографии Тесея (гл. 23).

[103] После того, как Деметрий Полиоркет освободил Афины от власти Кассандра.

[104] Тело Дионисия Старшего, погребенного с большой помпой его сыном и наследником Дионисием Младшим, по изгнании пос-

леднего было выброшено за границы полиса (Diod., XV, 75; Plut, Dio 53).

[105] *Нисей* и *Аполлократ* — дети Дионисия Старшего, *Антипатр* и *Филипп* — дети Кассандра. Филипп умер вскоре после смерти отца от чахотки, а Антипатр был убит своим младшим братом Александром или, по другой версии, Лисимахом.

[106] Имеется в виду римская военная мера взыскания, называвшаяся децимацией и применявшаяся против бунта или других резких нарушений дисциплины большим количеством солдат одновременно.

[107] Бессмертие души и ее существование отдельно от тела являются основной идеей и темой настоящего трактата. Олимпих определяет эту предпосылку как *η μεγαλη υποθεσιζ*. Это название гностического трактата (евангелия), приписывавшегося Симону Магу, наименование которого, быть может, заимствовано у Плутарха.

[108] Это представление о людях содержится в «Илиаде», VI, 146 сл.:

Так же, как листья в лесу, нарождаются смертные люди,
Ветер на землю швыряет одни, между тем как другие
Лес, зеленея, выводит, едва лишь весна возвратится.
Так поколенья людей — эти живы, а те исчезают.

[109] Имевшие на эллинистическом Востоке культовое значение маленькие, но требовавшие очень большого ухода цветники вошли в поговорку, называвшую «садами Адониса» все изящное, но недолговечное.

[110] *Архилох* — уроженец Наксоса. Коракс по-гречески — «ворон». Ответ дельфийского оракула убийце Архилоха звучал якобы

так: «Вон из храма уйди: служителя Муз умертвил ты» (перевод В. В. Вересаева. Эллинские поэты, М., 1929, стр. 133).

[111] Мыс Тенар находился у южной оконечности Пелопоннеса (современный мыс Метапан). Древние греки помещали там один из входов в подземное царство, через который Геракл вывел из Аида Кербера (Paus., III, 25, 4).

[112] Или *ψυχομαντειον* («оракул душ») — место вызывания душ умерших.

[113] Вызыватели душ умерших. Их италийское происхождение указывает на то, что это, скорее всего, были этрусские жрецы-экзорцисты.

[114] Философ-киник III в. до н. э., родом из причерноморской Ольвии.

[115] Из неизвестного стихотворения.

[116] Hesiod., Ergg. 735 sq.

[117] Eurip., Wagner, fr. 580.

[118] Имеется в виду Антигон Гонат, сын Деметрия Полиоркета.

[119] Авгий, царь Элиды и отец Филея, был убит Гераклом за неуплату вознаграждения за очистку Авгиевых конюшен. Пелей, легендарный царь Пилоса, не захотел очистить Геракла от убийства Ифета и сам был им убит вместе с сыновьями, за исключением Нестора.

[120] Т. е. от «посеянных» (*σπαρτοι*), согласно легенде, Кадмом драконьих зубов. Эти «спарты» считались предками фиванцев (Ovid., Metamorph., III, 100 sq).

[121] Греческий город в Киликии. Упоминание о родстве Феспесия с Протогеном должно, видимо, служить некоторой гарантией правдоподобия всего последующего рассказа.

[122] Оракул Амфилоха находился близ города Малда в Киликии.

[123] Выступление в новом качестве сопровождается переменой имени.

[124] Представление о том, что душа на своем «теле» сохраняет следы шрамов и ушибов, полученных преступным человеком при жизни, восходит к «Горгию» Платона.

[125] *Адрастея* («неотвратимая»), чаще Немезида (у Эсхила Адрастея — эпитет Немезиды) — богиня мщения и расплаты за преступления. Ее мать Ананка («неизбежность») является персонификацией судьбы.

[126] *Пойна* (Hesiod., Ergg. 749—775; Theog. 901 sq.) и *Дике* — аллегорические божественные персонажи. Имя первой означает пеню, возмездие, наказание, второй — справедливость.

[127] Богиня-мстительница, нередко их три: Тисифона, Мегера и Алекто; Эринии считались дочерьми Земли и Мрака (Hom., Il, IX, 781; XIX, 87; Od. XV, 234).

[128] Собственно «демон», здесь дух — хранитель каждого человека.

[129] Подобные наказания налагал царь Ксеркс (485—465 гг. до н. э.) на своих провинившихся сатрапов. До него древнеиранские законы предусматривали сечение и выдергивание волос у самих преступников.

[130] Каракатица, по-гречески σηπια,— слово, обозначающее коричневый цвет (цвет сепии).

[131] Это соответствует архаической ионийской легенде о том, как Аристей из Проконнеса летал к исседонам на стреле Аполлона (т. е. именно на солнечном луче).

[132] Пещеры, в которых совершались вакхические мистерии, украшались пахучими травами и цветами. Такого именно рода была, вероятно, Корикская пещера на Парнасе, неподалеку от Дельф.

[133] Nευσιν επι γην. Народная этимология, которую Плутарх вряд ли принимал всерьез.

[134] Т. е. с лунным женским божеством.

[135] Мифическая пророчица, произносившая предсказания от имени Аполлона. В Италии славилась куманская Сивилла, чьи прорицания, зафиксированные в священной книге, были использованы в Риме. В эллинистическую эпоху имя Сивиллы сделалось чисто нарицательным и прилагалось к различным прорицалищам. «Сивиллины оракулы» египетского и малоазийского происхождения времен, близких к началу н. э., сохранились в греческих гекзаметрах. Некоторые из них имеют резко выраженную антиримскую окраску.

[136] Т. е. среди этих предсказаний.

[137] Греческий город Дикеархия, колония Самоса, был разрушен, как и близлежащие Помпеи, во время знаменитого извержения Везувия в 79 г. н. э.

[138] Имеется в виду император Веспасиан (69—79 гг.), который, в отличие от почти всех своих предшественников из династии Юлиев-Клавдиев, умер своей смертью.

[139] Аристотель (Hist. anim. IX, 37) говорит, что морская сколопендра, проглотив крючок, выбрасывает из себя все, что содержится в ее теле, покуда снаружи не окажется также и крючок. Тогда она снова заглатывает свои внутренности. Ср. Aelian., Hist. anim. IX, 12.

[140] Роение душ, равно как и сравнение их с летучими мышами, заимствованы, видимо, из Гомера, который в «Одиссее» (XXIV, 5—9) говорит о душах убитых женихов:

... души, столпясь за Гермесом, летели
С визгом, как мыши летучие в недрах глубокой пещеры,
Цепью к стенам прикрепленные — если одна, оторвавшись,
Свалится наземь с утеса,— визжат, в беспорядке порхая:
Так, завизжав, полетели за ним они разом и вел их
В бедах заступник Гермес по дороге туманной и влажной.

[141] Это указание заставляет предполагать наличие у Пиндара упоминания о ехидне в какой-то из утраченных од. Слова о прогрызании материнской утробы содержат намек на способ умерщвления Нероном своей матери Агриппины (Dio., LXI, 13). Легендарную подробность о прогрызании детенышами ехидны материнской утробы Геродот (III, 75) относит к аравийским крылатым змеенышам.

[142] Намек на увлечение Нерона музыкой и поэзией.

[143] Эта «свобода» даровалась римским правительством также некоторым отдельным провинциальным городам и заключалась в ос-

вобождении от налогов и других обязанностей в отношении Римского государства. Греческую элевтерию объявил на Истмийских играх сам император Нерон (Suet., Nero, 24, 2).

[144] Очевидно, одна из богинь-мстительниц.

[145] Собственно мастера энкаустики.

О демоне Сократа

Перевод *Я. Боровского*

Участники диалога:
Архидам и Кафисий.

1. Архидам. Пришлось мне как-то, Кафисий, слышать от одного художника остроумное слово о людях, рассматривающих произведения живописи. Он уподобил зрителей заурядных, непричастных к искусству, тем, кто издали приветствует многолюдную толпу, а зрителей просвещенных, знатоков искусства,— тем, кто обращается с речью особо к каждому из встретившихся. Действительно, у одних восприятие художественного произведения не точное, а как бы только обобщенное; другие же, расчле-

няя вещь в своем суждении по частям, не оставляют ничего из ее достоинств и недостатков незамеченным и не получившим надлежащей оценки. Думаю, что то же самое справедливо и относительно событий, происходивших в действительности: для косных умов достаточно узнать самое существенное их содержание и конечный исход; но созерцателя деяний, совершенных доблестью как неким великим искусством, если он способен оценить их высокую красоту, больше привлекают именно частности: конечный исход во многом зависит от судьбы; в последовательности же причин и событий наблюдатель видит борьбу доблести со случайностями, мудрой отваги — с опасностями, разумного начала — с обстоятельствами момента. Прими же и нас за зрителей такого рода: расскажи нам о последних событиях[1] с самого их начала и передай нам разговор, который, как мы слышали, происходил в твоем присутствии; ради этого я не замедлил бы даже поехать в Фивы, если бы и без того афиняне не считали меня сверх должного склонным к беотизму.

Кафисий. Ну, Архидам, ради такого твоего благожелательного стремления узнать все происходившее я должен был бы, согласно Пиндару, «положив это превыше недосуга»[2], явиться к тебе для такого рассказа. Но раз мы уже прибыли сюда с посольским поручением и пользуемся досугом в ожидании ответа от Народного собрания, было бы грубой невоспитанностью не пойти навстречу желанию благорасположенного друга, и я вновь пробудил бы старинное обвинение фиванцев в нелюбви к речам, уже ослабленное в окружении вашего

Сократа; да и мы проявили себя в этом отношении усердием к почитаемому Лисиду[3]. Но подумай о присутствующих — расположены ли они выслушать рассказ о стольких деяниях и передачу стольких речей: ведь немало продлится мое изложение, раз ты предлагаешь включить в него и речи.

Архидам. Ты их не знаешь, Кафисий? Надо тебе с ними познакомиться — это сыновья доблестных отцов, дружески к вам расположенных. Это вот племянник Фрасибула Лисифид, это Тимофей, сын Конона, это сыновья Архина[4]; остальные также принадлежат к нашему содружеству: так что твой рассказ встретит благожелательных и сочувственных слушателей.

Кафисий. Очень рад. Но с чего же должен начаться мой рассказ, чтобы дополнить то, что вам уже известно?

Архидам. Нам, Кафисий, приблизительно известно положение в Фивах до возвращения изгнанников. Как Архий и Леонтид, побудив спартанца Фебида среди мира и спокойствия захватить Кадмею, одних граждан изгнали, а других устрашением заставили подчиниться своей противозаконной насильственной власти, об этом мы узнали от Мелона и Пелопида с товарищами, которые были нашими гостями и постоянными собеседниками во все время своего изгнания; слыхали мы и о том, что лакедемоняне наложили взыскание на Фебида за захват Кадмеи, отставив его от командования в походе на Олинф, но вместе с тем еще усилили гарнизоны крепости, прислав, на смену Фебида, Лисанорида с двумя помощниками. Знаем также, что Исмений[5], сразу после прове-

денного суда над ним, был подвергнут злой казни. Об этом сообщил Горгид в своих письмах находящимся здесь фиванским изгнанникам. Так что тебе остается только рассказать о возвращении наших друзей и о свержении тиранов.

2. Кафисий. В те дни, Архидам, все мы, участники заговора, обычно собирались на дому у Симмия[6] (он тогда поправлялся от раны на ноге), чтобы обменяться необходимыми по ходу нашего дела соображениями, а для видимости вели литературные и философские беседы, к которым, отводя от себя подозрение, часто привлекали Архия и Леонтида, не чуждых такого рода собеседованиям. Симмий много путешествовал вдали от родины, встречаясь с иноземцами, лишь недавно вернулся в Фивы, преисполненный всевозможных диковинных рассказов о чужбине, и Архий охотно слушал его, присаживаясь вместе с молодыми людьми: он предпочитал, чтобы мы проводили время в таких речах, а не присматривались к делам властей. В тот день, когда с наступлением темноты изгнанники должны были незаметно приблизиться к стене, прибыл из Афин посланный Ферником человек, неизвестный у нас никому, кроме Харона. Он сообщил, что двенадцать самых молодых изгнанников охотятся с собаками на Кифероне и к вечеру придут в Фивы; сам же он послан, чтобы предупредить об этом и узнать, кто предоставит дом,

в котором они найдут убежище, чтобы они могли сразу туда направиться. Мы пришли в некоторое замешательство и медлили с ответом, и тогда Харон изъявил готовность предоставить свой дом. Посланец поспешил отправиться с этим ответом обратно к изгнанникам.

3. А гадатель Феокрит, взяв меня за руку и крепко пожимая ее, посмотрел вслед шедшему впереди Харону и сказал: «Вот, Кафисий, он не философ и не получил какого-либо особого, возвышающегося над средним уровнем образования, как твой брат Эпаминонд; но, повинуясь своей природе как прекрасному закону, он ради блага родины подвергает себя величайшей опасности. Эпаминонд же, считающий себя лучше кого-либо из беотийцев воспитанным к доблести, остается равнодушным и бездеятельным, словно ожидая какого-либо лучшего случая, чем этот, чтобы надлежащим образом проявить свои природные качества и воспитание». Я ответил ему: «Ты, Феокрит, слишком скор на суждения. Каждый из нас действует так, как считает правильным; и Эпаминонд, не убедив других действовать согласно его мнению, естественным образом воздерживается от действий, к которым его призывают, тогда как он им не сочувствует. Ведь если бы врач обещал тебе излечить твой недуг, не прибегая к отсечению

и прижиганию, то было бы, полагаю, неблагоразумно понуждать его все же применить нож и огонь...[7] ...Так как большинство с ним не согласно и мы уже вступили на избранный нами путь, то он просит сохранить за ним возможность остаться незапятнанным гражданской кровью, чтобы в нужный момент, не нарушая справедливости, принести пользу родине. Ведь дело не остановится в должных границах: Ференик и Пелопид, конечно, обратятся прежде всего против действительно виновных и зловредных, но Евмолпид и Самид, люди склонные к горячности и гневу, взявшись за меч под покровом ночной тьмы, не отложат его в сторону, не наполнив весь город кровопролитием и не расправившись со многими своими личными противниками».

4. В то время как я вел такой разговор с Феокритом, меня прервал Галаксидор, указав на Архия и спартанца Лисанорида, которые поспешно направлялись от Кадмеи в нашу сторону и были уже недалеко. Мы остановились, Архий, подозвав Феокрита, подвел его к Лисанориду, и они долго разговаривали, отойдя несколько от дороги в сторону святилища Амфиона, так что у нас возникло опасение, не допрашивают ли они Феокрита, что-то заподозрив или получив какой-то донос. В это время Филлид, который, как ты, Архидам, знаешь, был тогда писарем у Архия и его подчиненных, посвящен-

ный в план возвращения изгнанников и участник дела, взяв меня по-дружески за руку и сделав для виду несколько шутливых замечаний, касавшихся гимнастических упражнений и борьбы, отвел затем поодаль от остальных и осведомился, остается ли в силе договоренность о дне возвращения изгнанников. Когда я подтвердил это, он сказал: «Значит, я правильно выбрал для приема сегодняшний день: я пригласил Архия, и заговорщикам легко будет захватить его пьяным во время пирушки».— «Превосходно, Филлид,— сказал я,— попытайся же свести в одном месте всех или хотя бы большинство наших врагов». — «Но это нелегко,— возразил он,— а скорее даже невозможно: Архий надеется встретить у меня одну знатную женщину, и поэтому для него нежелательно присутствие Леонтида. Так что нам придется принимать их в двух разных домах; а после того как будут захвачены Архий и Леонтид, остальные, думаю я, разбегутся или откажутся от сопротивления, довольствуясь тем, что им будет предоставлена безопасность». — «Так мы и поступим,— сказал я. — Но о чем это они разговаривают с Феокритом?» — «Не могу сказать с уверенностью,— отвечал Филлид,— но я слыхал, что были возвещены тягостные и неблагоприятные для Спарты предзнаменования и оракулы»[8]. ...После того как Феокрит вернулся к нам, подошел Фидолай, родом из беотийского Галиарта, и сказал: «Симмий просит вас немного подождать здесь; у него важная встреча с Леонтидом, перед которым он ходатайствует о замене Амфифею смертной казни изгнанием».

5. «Вот встреча кстати,— воскликнул Феокрит,— я как раз хотел узнать, что обнаружилось при произведенном у вас вскрытии погребения Алкмены[9]. Присутствовал ли ты там, когда Агесилай распорядился перенести эти останки в Спарту?» — «Нет, не присутствовал,— ответил Фидолай,— и очень огорчался и негодовал против сограждан, которые оставили меня в стороне от этого. Но, как мне известно, был найден камень вместо тела, небольшое медное запястье и две глиняные амфоры со слежавшейся и окаменевшей землей внутри, а над гробницей лежала медная доска с письменами, поражавшими древностью своих начертаний. Понять из них ничего не удалось, хотя они выступали отчетливо, когда доска была вымыта; их характер был какой-то особенный и чуждый, более всего сравнимый с египетскими письменами. Поэтому Агесилай, как говорили, послал их список египетскому царю с просьбой показать тамошним жрецам — не поймут ли. Но об этом вам, вероятно, сможет сказать что-нибудь и Симмий, который в то время много общался с египетскими жрецами, обсуждая с ними философские вопросы. Галиартяне же полагают, что разлив болота и большой неурожай постигли их как проявление гнева свыше за то, что они отважились раскопать погребение». Феокрит несколько помедлил, а потом заговорил: «Думаю, что и лакедемонян не минет гнев божества, как предвещают знамения, о которых мне сообщил Лисанорид. Теперь он едет в Спарту, чтобы снова засыпать погребение и, согласно оракулу, совершить возлияния Алкмене и Алею, хотя он и не знает, кто такой Алей; а вернувшись от-

туда, он намерен разыскать погребение Дирки[10], место которого в Фивах известно только бывшим гиппархам: сменяясь в должности, каждый из них ночью наедине показывает это место своему преемнику; после чего они, совершив без огня некие священнодействия и уничтожив затем все их следы, до наступления рассвета расходятся в разные стороны. Думаю, Фидолай, что нелегко будет теперь разыскать это погребение. Ведь большинство гиппархов, скорее даже все, кроме Горгида и Платона, находятся в изгнании, а расспрашивать этих остерегутся из страха перед ними. А те, кто ныне находится у власти в Кадмее, только получают копье и печать, но ничего не знают ни о священнодействиях, ни о месте погребения».

6. Так говорил Феокрит. В это время вышел Леонтид со своими приближенными, а мы вошли в Кадмею и поздоровались с Симмием, который сидел там, погруженный в мрачное раздумье, очевидно получив отказ на свою просьбу. Оглянувшись на нас, он воскликнул: «Клянусь Гераклом, и дикие же варварские нравы! Как нельзя лучше ответил древний Фалес, вернувшись из дальних странствий, когда друзья спросили его, что самое диковинное повидал он на чужбине: "Старика тирана". Ведь даже тот, кто на себе самом не испытал какой-либо несправедливости, тяготясь гнетом и жесто-

костью общих условий, враждебен беззаконным и неподотчетным властителям. Но предоставим это божьему изволению! А знаете ли вы, Кафисий, кто тот гость, который к вам прибыл?» — «Нет, не знаю,— сказал я,— о ком вы говорите». — «А вот,— продолжал он,— Леонтид говорит, что ночью около памятника Лисида появился человек в богатом убранстве, сопровождаемый многочисленным окружением, и расположился там на ночлег на подстилке из ветвей: там осталось ложе из вереска и тамариска, а также следы жертвенного огня и молочного возлияния. Утром же он осведомился у встречных, застанет ли он в городе сыновей Полимния». — «Кто мог бы быть этот чужеземец? — сказал я. — Из того, что ты говоришь, надо заключить, что это человек не простой, а знатный».

7. «Конечно, так»,— подтвердил Фидолай. «Что ж, примем его, когда он к нам появится. Теперь же, Симмий, расскажи нам, не узнал ли ты чего-нибудь об этих удивительных письменах: ведь передают, что египетские жрецы разобрали ту надпись на доске, которую взял от нас Агесилай после вскрытия гробницы». Симмий сразу вспомнил: «О доске не знаю, Фидолай, но спартанец Агеторид привез в Мемфис прорицателю Хонуфису, у которого когда-то я вместе с Платоном и пепаретцем[11] Эллопионом занимался философией, пространное письмо. Явился он по распоряжению царя, кото-

рый приказывал Хонуфису, если ему удастся разобрать письмена, немедленно отослать их обратно вместе с толкованием. Хонуфис в течение трех дней извлекал из древних книг различные письмена и послал царю ответ, а нам сообщил, что грамота велит грекам учредить мусическое состязание; письмена же принадлежат той грамоте, которую в царствование Протея усвоил Геракл, сын Амфитриона: бог предписывает грекам хранить мир и спокойствие, состязаясь в философии, и решать вопросы справедливости, отложив оружие и вдохновляясь Музами и разумом. Мы и тогда одобрили речь Хонуфиса и еще более — когда, при возвращении из Египта через Карию, мы встретили делосцев, которые обратились к Платону как геометру с просьбой разрешить трудную задачу, предложенную им богом. Было дано вещание делосцам и прочим грекам, что постигшие их бедствия прекратятся, если они увеличат вдвое делосский кубический алтарь. Не вникнув всмысл задачи и получив при изготовлении удвоенного алтаря смехотворный результат (ибо, не зная соотношения между линейным и объемным увеличением, они не поняли, что при увеличении вдвое каждой из сторон боковой грани объем куба увеличится в восемь раз), они призвали Платона помочь им в этом затруднении. Платон же, помня о египетской науке, сказал, что бог подшутил над греками, пренебрегающими образованием, и, как бы насмехаясь над нашим невежеством, посоветовал серьезно заняться геометрией; ведь не слабого и поверхностного геометрического разумения требует задача найти две средние пропорциональные двух отрезков, что

и является единственным решением задачи об удвоении куба одинаковым увеличением его измерений во всех направлениях. Сделать это сможет Евдокс Книдский[12] или Геликон Кизикиец; но вы не должны думать, что бог желает только этого, нет, он предписывает эллинам, отбросив войну и неприязнь, служить Музам и, укротив страсти философскими рассуждениями и наукой, без вражды и со взаимной пользой общаться между собой».

8. Среди речей Симмия вошел наш отец Полимний и, присев рядом с Симмием, сказал: «Эпаминонд просит тебя и всех присутствующих, если у вас нет срочных дел, дождаться его здесь; он хочет познакомить вас с гостем, человеком, достойным всяческого уважения, и притом прибывшим с прекрасным важным поручением из Италии от пифагорейцев. Приехал он, чтобы совершить возлияние на могиле старца Лисида, побуждаемый к этому некими сновидениями и явными знамениями. Он привез немало золота, считая нужным возместить Эпаминонду расходы по оказанию поддержки Лисиду в старости, да и, помимо того, желая помочь нам в наших нуждах, хотя мы от этого и отказывались».— «Судя по тому, что ты говоришь,— сказал обрадованный Симмий,— это замечательный человек и достойный философ. Но почему же он не пришел к нам сразу?» — «После того как он пере-

ночевал у могилы Лисида,— отвечал отец,— Эпаминонд повел его на берег Йемена для омовения, а после этого они, думаю, вместе придут к нам; ночевал же он у могилы потому, что намеревался перенести останки в Италию, если этому не воспротивится ночью какое-нибудь божественное знамение».

9. Когда отец, сказав это, умолк, заговорил Галаксидор: «Клянусь Гераклом, как трудно найти человека, свободного от суеверного чада. Одни подвержены этому против своей воли, вследствие необразованности или душевной слабости, другие же, чтобы казаться какими-то особо выдающимися по богобоязненности, на каждом шагу ссылаются на божье волеизъявление, на сны, видения и тому подобный вздор, прикрывая этим то, что у них в действительности на уме. Кто причастен к политической деятельности, тому, пожалуй, небесполезно иногда прибегнуть к узде суеверия, чтобы направить на нужный путь суетную толпу или отвратить ее от чего-либо; для философии же такой ход мысли не только не приличествует, но и прямо противоречит ее обязанностям, если она, пообещав рассуждением научить нас доброму и полезному, обращается к богам как началу всех действий, словно пренебрегая всяческим рассуждением; презрев доказательство, свое основное отличие, она прибегает к гаданиям по снам и видениям, которые посещают одинаково и доблестного,

и подлого. Потому-то, думается мне, ваш Сократ избрал более философский характер образования и речей, простой и бесхитростный, как более приличествующий человеку свободному и стремящемуся к истине, а весь этот философский дым и чад отбросил, предоставив его софистам».— «Что же, Галаксидор,— заговорил тут Феокрит,— значит, и тебя убедил Мелет[13] в том, что Сократ пренебрегал верой в богов? Ведь именно в этом он обвинил Сократа перед судом афинян».— «Отнюдь не верой в богов,— ответил тот.— Но восприняв от Пифагора, Эмпедокла и других философию, преисполненную мифов, призраков и суеверия, он как бы вывел ее из состояния вакхического опьянения и обратил на искание истины посредством трезвого рассуждения».

10. «Хорошо,— сказал Феокрит,— но как же мы, дорогой мой, оценим демона Сократа — как ложную выдумку или иначе? Среди преданий о Пифагоре я не назову ничего, что так походило бы на мантику[14] и суеверие: без преувеличения, подобно тому как Гомер представил Афину "соприсущной во всяком труде"[15] Одиссею, так демон Сократа явил ему некий руководящий жизненный образ, "всюду предтекший ему, подававший совет и могучесть"[16], в делах неясных и недоступных человеческому разумению: в этих случаях демон часто вступал в собеседование с Сократом, сообщая божест-

венное участие его намерениям. Узнать об этом больше можно от Симмия и других товарищей Сократа. Но вот однажды, когда мы направлялись к гадателю Евтифрону — ты помнишь это, Симмий,— Сократ прохаживался наверху, у Перепутья и дома Андокида, ведя философскую беседу с Евтифроном, и подвергал его, по своему обыкновению, шутливому разгрому. Вдруг он остановился и так оставался некоторое время погруженным в себя, а затем свернул в сторону и пошел по улице Коробовщиков, подозвав к себе и тех спутников, которые уже отошли вперед, и сославшись при этом на полученное им указание от демона. Большинство, в том числе и мы с Евтифроном, пошли вслед за ним, но несколько юношей продолжали идти вперед, как бы желая изобличить демона Сократа, и увлекли за собой флейтиста Харилла, который приехал вместе со мной в Афины к Кебету[17]. И вот, когда они проходили по улице Ваятелей мимо судебной палаты, им навстречу выбежало тесно сплоченное стадо покрытых грязью свиней. Посторониться было некуда, так что свиньи одних сбили с ног, других обмазали сплошь грязью. Пришел домой и Харилл весь в грязи, так что после этого случая мы всегда со смехом вспоминали, как всегда заботится о Сократе его демон».

11. «А как ты думаешь, Феокрит,— спросил Галаксидор,— имеет ли демон Сократа какую-то свою особую силу

или же это просто частица тех общих необходимых условий, которые, определяя жизненный опыт человека, сообщают ему в неясных и не поддающихся разумному учету случаях толчок, направляя его поведение в ту или иную сторону? Подобно тому как малый груз сам по себе не отклоняет коромысло весов, но, добавленный к одному из уравновешенных грузов, уводит все в свою сторону, так чихание или тому подобный знак, хотя бы и ничтожный, может повлечь за собой решение, касающееся важных действий: когда встречаются два противоборствующих соображения, то, присоединившись к одному из них, такой знак разрешает безысходность, устранив равновесие, и отсюда возникает движение и сила». Это подхватил мой отец: «А ведь и в самом деле, Галаксидор, я слышал от одного мегарца, а он от Терпсиона, что демон Сократа — это не что иное, как чихание, свое ли собственное или чужое. При этом если кто-либо другой чихнул справа, или сзади, или спереди, то это побуждало к действию, если же слева, то заставляло воздерживаться; собственное же чихание утверждало в намерении совершить намеченное действие, но удерживало от завершения того, что уже было начато. Странным мне кажется, однако, если он, в действительности исходя из чихания, говорил товарищам о каком-то побуждающем или сдерживающем демоне: было бы, друг мой, нелепой суетностью из-за какого-то внешнего шума — чихания — отказываться от заранее обдуманного действия, и это совершенно противоречило бы образу человека, которого мы считаем поистине великим и выдающимся среди людей своей

мудростью. Все поведение Сократа отличалось целеустремленностью и решимостью, как бы исходя из единого твердого изначального суждения. Всю жизнь он провел в бедности, тогда как мог бы воспользоваться тем, что ему с радостью готовы были предоставить его друзья; он не поступился философией, пренебрегая всеми препятствиями; наконец, когда товарищи подготовили ему обеспеченный побег из тюрьмы, он не склонился на все их настояния, чтобы уйти от верной смерти, а встретил ее с непоколебимой твердостью решения,— все это свойственно не человеку, изменяющему свои намерения под влиянием случайных шумов или знаков, а тому, кто следует высшему устремлению, ведущему к добру. Говорят, что и гибель Сицилийского похода афинян Сократ предсказал некоторым из своих друзей; а еще ранее был такой случай. Периламп, сын Антифонта, раненый и взятый в плен после поражения афинян в битве при Делии[18], узнав от послов, прибывших из Афин с мирным предложением, что Сократ вместе с Алкивиадом и Лахетом[19] благополучно вернулись, совершив переход у Регисты, превознес Сократа похвалами и горько сокрушался о тех своих товарищах и соратниках, которым довелось, избрав после битвы путь возвращения, отличный от указанного демоном Сократа, пасть под ударами нашей конницы. Думаю, что и Симмий слыхал об этом». — «Слыхал нередко и от многих,— отозвался Симмий,— ведь именно этот случай особенно прославил в Афинах демона Сократа».

12. «Что же, Симмий,— сказал Фидолай,— позволим мы Галаксидору шутя сводить это высокое пророчество к чиханию и приметам, которыми забавляются по пустякам невежды? Ведь где налицо действительная опасность и трудные обстоятельства, там уже, по Еврипиду,

Железом, а не шуткой спор решается[20].

Галаксидор, однако, возразил: «С Симмием, если он сам слышал это от Сократа, я так же согласен, как и вы, Фидолай и Полимний, но то, что вы сами сказали, нетрудно опровергнуть. Подобно тому как во врачевании биение пульса служит малым знаком, много говорящим о состоянии больного, и как для кормчего крик морской птицы или прохождение бурого облачка предвещает бурный ветер и жестокое морское волнение, так для вещей души гадателя чихание или голос, вещь сама по себе ничтожная, может быть знаком чего-то важного: ведь ни в каком мастерстве не забывают о том, что малое может предзнаменовать великое и малочисленное — многое. Человек, незнакомый со смыслом письменности, видя немногие и невзрачные по форме начертания, не поверил бы, что знающий грамоту может извлечь из них сведения о великих войнах, происходивших у древних народов, об основаниях городов, о деяниях и судьбах царей, и сказал бы, что какой-то демон развертывает перед ним повествование обо всех этих делах исторического прошлого, и мы весело посмеялись бы над неразумием этого человека; смотри же, друг, как бы мы, не зная силы тех данных, которыми располагает мантика для

суждений о будущем, стали неразумно выражать неудовольствие, если осведомленный в мантике человек делает из них выводы, касающиеся будущего, и при этом утверждает, что его действиями руководит не чихание и не голос, а демон. Тут я обращаюсь к тебе, дорогой Полимний. Ты удивляешься, что Сократ, более чем кто-либо из людей очеловечивший философию устранением из нее всякой напыщенной темноты, для этого своего знака избрал название не чихания и не голоса, а какого-то трагического демона. А вот я, наоборот, удивился бы, если бы такой мастер диалектики и владения словом, как Сократ, сказал, что получает знак не от демона, а от чихания; это то же самое, как если бы кто сказал, что его ранило копье, а не посредством копья метнувший это копье человек; или что тот или иной вес измерен весами, а не сделавшим взвешивание человеком посредством весов. Ведь действие принадлежит не орудию, а человеку, который пользуется орудием для этого действия. Но, как я уже предложил, послушаем Симмия, не скажет ли он что-нибудь, зная все более точно».

13. Но тут в разговор вступил Феокрит. «Сначала,— сказал он,— уделим внимание вновь пришедшим, и особенно гостю, которого привел Эпаминонд». Действительно, оглянувшись на двери, мы увидели вошедшего Эпаминонда и с ним

его друзей Исменодора и Вакхилида, а также флейтиста Мелисса. За ними следовал гость благородной внешности, богато одетый, с чертами, выражавшими кротость и дружелюбие. Когда он уселся рядом с Симмием, Эпаминонд рядом со мной, остальные — где кому пришлось и установилась тишина, Симмий обратился к моему брату: «Теперь, Эпаминонд, скажи, как нам именовать гостя, кто он и откуда родом — таково ведь обычное начало знакомства». — «Имя этому мужу Феанор,— ответил Эпаминонд,— родом он кротониат и, принадлежа к тамошней философской школе, не посрамляет великого имени Пифагора. Теперь он предпринял дальнюю поездку сюда из Италии, чтобы благим делом завершить благое учение». Гость же, подхватив его речь, сказал: «Но ты, дорогой Эпаминонд, препятствуешь самому прекрасному делу. Ведь если похвально благотворить друзьям, то нет постыдного и в том, чтобы принимать помощь от друзей. Ведь каждое проявление дружелюбия, нуждаясь одинаково в принимающем его, как и в дающем, получает прекрасное завершение от них обоих, и кто его не примет, тот как бы упускает мимо цели превосходно направленный ему мяч. Но есть ли какая-либо цель, которой и достигнуть было бы так отрадно и мимо которой промахнуться так досадно, как достойный дружеского благодеяния человек? Ведь в других случаях не попавший в цель терпит ущерб по своей собственной оплошности, а в этом случае отклоняющий дружественное изъявление наносит обиду самой дружбе, не достигающей цели, к которой она стремилась. Тебе я уже рассказал о причинах,

побудивших меня прибыть сюда, хочу и присутствующим сказать об этом, призывая их рассудить нас с тобой. Когда в италийских городах пифагорейские власти были свергнуты восставшими, в Метапонте килоновцы[21] подожгли помещение, где происходило собрание гетерии, и в пожаре погибли все находившиеся там, кроме Филолая[22] и Лисида, которые благодаря своей молодости и силе пробились сквозь огонь. Филолай бежал в Луканию и там встретился с друзьями, которые, сплотившись против килоновцев, одержали верх над ними; где находился Лисид, долго оставалось неизвестным, пока леонтинец Горгий, возвратившись в Сицилию из поездки в Грецию, не сообщил в семействе Аркеса, что встретился с Лисидом в Фивах. Аркес, побуждаемый дружескими чувствами, готов был немедленно отплыть за Лисидом в Грецию, но старческая немощь не позволила ему сделать это самому, и он распорядился, чтобы кто-нибудь другой привез в Италию Лисида, а если его уже не будет в живых, то хотя бы его останки. Наступившие войны и государственные перевороты воспрепятствовали друзьям исполнить это при жизни Лисида. Но когда демон Лисида с достоверностью сообщил нам о его кончине, а от осведомленных людей мы узнали, какую щедрую поддержку и вспомоществование в старости получил в вашем небогатом доме Лисид, как названый отец твоих сыновей, и как он скончался, окруженный общим почитанием. И вот меня, самого молодого, послали многие старшие, обладающие богатством и желающие уделить из него тем, кто его не имеет, что и для самих дающих будет величайшим удо-

влетворением их дружеских чувств. Лисид же мирно покоится, погребенный вами, и для него отраднее прекрасной могилы помощь, оказываемая друзьям друзьями и близкими».

14. Во время речи гостя отец прослезился, вспоминая Лисида, а Эпаминонд, взглянув на меня со своей мягкой улыбкой, сказал: «Как же нам быть, Кафисий? Прогоним нашу нужду богатством и успокоимся?» — «Никоим образом,— ответил я,— не расправимся мы так с нашей "наставницей строгой"[23]. Защити же ее — тебе принадлежит слово». — «Всегда я боялся, дорогой отец,— начал Эпаминонд,— что наш дом подвержен опасности вторжения богатства с одной-единственной стороны: внешность Кафисия требовала такой одежды, в которой он мог бы покрасоваться перед своими многочисленными поклонниками; да и для успешных занятий в гимнасии, и для атлетических состязаний важно было хорошее питание; но раз уж сам он не хочет предать нашу наследственную закалку бедностью и, как он ни молод, щеголяет умеренностью и довольствуется тем, что у нас есть, то какое же употребление нашли бы мы для богатства? Может быть, мы позолотим свое оружие и разукрасим щит пурпуром в сочетании с золотом, как это сделал афинянин Никий? И купим тебе, отец, милетский плащ, а матери окаймленную пурпуром тунику? Ведь не станем же мы растрачивать полу-

ченный дар на чревоугодие, словно принимая у себя это богатство как прихотливого гостя».— «Подальше от этого, сын мой,— сказал отец,— пусть я никогда не увижу такой перемены нашего образа жизни».— «Но ведь не будем же мы сидеть дома, охраняя свое богатство: получилось бы, что подарок не принес нам ни пользы, ни удовольствия».— «Конечно».— «Вот недавно,— продолжал Эпаминонд,— многим показался грубым ответ, который я дал фессалийскому военачальнику Иасону, приславшему нам много золота с просьбой принять его в дар; я ответил, что он оскорбляет меня, гражданина свободного и самостоятельного государства, будучи сам сторонником единоличного правления и пытаясь подкупить меня. Твою же готовность помочь нам, милый гость, я принимаю и высоко ценю — она прекрасна и достойна философа,— но ты предлагаешь лекарство от несуществующей болезни. Если бы ты, узнав, что мы ведем войну, приплыл с воинской помощью, но застал нас уже заключившими мир, то не счел бы нужным оставить здесь эти военные средства не нуждающимся в них; так ты явился союзником против бедности в том предположении, что она нам докучает, в действительности же она с нами в ладу, как добрая соседка: нам не нужны деньги как оружие против нее, ничем нам не вредящей. Возвести же твоим соотечественникам, что они прекрасно пользуются своим богатством, но прекрасно обходятся здесь и их друзья своей бедностью. А за поддержку старости Лисида и за его погребение сам Лисид уже воздал нам должное как многим другим, так и тем, что научил нас не тяготиться бедностью».

15. Сразу же откликнулся Феанор: «Но если и недостойно благородного человека тяготиться бедностью, то не странно ли бояться и избегать богатства?» — «Странно,— ответил Эпаминонд,— в том только случае, если кто-либо отрекается от него не вследствие здравого рассуждения, а ради видимости и из некоего чванства или же от природной грубости».— «Но какое рассуждение,— возразил тот,— может отвратить от приобретения имущества честными и справедливыми средствами, дорогой Эпаминонд? А лучше всего скажи мне (ведь ты как-никак проявил себя в своем ответе более кротким с нами, чем с этим фессалийцем), как ты думаешь — только ли принятие денег в подарок никогда не бывает правильным, а дарение может и быть таковым, или же погрешают одинаково как дающие, так и принимающие такие подарки?» — «Никоим образом,— сказал Эпаминонд,— как и всякое дарение, приобретение может быть и предосудительным и благородным — это я считаю одинаково справедливым по отношению и к дарению и к принятию богатства».— «В таком случае, не заслуживает ли одобрения тот, кто добровольно и с радостью отдает свой долг?» Эпаминонд изъявил согласие. «Но если кто что-либо отдает, заслуживая этим похвалы, то не заслуживает ли похвалы и принимающий это? И возможно ли получение денег более справедливое, чем получение от справедливо дающего?» — «Невозможно».— «Итак, Эпаминонд, если из двух друзей один должен нечто дать, то другой должен взять это; в битве можно и уклониться от хорошо направленного удара, но в дружеском благотворении несправедливо избегать или отталкивать благородно дарящего: ведь если

бедность не тягостна, то и богатство, с другой стороны, не так бесславно и предосудительно». — «Этого я не говорю,— сказал Эпаминонд,— но возможен случай, когда отклонение дара, хотя бы и предложенного в полном соответствии с требованиями чести и совести, будет почетнее и благороднее, чем его принятие. Рассудим вместе: есть много желаний, в том числе и прирожденных, связанных с удовлетворением естественных телесных потребностей, и таких, которые можно назвать пришлыми, которые, возникнув из ложных мнений, но, почерпнув силу в дурном воспитании и укрепившись временем и привычкой, часто увлекают и обременяют душу более властно, чем необходимые. Но постоянным упражнением многие позволили разуму умерить даже врожденные страсти; а всю силу упражнения, дорогой друг, надо направить против пришлых и излишних желаний, искореняя их воздержанием, опирающимся на наставления разума. Ведь если противодействие разумного начала преодолевает даже голод и жажду, то гораздо легче обуздать сребролюбие и тщеславие, воздерживаясь от удовлетворения их побуждений и ставя им преграды до полного их уничтожения. Не так ли?» Гость изъявил согласие, и Эпаминонд продолжал: «Но не усматриваешь ли ты некоторое различие между упражнением и тем, для чего упражнение это предназначено? Подобно тому, как делом атлетики можно считать победу в борьбе за венок, одержанную над противником, а упражнением — телесную подготовку к этому с помощью гимнастических занятий, так и в делах доблести: одно — это ее проявление, другое — это подготовка к ней. Согласен ли ты с этим?» Гость ответил утвердительно.

«Тогда скажи о воздержании от постыдных и противозаконных наслаждений, считаешь ли ты его упражнением или самим делом и следствием упражнения?» — «Делом и следствием упражнения». — «А упражнение в воздержанности не в том ли состоит, что вы, возбудив у себя гимнастическими упражнениями волчий голод, долго любуетесь роскошно убранными столами и изысканными яствами, а затем предоставляете воспользоваться этим пиршеством вашим рабам, а свои уже обузданные желания удовлетворяете обычной незатейливой едой? Ибо воздержание от доступных наслаждений служит душе упражнением для того, чтобы обходиться без недоступных».— «Совершенно верно»,— подтвердил гость. «Вот так же, дорогой друг, справедливость служит защитным упражнением против корыстолюбия и сребролюбия — и состоит не в том, чтобы не вламываться по ночам к соседу, чтобы обокрасть его, и чтобы воздерживаться от грабежей, и не тот упражняется в бескорыстии, кто не продает за деньги родину и друзей (ведь в этих случаях и закон и страх препятствует такому нарушению благопристойности); но вот кто часто добровольно отстраняется от справедливых и дозволенных законом выгод, тот упражнением приучает себя оставаться всегда вдали от всякого несправедливого и противозаконного приобретательства. Ведь невозможно, чтобы остался невозмутимым среди возможных привлекательных, но предосудительных наслаждений дух, не оказавший неоднократно пренебрежение представившейся возможности вкусить дозволенное; и презреть всякое ненаказуемое дурное стяжательство нелегко тому, кто привык повиноваться наложенному извне запрету, но в ком

осталось едва преодолимое внутреннее влечение ко всякого рода выгоде, воспитанное вошедшим в обыкновение использованием каждого случая невозбраняемого обогащения. А муж, обходящийся без любезной помощи друзей и без царских подарков, отказывается и от случайных даров судьбы, которые могли бы, пробуждая в нем сребролюбие, нарушить невозмутимость его духа и заставить его уклониться в сторону от справедливости: он в спокойствии пользуется своим достоянием, руководимый стремлением к добру, находя в себе самом душевное величие и прекрасное согласие со своей совестью. Мы с Кафисием, дорогой Симмий, поклонники таких людей и поэтому просим гостя позволить нам в наших недостатках учиться такой доблести».

16. Симмий, который на протяжении этой речи моего брата два или три раза одобрительно кивнул головой, сказал: «Да, великий муж Эпаминонд, и заслуга в этом принадлежит присутствующему здесь Полимнию, который дал своим сыновьям самое лучшее философское образование. Но в спорном вопросе, дорогой гость, вы сами разберитесь между собой; а будет ли нам позволено узнать, поднимешь ли ты останки Лисида из могилы для перенесения в Италию или оставишь у нас, среди добрых друзей, которые когда-нибудь лягут рядом с ним?» На это Феанор, улыбнувшись, ответил: «Я думаю,

Симмий, что Лисиду хорошо здесь, и он, благодаря Эпаминонду, ни в чем не нуждается. Есть у пифагорейцев некоторые особые погребальные обряды, без совершения которых мы не считаем человека встретившим блаженную кончину. Когда мы из снов узнали о смерти Лисида (ибо есть признак, по которому можно различить, принадлежит ли являющийся во сне образ живому или мертвому), у многих возникло опасение, что Лисид на чужбине не встретил надлежащей заботы и что его прах надо перенести, чтобы на родине он получил то, что предписывает обряд. С этой целью я сюда и прибыл. Местные жители проводили меня к месту погребения, и я уже вчера вечером совершил возлияние, призывая душу Лисида низойти и возвестить, как надлежит далее действовать. На протяжении ночи я ничего не увидел, но показалось мне, что я слышу голос, который велит мне не двигать то, что движению не подлежит, ибо тело Лисида уже нашло благочестивую дружескую заботу, а душа уже подверглась посмертному суду и послана к другому рождению и другому демону. И действительно, встретившись утром с Эпаминондом и узнав от него, как он похоронил Лисида, я убедился, что он получил от Лисида достаточное наставление, вплоть до самого таинства, и был руководим в жизни тем же демоном, что и Лисид,— если я вправе, наблюдая плавание, прийти к заключению о кормчем. Ибо бесчисленны пути человеческой жизни, но немногочисленны те, по которым людей ведут демоны». Сказав это, Феанор поглядел на Эпаминонда, как бы снова изучая черты и выражение его лица.

17. В это время пришел врач и стал сменять повязку у Симмия, а вслед за тем вошел Филлид в сопровождении Гиппосфенида. Подозвав меня, Харона и Феокрита, он отвел нас в дальний угол перистиля с видом крайнего смущения. Когда я спросил: «Уж не случилось ли что-нибудь, дорогой Филлид?», он ответил: «Со мной ничего, Кафисий, но я и предвидел слабость Гиппосфенида, и предупреждал вас о ней, прося не приобщать его к нашему делу». Мы сильно встревожились, но Гиппосфенид сказал: «Ради богов, Филлид, не говори так. Не подменяй решимость торопливостью и не опрокидывай дело города, близкое всем нам, а предоставь изгнанникам, раз уж так указано судьбой, беспрепятственно вернуться на родину». Тут Филлид воскликнул с раздражением: «Скажи мне, Гиппосфенид, сколько у нас, по-твоему, участников, посвященных в заговор?» — «Мне известно,— ответил тот,— не менее тридцати человек». — «Как же это ты единолично отменил решение такого множества людей, послав к изгнанникам, уже находившимся в пути, конного вестника с распоряжением повернуть обратно и не предпринимать ничего в этот день, тогда как сами случайные обстоятельства благоприятствовали возвращению». При этих словах Филлида мы все сильно встревожились, а Харон, устремив на Гиппосфенида суровый взгляд, воскликнул: «Что же это ты, негодный человек, сделал с нами?» — «Ничего страшного,— спокойно ответил тот,— потрудись только, снизив свой грозный голос, вникнуть в соображения своего ровесника, так же, как и ты, отмеченного сединой. Если мы решили показать согра-

жданам отважное презрение к опасности и воодушевление, не щадящее собственной жизни, то и сегодня остается достаточно времени, чтобы, не дожидаясь вечера, обнажив мечи, выступить против тиранов: будем убивать, будем умирать, будем жертвовать собой. Но все это не так трудно и сделать и претерпеть, а трудно освободить Фивы от такой вражеской вооруженной осады и изгнать спартанский гарнизон ценой двух-трех убитых. Да и Филлид не заготовил столько вина для попойки, чтобы напоить допьяна полторы тысячи человек охраны Архея. А если даже нам удастся устранить его, то останутся бдительными ночными сторожами Гермиппид и Аркес. Что же нам торопиться звать своих друзей и близких на верную гибель? Ведь само задуманное возвращение уже не тайна для врагов. Иначе зачем феснийцам уже третьего дня было дано распоряжение быть в боевой готовности и ожидать приказа спартанских военачальников? Мне известно также, что Амфифея собираются сегодня же осудить, чтобы расправиться с ним, когда вернется Архий. Разве это не говорит ясно о том, что наши планы раскрыты? Не лучше ли нам выждать некоторое время хотя бы настолько, чтобы умилостивить богов? Ведь вещатели, принося быка в жертву Деметре, усмотрели в жертвенном пламени знаки великого смятения и опасностей, угрожающих городу. И вот что требует от тебя, Харон, величайшей осторожности. Вчера, возвращаясь со мной из деревни, Гипотодор, сын Эрианфа, хороший человек и мне близко знакомый, но не посвященный в наши дела, сказал мне: "Есть у тебя, Гиппосфенид, товарищ Харон. Я с ним незна-

ком, но ты, если найдешь уместным, посоветуй ему остерегаться опасности, которой угрожает ему привидевшийся мне минувшей ночью странный и зловещий сон. Снилось мне, будто его дом рожает, а сам он с друзьями стоят вокруг и возносят моления. Дом издает нечленораздельные звуки, будто мычание, наконец, из его внутренности вырывается страшный огонь, охватывающий большую часть города, а крепость Кадмея окутывается дымом, сквозь который огонь не пробивается". Таково было, дорогой Харон, сновидение, о котором поведал мне этот человек, я и тогда испугался, и еще больше, когда услышал сегодня, что изгнанники должны остановиться в твоем доме: боюсь, как бы мы не навлекли на самих себя больших бедствий, не причинив врагам сколько-нибудь значительного ущерба, а разве только приведя их в смятение. Ибо город в моем толковании означает нас, а Кадмея — врагов, во власти которых она находится».

18. Подхватив последние слова и упреждая Харона, который хотел что-то ответить Гиппосфениду, Феокрит воскликнул: «Да мне ничто до сих пор не внушало такой решимости в нашем деле, как это сновидение, хотя я и совершал прекрасные жертвоприношения ради дела изгнанников. Ведь яркий свет, обнявший весь город, возник в дружественном доме, а обиталище врагов было омрачено дымом, никогда

не приносящим ничего лучшего, чем слезы и смятение. Невнятные голоса, раздававшиеся с нашей стороны, означают глухой ропот подозрений и осуждения, который не воспрепятствует нашему замыслу осуществиться с успехом. А то, что жертвенные предзнаменования были не благоприятны, вполне естественно — ведь и начальствование и жертва принадлежит не народу, а тем, в чьих руках власть». Не успел Феокрит договорить, как я обратился к Гиппосфениду: «Кого ты послал к изгнанникам? Если он еще недалеко, то можно его догнать». Но Гиппосфенид ответил: «Сказать по правде, дорогой Кафисий, я не знаю, удастся ли тебе догнать человека, у которого самый быстрый конь во всем городе; вы его знаете, это начальник конюшни Мелона, и через Мелона он с самого начала осведомлен о нашем замысле». Взглянув на него, я спросил: «Не Хлидон ли это, победитель на прошлогодних скаковых состязаниях на празднике Геракла?» — «Он самый»,— подтвердил Гиппосфенид. «А кто это,— спросил я,— уже столько времени стоит там у входа и смотрит на нас?» Гиппосфенид обернулся: «Клянусь Гераклом, это Хлидон! Боги, уж не случилась ли какая беда?» А тот, заметив, что мы обратили на него внимание, нерешительно приближался. Когда Гиппосфенид кивнул ему и предложил говорить не стесняясь, так как все присутствующие — люди, посвященные в дело, Хлидон сказал: «Я и сам хорошо знаю этот дом и, не застав тебя ни дома, ни на рынке, решил направиться сюда, чтобы немедленно рассказать без утайки обо всем происшедшем. Исполняя твое распоряжение со всей поспешностью отпра-

виться навстречу возвращающимся, я пошел домой, чтобы оседлать коня. Но тут у меня не оказалось под рукой конской узды. Жена долго возилась в кладовой, делая вид, что ищет ее среди вороха вещей; и, наконец, достаточно испытав мое терпение, призналась, что накануне одолжила узду одному соседу по просьбе его жены. Когда же я в негодовании стал упрекать ее, она прибегла к отвратительному злоречию, призывая невзгоды и на мое отправление, и на возвращение,— да обратят это Зевс и боги против нее самой. Наконец, в гневе я не удержался и от побоев, сбежались соседи и соседки, все это безобразие с обеих сторон совершенно подавило меня, и я едва собрался с духом прийти к вам, чтобы просить отправить с этим поручением кого-нибудь другого — мне так дурно, что я выполнить его не в состоянии».

19. В нашем настроении произошел внезапный перелом. Вот только совсем недавно мы сокрушались по поводу препятствий, возникавших для нашего дела, а теперь, наоборот, острота положения и недостаток времени, исключавший всякую отсрочку, повергали нас в тревогу и страх. Однако я пожал руку Гиппосфениду и постарался внушить ему бодрость, говоря, что и сами боги призывают нас действовать.

После этого Филлид удалился, чтобы позаботиться о приеме и сразу же вовлечь Архия в попойку, а Харон — чтобы

подготовить все необходимое для встречи возвращающихся изгнанников. Мы же с Феокритом вновь присоединились к Симмию, чтобы использовать возможность еще поговорить с Эпаминондом.

20. Те продолжали углубленное исследование важного вопроса, поднятого Галаксидором и Фидолаем,— какова сущность и сила так называемого демона Сократа. Что ответил Симмий на речь Галаксидора, мы не слышали. Но нам он сказал, что как-то сам спросил об этом Сократа, но, не получив никакого ответа, больше не допытывался. Однако ему часто доводилось быть свидетелем того, что Сократ людей, говоривших о том, что им было явлено божественное видение, признавал обманщиками, а к тем, кто говорил об услышанном ими некоем голосе, относился с уважением и внимательно их расспрашивал. Это наблюдение побуждало нас при обсуждении между собой занимавшего нас вопроса подозревать, что демон Сократа был не видением, а ощущением какого-то голоса или созерцанием какой-то речи, постигаемой необычным образом, подобно тому как во сне нет звука, но у человека возникают умственные представления каких-то слов, и он думает, что слышит говорящих. Но иные люди и во сне, когда тело находится в полном спокойствии, ощущают такое восприятие сильнее, чем слушая действительную речь, а иногда и наяву душа едва доступна высшему воспри-

ятию, отягченная бременем страстей и потребностей, уводящих ум от сосредоточения на явленном. У Сократа же ум был чист и не отягчен страстями, он лишь в ничтожной степени в силу необходимости вступал в соприкосновение с телом. Поэтому в нем сохранялась тонкая чувствительность к внешнему воздействию, и таким воздействием был для него, как можно предположить, не звук, а некий смысл, передаваемый демоном без посредства голоса, соприкасающийся с разумением воспринимающего как само обозначаемое. Ведь когда мы разговариваем друг с другом, то голос подобен удару, через уши насильственно внедряющему в душу слова; но разум более сильного существа ведет одаренную душу, не нуждающуюся в таком ударе, соприкасаясь с ней самим мыслимым, и она отвечает ему, раскрытому и сочувствующему, своими устремлениями, не возмущаемыми противоборством страстей, но покорными и уступчивыми, как бы повинующимися ослабленной узде. И не следует удивляться этому, видя повороты тяжелых кораблей под воздействием малого кормила или движение гончарного круга, которому сообщается равномерное вращение легким касанием оконечностей пальцев: предметы неодушевленные, но гладкие и подвижные по своему устройству, покорствуют движителю при каждом его толчке; а душа человека, напряженная бесчисленными устремлениями, как натянутыми струнами, гораздо подвижнее любого вещественного орудия. Поэтому она чрезвычайно расположена к тому, чтобы под воздействием умственного прикосновения получить в своем движении уклон в сторону задуманного. Ведь именно здесь, в мыслящей части души, начала страстей и устремлений, которые, вовлекаемые в ее движение, когда

она поколеблена, уводят за собой и самого человека. Отсюда легко понять, какую силу имеет мыслительная часть: кости бесчувственны, жилы и мышцы наполнены жидкостью и вся масса составленного из этих частей тела лежит в покое, но как только в душе возникнет мысль и порыв к движению, тело пробудится и, напрягаясь во всех своих частях, словно окрыленное, несется к действию. И нет причин полагать, что трудно или невозможно постигнуть способ, каким мыслящая душа увлекает за своим порывом телесный груз. Подобно тому как мысль, даже и не облеченная в звук, возбуждает движение, так с полной убедительностью, как мне кажется, могли бы мы предположить, что ум следует водительству более высокого ума и душа — более божественной души, воздействующих на них извне тем соприкасанием, какое имеет слово со словом или свет со своим отблеском. В сущности, мы воспринимаем мысли друг друга через посредство голоса и слов, как бы на ощупь в темноте: а мысли демонов сияют своим светом тому, кто может видеть и не нуждается в речах и именах, пользуясь которыми как символами в своем взаимном общении люди видят образы и подобия мыслей, но самих мыслей не познают — за исключением тех людей, которым присущ какой-то особый, божественный, как сказано, свет. Если кто отнесется к этому с недоверием, то может почерпнуть некоторое дополнительное подтверждение в том, что происходит при звучании речи: воздух, оформленный в виде членораздельных звуков и превратившийся полностью в звучащие слова, доносит до души слушающего некую мысль. Что же удивительного, если воздух при своей восприимчивости, изменяясь сообразно с мыслями богов, отпечатывает эти мысли для выдающихся

и божественных людей? Подобно тому как удары ведущих подземные работы, доносясь из глубины, улавливаются медными щитами в форме отголоска, а помимо этого затухают незамеченными, так речи демонов, разносясь повсюду, встречают отголосок только у людей со спокойным нравом и чистой душой; таких мы называем святыми и праведниками. Простой же народ думает, что божества вещают людям только в сновидениях, если же это происходит с бодрствующими и находящимися в полном сознании, то это считают странным и невероятным: подобно тому как если бы кто считал, что музыкант, играющий на дурно настроенной лире, не сможет вовсе и прикоснуться к ней, когда она будет настроена правильно, эти люди не видят истинной причины кажущейся странности; заключается же она в их собственной настроенности и смятенности, от которой был свободен наш товарищ Сократ, как свидетельствует оракул, полученный его отцом, когда Сократ был еще ребенком; он гласил: предоставить мальчику делать все, что ему вздумается, ни в чем не насиловать и не ограничивать его наклонностей и молиться за него Зевсу Покровителю и Музам, а в остальном не беспокоиться о Сократе, ибо он в себе самом содержит лучшего руководителя жизни, чем тысячи учителей и воспитателей.

21. «Так думали мы, Фидолай, и при жизни Сократа и продолжаем думать теперь о его демоне, пренебрегая мне-

нием тех, кто говорит о голосах, чиханиях и тому подобном. А о тех мыслях, которые развивал нам по этому поводу Тимарх из Херонеи, скорее мифах, чем рассуждениях, лучше, полагаю я, умолчать». — «Никоим образом,— возразил Феокрит,— расскажи нам и это: ведь и миф, если и не вполне ясно, все же каким-то образом соприкасается с истиной. Но прежде всего скажи, кто был этот Тимарх: ведь я его не знаю». — «Понятно, Феокрит,— сказал Симмий,— он скончался совсем молодым. Перед смертью он попросил Сократа похоронить его рядом с его другом и ровесником Лампроклом, умершим за несколько дней до того сыном Сократа. Так вот, Тимарх, юноша одаренный и недавно приобщившийся к философии, пожелал узнать, какую силу скрывает в себе демон Сократа. Не сообщая об этом никому, кроме меня и Кебета, он опустился в пещеру Трофония[24], совершив все установленные в этом святилище обряды. Две ночи и один день он провел под землей. Многие считали его уже погибшим и близкие оплакивали его, но вот он утром вернулся очень радостный. Поклонившись богу и едва пробившись сквозь окружившую его толпу любопытствующих, он рассказал нам много такого, что вызывает удивление не только у зрителя, но и у слушателя.

22. Опустившись в подземелье, он оказался, так рассказывал он, сначала в полном мраке. Произнеся молитву,

он долго лежал без ясного сознания, бодрствует ли он или сон видит: ему показалось, что на его голову обрушился шумный удар, черепные швы разошлись и дали выход душе. Когда она, вознесясь, радостно смешивалась с прозрачным и чистым воздухом, ему сначала казалось, что она отдыхает после долгого напряженного стеснения, увеличиваясь в размере, подобно наполняющемуся ветром парусу; затем послышался ему невнятный шум чего-то пролетающего над головой, а вслед за тем и приятный голос. Оглянувшись вокруг, он нигде не увидел земли, а только острова, сияющие мягким светом и переливающиеся разными красками наподобие закаливаемой стали. Число их казалось бесконечным, а величина огромной, но не одинаковой, очертания же у всех были округлые. Слышалось, как на их круговое движение эфир отзывается мелодическим звучанием: благозвучие этого голоса, возникающего изо всех отдельных звучаний, соответствовало плавности порождающего их движения. Посредине же между ними простиралось море или озеро, которое светилось красками, переливавшимися сквозь прозрачное сияние. Некоторые из островов перемещались по поверхности, имея самостоятельное движение, но большинство из них плыли, увлекаемые общим круговым течением воды. Глубина же моря была кое-где значительная, особенно в южном направлении, а кое-где виднелись мели и броды. Во многих местах вода выходила из берегов и отступала обратно, но большого прилива нигде не было. Цвет воды местами был чистый морской, местами же замутненный, напоминавший болото. Кружась

вместе с течением, острова не возвращались на прежнее место, а шли параллельно, несколько отклоняясь, так что при каждом обороте описывали спираль. Море, заключенное между островов, составляло немного меньше восьмой части целого — так казалось Тимарху; и было у него два устья, из которых било пламя навстречу водным токам, так что синева на большом пространстве бурлила и пенилась. Все это ему было радостно созерцать. Обратив же взгляд вниз, он увидел огромное круглое зияние, как бы полость разрезанного шара, устрашающе глубокое и полное мрака, но не спокойного, а волнуемого и готового выплеснуться. Оттуда слышались стенания и вой тысяч живых существ, плач детей, перемежающиеся жалобы мужчин и женщин, разнообразные невнятно доносившиеся из глубины шумы, и все это его поразило немалым страхом. По прошествии некоторого времени кто-то невидимый обратился к нему со словами: "О Тимарх, о чем ты хочешь спросить?" Он ответил: "Обо всем, разве не все удивительно?" — "Но от земных дел,— возразил тот же голос,— мы далеки, это область других богов; а удел Персефоны, к которому мы причастны, один из тех четырех, которые обтекает Стикс, тебе, если хочешь, позволено рассмотреть". Когда же он спросил, что это Стикс, то получил ответ: "Это путь в область Аида, он в своем обходе касается и света и отграничивает последнюю часть целого от остального. Есть четыре начала всего: первое — жизни, второе — движения, третье — рождения, последнее — гибели. Связывает же первое со вторым Монада соответственно невидимому, второе с третьим —

Разум соответственно солнцу, третье с четвертым — Природа соответственно с луной. На каждом соединении восседает как его хранительница дочь Ананки[25] Мойра: на первом Атропа, на втором — Клото и на обращенном к луне — Лахеса, от которой зависит жизненный путь всякого рождения. Все прочие острова несут богов, луна же, несущая земных демонов, избегает Стикса, несколько возвышаясь над ним, но настигается при каждой сто семьдесят седьмой мере. И когда приближается Стикс, души в страхе подъемлют стенание, ибо многие из них похищает Аид, стоит им только поскользнуться. Прочие же подплывают снизу к луне, которая уносит их вверх, если им выпал срок окончания рождений; но тем, которые не очистились от скверны, она не дает приблизиться, устрашая их сверкающими молниями и грозным мычанием, так что они, горько жалуясь на свою участь, несутся снова вниз для другого рождения, как ты и видишь".— "Но я вижу только множество звезд,— сказал Тимарх,— которые колеблются вокруг зияющей пропасти и одни в ней тонут, другие оттуда выскакивают".— "Не понимаешь ты,— вещал голос,— что видишь самих демонов. Вот как это обстоит. Всякая душа причастна к разуму, и нет ни одной неразумной и бессмысленной, но та часть ее, которая смешается с плотью и страстями, изменяясь под воздействием наслаждений и страданий, утрачивает разумное. Но смешение с плотью не у всех душ одинаково: одни полностью погружаются в тело и, придя в смятение до самой глубины, всю жизнь терзаемы страстями; иные же, частично смешавшись, самую чистую

часть оставляют вне смешения; она не дает себя увлечь, а как бы плавает сверху, только касаясь головы человека, и руководит жизнью души, поскольку та ей повинуется, не подчиняясь страстям. И вот часть, погруженная в тело и содержащаяся в нем, носит название души, а часть, сохраненную от порчи, люди называют умом и считают, что он находится у них внутри, как будто бы то, что отражено в зеркале, действительно там существовало; но те, что понимают правильнее, говорят о демоне, находящемся вне человека. Узнай, Тимарх,— слышалось ему далее,— что звезды, которые кажутся угасающими,— это души, полностью погружающиеся в тело, а те, которые вновь загораются, показываясь снизу и как бы сбрасывая какое-то загрязнение мрака и тумана,— это души, выплывающие из тел после смерти; а те, которые витают выше,— это демоны умудренных людей. Попытайся же рассмотреть связь, соединяющую каждого с его душой". Услыхав это, он внимательно вгляделся в колеблющиеся, одни слабее, другие сильнее, звезды, напоминавшие в своем движении те пробки, которые, плавая на поверхности моря, показывают расположение рыболовных сетей; иные же уподоблялись веретенам с неправильно намотанной пряжей, которые не могут сохранить прямолинейное направление, а отклоняются от оси вращения туда и сюда. Голос же объяснил: "Звезды, имеющие прямое и упорядоченное движение, принадлежат душам, хорошо воспринявшим воспитание и образование, у которых и неразумная часть свободна от чрезмерной грубости и дикости; а те, которые смятенно отклоняются то вверх, то вниз, словно ста-

раясь освободиться от связывающих их пут, борются со строптивым и не поддающимся воспитанию нравом и то одолевают его и направляют в здоровую сторону, то склоняются под бременем страстей и впадают в порочность, но снова восстают и продолжают борьбу. Ибо связь с разумом подобно узде, направляющей неразумную часть, вызывает в ней раскаяние в совершенных проступках и стыд за противонравственные и неумеренные наслаждения: обузданная присутствующим в ней самой властвующим началом, душа испытывает боль, пока она не станет послушной и не будет без боли и ударов воспринимать каждый знак подобно прирученному зверю. Такие души лишь медленно и с трудом обращаются к должному состоянию. А от тех душ, которые от самого рождения охотно покорствуют своему демону, происходит род боговдохновенных и прорицателей. Ты, конечно, слыхал о Гермодоре из Клазомен, душа которого совсем покидала тело и посещала как ночью, так и днем много различных мест, а затем возвращалась, многое повидав и многого наслушавшись, пока жена не выдала его тайну и враги, захватив бездушное тело Гермодора, не сожгли его вместе с домом. Но это неверно: душа его не выступала из тела, а, ослабляя свою связь с демоном, предоставляла ему свободный выход и странствование, так что он мог ей поведать обо всем виденном и слышанном. Уничтожившие же тело покоившегося Гермодора несут наказание в Тартаре еще и поныне. Все это,— продолжал голос,— ты узнаешь точнее, о юноша, через три месяца. Теперь же удались". Когда голос умолк, Тимарх захотел обер-

нуться, чтобы увидеть, кто был говоривший, но тут он снова почувствовал сильную боль, как будто его голову крепко сдавили, и он на краткое время потерял сознание того, что с ним происходит, а затем, очнувшись, увидел себя лежащим в пещере Трофония недалеко от входа— там же, где он ранее лег.

23. Таков рассказ Тимарха. Вернувшись в Афины, он на третий месяц, как предсказал ему явленный голос, скончался. Когда мы рассказали об этом удивительном случае Сократу, он упрекнул нас, что мы не сделали это ранее, еще при жизни Тимарха: он хотел бы услышать все от него самого и расспросить его подробнее.

Вот тебе, дорогой Феокрит, вместе с рассуждением и миф. Но не думаешь ли ты, что нам следует приобщить к нему и нашего гостя? Ведь предмет исследования как нельзя более близок боговдохновенным мужам». — «А что же,— отозвался тот,— Эпаминонд не выскажет нам свое мнение? Ведь он отправляется от тех самых начал, что и мы». Тут наш отец с улыбкой заметил: «Такой уж у него характер, дорогой гость: он молчалив и сдержан в речах, но готов без конца учиться и слушать. Спинтар из Тарента, близко знающий его по давней дружбе, говорит, что никогда на своем веку не встречал человека с большими знаниями и столь неразго-

ворчивого. Так что ты сам изложи нам, что ты думаешь о сказанном».

24. «Думаю,— сказал Феанор,— что рассказ Тимарха заслуживает быть посвященным богу как священный и неприкосновенный. Меня удивит, если кто отнесется с недоверием к тому, что передает о нем Симмий: странно, допуская существование священных лебедей, драконов, собак и лошадей, отрицать возможность людей божественных и боголюбивых, считая в то же время бога не птицелюбцем, а человеколюбцем. Подобно тому как любитель лошадей не всем своим лошадям уделяет равную заботу, но, выбрав среди них лучшую, упражняет, и кормит, и опекает особо, так и существа, стоящие выше нас, отмечают из множества людей лучших и удостаивают их особого усиленного руководительства, направляя их не уздой и поводами, а знаниями, воспринимаемыми разумом. Для большинства эти знаки вовсе невнятны: ведь и большинство собак не понимает охотничьих знаков, и большинство лошадей — наездничьих, а обученные, услыхав знакомый свист или прищелкивание, сразу же выполняют приказ, заключенный в этом знаке. Различие, о котором мы говорим, знает, по-видимому, и Гомер: одних прорицателей он называет птицегадателями и жрецами, о других же говорит, что они предсказывают будущее, слыша и понимая голоса беседующих богов:

Сын Приамов, Гелен-прорицатель, почувствовал духом
Оный совет, обоим божествам совещавшим приятный[26],

и

Слышал я голос такой небожителей вечно живущих[27].

Подобно тому как о намерениях и распоряжениях царей и военачальников далекие от власти люди узнают через объявления глашатаев, огненные сигналы и звуки труб, а своим приближенным и доверенным они сообщают об этом сами, так и божество лишь изредка и с немногими вступает в непосредственное общение, а остальному множеству подает знаки, на которых основана так называемая мантика. Боги украшают жизнь только немногих людей, тех, кого они пожелают сделать поистине блаженными и сопричастными божественности; а их души, освобожденные от рождения и не связанные с телом, как бы обретшие полную свободу, становятся демонами — хранителями людей, как говорит Гесиод[28]. Атлеты, по старости прекратившие свои упражнения, не утрачивают духа соревнования и любви к телесным состязаниям, они рады видеть других участвующих в борьбе, поощряют их сочувственными возгласами и как бы бегут рядом с ними; так и те, которые, выйдя из жизненных состязаний по своей душевной высоте, стали демонами, не совершенно презирают земные дела, речи и стремления, но в своей благосклонности к тем, кто направляется к одной с ними цели, соревнуют им, воодушевляют и ободряют их, когда видят их уже близкими к осуществлению надежды и почти касающимися меты. Не всем людям сопутствует помощь демона. Когда пловцы находятся еще

вдали в море, то находящиеся на берегу только молча следят за ними, но когда те приблизились, то подбегают, входят в воду, протягивают им руки, подбодряют их голосом. Так же действует и божество: пока мы погружены в деятельность и переходим из одного тела в другое, словно из повозки в повозку, оно предоставляет нам вести необходимую борьбу, пытаясь сохранить себя собственными силами и достигнуть гавани. И если душа, беспорочно и безотказно пройдя в тысячах воплощений длительную борьбу, по истечении периода возгорится честолюбивым стремлением вверх, то божество не возбраняет демону помочь ей и отпускает тяготеющего к этому демона; тяготеет же этот к спасению одной, тот — другой; и душа либо соглашается с ним при встрече и находит свое спасение, либо не соглашается, и тогда демон оставляет ее в неблагополучии».

25. Когда Феанор закончил свою речь, Эпаминонд, обернувшись ко мне, сказал: «Тебе, Кафисий, подошло время отправиться в гимнасий, чтобы не заставлять товарищей ждать тебя. А мы позаботимся о Феаноре, когда придется завершить наше собеседование». — «Это так,— ответил я,— но вот Феокрит, кажется, хочет кое о чем переговорить с тобой вместе со мной и Галаксидором». — «В добрый час, прошу его»,— сказал Эпаминонд и, поднявшись, проводил нас в угол портика. Мы окружили его и стали уговаривать при-

нять участие в нашем деле. Он ответил, что вполне осведомлен о дне возвращения изгнанников и договорился с Горгидом и друзьями быть наготове к этому дню; но он никогда не согласится убить без суда кого бы то ни было из граждан без крайней к тому необходимости, тем более что для Фив важно, чтобы были люди, не причастные к происшедшему, советы которых могут встретить больше доверия со стороны народа как направленные к общей пользе. Мы с этим согласились, и он вернулся к Симмию и другим, а мы ушли в гимнасий, где встретились с друзьями. Выбрав каждый себе противника, мы во время самой борьбы успели обменяться соображениями, относящимися к нашему делу. Видели мы также Архия и Филиппа с их сообщниками — все они, закончив гимнастические упражнения, направлялись на обед; Филлид, опасаясь, как бы тираны еще до обеда не успели казнить Амфифея, сразу же после проводов Лисанорида, пожав руку Архию, подал ему надежду, что на пиршестве будет присутствовать женщина, близости которой он добивался, и тем побудил его предаться беспутству вместе со своими всегдашними собутыльниками.

26. Было уже поздно и поднявшийся ветер принес сильное похолодание, поэтому на улицах было безлюдно. Мы встретили и проводили Дамоклида, Пелопида и Феопомпа, другие — других; при переходе через Киферон они рассеялись, и наступившая непогода позволила всем закутать

лица, так что они без опаски шли по городу. Некоторым у самых городских ворот блеснула справа молния без грома, и это было воспринято как доброе знамение, сулящее сохранность, славу и блистательный успех в начатом деле.

27. Когда мы все в числе сорока восьми человек собрались <*в доме Харона*>, а Феокрит в отдельном помещении уже совершал жертву, раздался сильный стук в дверь, и появился раб с сообщением, что в ворота стучатся двое посланцев Архия, настоятельно требуя открыть им и негодуя на промедление. Встревоженный Харон распорядился тотчас же впустить их и сам вышел навстречу, с венком на голове, как будто его застали во время пиршества после жертвоприношения. На его вопрос, чего от него требуют, один из посланцев ответил: «Архий и Филипп послали нас передать тебе приказание немедля явиться к ним». Когда же он спросил, не вызвана ли такая спешка чем-либо чрезвычайным, то ему ответили: «Мы ничего об этом не знаем. Что же передать от тебя?» — «Клянусь Зевсом,— сказал Харон,— я только отложу венок и надену гиматий[29] и пойду вслед за вами: ведь если мы будем идти вместе, то люди встревожатся, думая, что я арестован». — «Хорошо,— был ответ,— ведь и мы должны еще передать приказ правителей пригородным караулам». С этим они ушли, а нас, когда Харон, вернувшись, рассказал обо всем, охватил страх при мысли, что наш заговор раскрыт. Многие думали, что Гиппосфенид, после того как не удалась

его попытка задержать возвращение изгнанников и наступил решающий момент, из трусости выдал наш план и встретил доверие у правителей. И действительно, он не пришел в дом Харона, как другие, да и вообще казался от природы малодушным и непостоянным. Но как бы то ни было, все мы решили, что Харону надлежит явиться, повинуясь приказу властителей. Тогда Харон призвал своего сына, прекраснейшего из всех фиванских юношей, дорогой Архидам, усерднейшего в гимнастических упражнениях, пятнадцатилетнего, но выделяющегося ростом и силой среди своих сверстников, и сказал: «Вот, друзья, как вы знаете, мой единственный, горячо любимый сын. Передаю его всем вам с таким зароком перед лицом богов и демонов: если я окажусь нечестным по отношению к вам, то убейте его безо всякой пощады. В остальном же, дорогие друзья, будьте стойки в нашей борьбе, не допустите, чтобы презренные враги предали ваши тела бесславному истреблению, но сохраните для родины непобежденными до конца ваши души». Мы преклонились пред благородным и доблестным образом мыслей Харона, но с негодованием отвергли предположение о нашем недоверии и распорядились увести юношу. «Да и вообще,— сказал Пелопид,— мы думаем, что ты неправильно рассудил, дорогой Харон, не отослав сына куда-нибудь в другой дом: зачем подвергать его опасности быть захваченным вместе с нами? Хотя бы сейчас отправь его куда-нибудь, чтобы у нас остался, если мы потерпим неудачу, благородный мститель против тиранов».— «Никоим образом,— отвечал Харон,— и он останется здесь и будет разделять с вами все опасности: ведь не годится и ему отступать перед врагами. Будь доблестнее своего возраста, сын мой,

приобщись к отважной борьбе честных граждан за свободу и справедливость. Мы надеемся на лучшее и верим, что боги покровительственно взирают на нашу борьбу за правое дело».

28. Слезы выступили у многих из нас, дорогой Архидам, при этих словах Харона, сам же он, твердый и спокойный, поручив своего сына Пелопиду, направился к выходу, пожимая руку каждому из нас со словами одобрения. Еще больше восхитился бы ты спокойствием и пренебрежением к опасности, которые проявил сын Харона: как некий Неоптолем, он не оробел и не изменился в лице, а извлек из ножен меч Пелопида и внимательно его рассматривал. В это время к нам в дом Харона пришел один из наших друзей, Кефисодор, сын Диогейтона, вооруженный мечом и с железным панцирем под одеждой. Узнав от нас, что Харон был вызван Архием, он упрекнул нас в медлительности и настоятельно советовал сейчас же направиться в известные нам дома — так мы застигнем противников врасплох; а если они, предупрежденные о заговоре, уже успели выступить против нас, то выгоднее встретиться с ними, неподготовленными к стычке под открытым небом, чем дожидаться, запершись в тесном помещении, пока нас не извлекут оттуда, словно пчелиный рой. На том же настаивал и прорицатель Феокрит, так как жертвенные предзнаменования у него были благоприятны и сулили полный успех.

29. Пока мы вооружаемся и готовимся к выходу, возвращается Харон. С радостной улыбкой он призывает нас хранить бодрость духа: не произошло ничего страшного, дело продвигается своим порядком. «Архий и Филипп,— сказал Харон,— услыхав, что я пришел по их вызову, уже изрядно выпившие и расслабленные и телесно и душевно, с трудом поднялись со своих мест и подошли к дверям. “До нас дошел слух,— сказал Архий,— что изгнанники тайно вернулись и скрываются в городе”. Сильно встревожившись, я спросил: “Где же они и кто это?” — “Не знаем,— ответил Архий,— и поэтому-то мы тебя и вызвали — не слыхал ли ты об этом чего-либо определенного”. Я несколько оправился от своего ошеломления, сообразив, что точного донесения не было и нас не выдал кто-либо, причастный к делу, иначе им был бы известен и дом, где мы собрались, и следовательно, до них донесся только бессодержательный слух, передававшийся в городе. Поэтому я сказал, что еще при жизни Андроклида, как мне известно, ходили такие пустые слухи, сильно докучавшие нам. “Теперь же,— сказал я,— ничего такого я не слыхал, дорогой Архий. Но я тщательно расследую это, раз ты приказываешь, и если узнаю что-нибудь заслуживающее внимания, то это и вам станет известно”. — “Вот именно, Харон,— вмешался и Филлид,— ничего не оставь без внимательного расследования. Не будем пренебрегать ничем, везде будем осмотрительны. Великое дело благоразумие и осторожность”. Тут, взяв Архия под руку, он пошел с ним в зал пиршества. Не будем же медлить, друзья, помолимся богам, и в путь».

Так сказал Харон. Мы помолились и еще раз обменялись друг с другом словами ободрения.

30. Было обеденное время. Ветер усилился и принес снег, смешанный с изморосью. Мы шли по безлюдным переулкам — те, которые направлялись против Леонтида и Гипата, живших по соседству друг от друга, одетые в гиматии и вооруженные одними только кинжалами (среди них были и Пелопид, и Дамоклид, и Кефисодор), а Харон, Мелон и те, которые вместе с ними были отряжены против Архия и его ближайшего окружения, в полупанцирях под одеждой и с густыми венками на голове, у одних из еловых, у других из пихтовых ветвей; иные были одеты в женские хитоны, чтобы придать всему шествию внешность пиршественного шествия с участием женщин. И вот тут, дорогой Архидам, коварная судьба, словно желая уравнять шансы в столкновении бездеятельности и беспечности наших врагов с нашей отвагой и проницательностью, с самого начала осложнила действие драмы опаснейшим эпизодом, внеся в наше дело нечто неожиданное. После того как Харон, успокоив Архия и Филиппа с их сообщниками, вернулся домой и приготовил нас к выступлению, Архию было доставлено из Афин письмо от его тезки, друга и гостеприимца жреца Архия, сообщавшее о возвращении изгнанников, о доме, где они находятся, о заговоре и о его участниках. Но Архий был уже несколько пьян и так поглощен ожи-

данием прихода женщин, что когда доставивший письмо объявил, что оно касается важного дела, ответил: «Важные дела отложим до завтра». С этими словами он положил письмо под подушку, потребовал наполнить ему кубок и не переставая посылал Филлида к дверям посмотреть, не идут ли женщины.

31. В этом приятном ожидании и продолжалась попойка. А мы тем временем вошли в дом, протолкались сквозь толпу рабов и остановились в дверях комнаты, где шло пиршество, оглядывая каждого из возлежавших: все окружающие хранили спокойствие, обманутые нашими венками и одеждой. Но когда Мелон с мечом в руке устремился вперед, Кабирих, архонт[30] по жребию, схватив его за плечо, воскликнул: «Филлид, да это Мелон!» Но тот, оттолкнув его, бросился с обнаженным мечом на едва поднявшегося с ложа Архия и стал наносить ему удары, пока не убил. Филиппа же Харон ранил в шею, и когда тот стал обороняться бывшими у него под рукой кубками, Лисифей бросил его с ложа на пол и тут же прикончил. Кабириха мы пытались уговорить отказаться от поддержки тиранов и примкнуть к борцам за освобождение родины, как это подобает его священному сану, обязывающему служить ей. Но его уже и вино лишило способности принять разумное решение, и он в возбужденном смятении стал сопротивляться, угрожая копьем, которое у нас, по обычаю, носят архонты. Я перехватил копье посередине и, подняв его над

головой, закричал, чтобы он выпустил его и убирался прочь, иначе будет убит; но Феопомп, подойдя с правой стороны, сразил его мечом со словами: «Лежи здесь вместе с теми, к кому ты подольщался. Не тебе носить венок в победоносных Фивах, не тебе приносить жертвы богам, к которым ты взывал, совершая молебствия о поражении родины и успехе ее врагов». Священное копье подхватил Феокрит, спасая его от пролитой крови, а немногих слуг, пытавшихся оказать сопротивление, мы перебили, остальных же заперли в зале, чтобы они не разгласили о происшедшем, пока мы не узнаем, удачно ли закончилось также и выступление наших товарищей.

32. А там события шли таким образом. Пелопид с товарищами, незаметно подойдя к дому Леонтида, постучался в ворота. Подошедшему привратнику они сказали, что прибыли из Афин с письмом к Леонтиду от Каллистрата. Когда привратник, возвестив об этом и получив приказание открыть вход, отодвинул засов и приоткрыл створки ворот, подошедшие, опрокинув его, ворвались и бегом достигли жилого помещения. Леонтид, сразу правильно поняв происшедшее и схватившись за кинжал, приготовился к обороне. Это был безнравственный тиран, но мужественный и сильный боец. Он не счел достойным опрокинуть светильник и в темноте привести в замешательство нападающих, а, стоя в открытых дверях и видимый всеми, нанес кинжалом удар в живот Ке-

фисодору, а затем бросился на Пелопида, криком призывая в то же время своих слуг. Но тем преградили путь Самид с товарищами, и они не решились вступить в бой с выдающимися и знаменитыми своей доблестью гражданами. К тому же поединок между Пелопидом и Леонтидом происходил в самых дверях, перед которыми лежал тяжело раненный Кефисодор, так что никто не мог приблизиться к сражающимся. Наконец Пелопид, легко раненный в голову, но успевший нанести и противнику несколько ран, опрокинул его и заколол рядом с умирающим Кефисодором. Тот еще увидел павшего врага, пожал руку Пелопиду и при последнем дыхании приветствовал остальных. Покончив с этим, они обращаются против Гипата. Там им также были открыты двери, и Гипата убивают при попытке по крыше бежать к соседям.

33. Оттуда они поспешили к нам, и мы встретились с ними на улице у многоколонного портика. Поздоровавшись и рассказав о происшедшем, они пошли вместе с нами к тюрьме. Вызвав начальника стражи, Филлид сказал ему: «Архий и Филипп приказывают тебе немедля послать к нам Амфифея». Тот, удивленный и необычностью времени для такого распоряжения, и тем, что его передает Филлид, не имеющий на то полномочий и к тому же разгоряченный и возбужденный происшедшим, заподозрив обман, спросил: «Филлид, когда это полемархи в такое время вызывали к себе заключенных?

И когда передавали такой вызов через тебя? И какое при тебе удостоверение?» Филлид ответил: «Вот мое удостоверение», — и с этими словами, вонзив ему между ребер свое всадническое копье, сразил его насмерть. Еще и на следующий день женщины, отплевываясь, попирали ногами труп этого негодяя. А мы, взломав дверь тюрьмы, вызывали по имени — прежде всего Амфифея, а затем и остальных заключенных, кому из нас кто был близок; и те, слыша знакомые голоса, радостно вскакивали со своей подстилки, влача за собой цепи, иные же, с колодками на ногах, громко умоляли не покидать их, протягивая к нам руки. К освобождению закованных присоединились уже многие из живших поблизости, с радостью прибежавшие при вести о происшедшем. И женщины, услыхав что-нибудь о своих близких, выбегали из дому одна к другой, вопреки фиванским обычаям, останавливали встречных с расспросами, а встретившая своего отца или мужа шла сопровождая его, и никто этому не препятствовал: таково было общее уважение к чувствам и слезам благородных женщин.

34. В это время я узнал, что Эпаминонд и Горгид с друзьями находятся у храма Афины, и отправился к ним. Туда же пришли и многие другие граждане, и собравшихся становилось все больше. Когда я подробно рассказал им обо всем происшедшем и призвал на городскую площадь, чтобы завершить начатое нами, они дружно подняли клич за свободу,

обращенный ко всем гражданам. Создавались отряды, оружие для которых нашлось на складах и в соседствующих с ними мастерских оружейников. Пришел и Гиппосфенид с друзьями и рабами, сопровождаемый также несколькими трубачами, которые по случаю предстоящего празднования Гераклей[31] прибыли в город. Тотчас же они — одни на площади, другие в других местах — стали подавать трубные сигналы, создавая впечатление, что поднялся весь город, и устрашая противников. Поэтому остававшиеся в городе сторонники спартанской партии бежали в Кадмею, уводя с собой и так называемых выборных, которые обычно несли ночную стражу у крепости. Когда к спартанцам, занимавшим крепость, присоединилась толпа беспорядочно бежавших и оттуда видно было, что и площадь, и остальные части города заполнены вооруженными гражданами и отовсюду доносились воинственные возгласы, то они не решились на вылазку, хотя их было почти полторы тысячи, ссылаясь на то, что Лисанорид в этот день был в отсутствии. За это спартанский совет старейшин, как мы узнали позднее, подверг многих из них большому денежному штрафу, а Гермиппид и Аркес были тогда же схвачены в Коринфе и казнены. Кадмею же спартанцы по договору вернули нам и вывели оттуда свои воинские силы.

Примечания

[1] Сюжетной основой диалога является рассказ о свержении олигархии в Фивах. В 382 г. до н. э. спартанцы, приглашенные сторонниками олигархии Архием, Леонтидом и Филиппом, захватили фиванскую цитадель Кадмею. Сторонники демократии — Пелопид, Мелон, Ференик, Андроклид и др. — бежали в Афины. Вскоре, связавшись со своими сторонниками в Фивах — Хароном, Филлидом и др., они стали готовить переворот. В начале зимы 379 г. до н. э. приготовления были закончены; назначив день, Пелопид и его спутники проникли в город и убили олигархов. Несколько позже к ним присоединился Эпаминонд со своим отрядом. Вскоре была освобождена и Кадмея. Обстоятельства переворота

Плутарх описывает в данном диалоге в основном так же, как в биографии Пелопида (гл. VII—XII).

[2] I Истмийская ода, 2.

[3] *Лисид* — пифагореец, учитель Эпаминонда.

[4] Имеются в виду афинские политические деятели, настроенные демократически или антиспартански. *Фрасибул* — вождь демократов, способствовал низвержению Тридцати тиранов в 403 г. до н. э. *Конон*, командуя персндским флотом, нанес спартанцам поражение в 393 г. до н. э. *Архин* — известный оратор, сторонник Фрасибула, склонный к умеренной политике.

[5] *Исмений* — вождь антиспартанской партии в Фивах.

[6] *Симмий* — вероятно, Симмий Фиванский, ученик Сократа, действующее лицо ряда диалогов Платона.

[7] Далее в рукописи пропуски, содержание которых восстанавливается примерно таким образом: «Подобным врачом и является Эпаминонд. Он противник беззакония и кровопролития и готов на все ради безопасности отчизны». *Амфион* — легендарный фиванский царь, сын Зевса и нимфы Антиопы. Он обладал волшебным искусством игры на лире, подарке Аполлона (или Гермеса). Задумав укрепить город, Амфион своей игрой заставлял камни сами собой укладываться в стены.

[8] Текст испорчен.

[9] *Алкмена* — супруга фиванского героя Амфитриона, мать Геракла. В Фивах (как и во многих других городах) существовал культ Алкмены и ее мнимое погребение. *Алей* — герой восточно-

аркадского пантеона, основатель города Тегеи, прародитель рода Алеадов. Жители города Галиарта (в Центр. Беотии), возможно, почитали его как второго мужа Алкмены. Вполне вероятно также, что под именем Алея в Галиарте мог почитаться Радамант (сын Зевса, судья в царстве мертвых) (см. «Лисандр», гл. XXVIII).

[10] *Дирка* — супруга легендарного фиванского царя Лика, задумавшая погубить Антиопу, мать Зета и Амфиона. Раскрыв этот замысел, братья казнили Дирку, привязав ее к рогам быка. *Гиппарх* — начальник конницы.

[11] *Пепарет* — остров в Эгейском море неподалеку от Эвбеи.

[12] *Евдокс Книдский* (ок. 408—355 до н. э.) — известный математик и астроном. Известно о его научных контактах с Платоном.

[13] *Мелет* — один из обвинителей Сократа.

[14] Мантика — искусство прорицания.

[15] Ил. X, 279; Од. XIII, 301.

[16] Ил. XIX, 95.

[17] *Кебет Фиванский* — ученик Сократа, автор несохранившихся сократических диалогов.

[18] *Делий* — святилище Аполлона на побережье Беотии, против Эвбеи. В 424 г. до н. э. афиняне захватили Делий, но затем были разбиты фиванцами. В этой битве участвовали Сократ и Алкивиад, проявившие большое мужество при отступлении (см.: Платон, Пир, 219 d сл.).

[19] *Лахет* — афинский стратег, погибший в 418 г. до н. э. в битве при Мантинее.

[20] Из утраченной драмы Еврипида.

[21] *Метапонт* — город на юге Италии. На рубеже V—IV вв. до н. э. пифагорейские общества в Италии были разгромлены (в городах Метапонте, Фуриях, Регии, Кротоне и др.) сторонниками Килона из Кротона.

[22] *Филолай из Кротона* (или Тарента) — философ-пифагореец, современник Сократа; известен как систематизатор пифагорейского учения.

[23] Од. IX, 27.

[24] *Трофоний* считался сыном Зевса или Аполлона. Оракул его существовал неподалеку от беотийского города Лебадеи.

[25] *Ананка* — богиня неотвратимой судьбы, Необходимость.

[26] Ил. VII, 44—45.

[27] Ил. VII, 53.

[28] Труды и дни, 122 сл.

[29] *Гиматий* — верхняя одежда, плащ.

[30] *Архонт* — высшее должностное лицо. Должность Кабириха, видимо, соответствовала афинскому архонту — басилею, в обязанность которого входило совершение публичных жертвоприношений.

[31] *Гераклеи* — празднества в честь Геракла.

Об Эроте

Перевод *Я. Боровского*

Участники диалога:
Ф л а в и а н, А в т о б у л.

1. Ф л а в и а н. Ты говоришь, Автобул, что речи об Эроте, которые ты, по нашей просьбе, намерен теперь передать нам — то ли по записи, то ли запомнив их по частым рассказам твоего отца, были произнесены на Геликоне?

А в т о б у л. На Геликоне, Флавиан, у самих Муз, на празднестве Эрота в Феспиях: феспийцы каждый пятый год справляют с большой торжественностью и блеском празднества в честь как Муз, так и Эрота.

Ф л а в и а н. Так знаешь, о чем все мы, пришедшие послушать, хотим попросить тебя?

Автобул. Не знаю, но узнаю, если вы скажете.

Флавиан. Отбрось на сегодня эти эпические луга и тенистые рощи, а с ними и тропы, осененные плющом и вьюнком, и все, без чего не могут обойтись авторы, берущиеся за подобный предмет и с большим усердием, чем изяществом списывающие у Платона его Илисс[1], и вербену, и плавный подъем холма, поросший мягкой травой.

Автобул. Нуждается ли мой рассказ в таком предисловии, милый Флавиан? Вопрос, из которого возникли эти речи, по своей возвышенности требует трагического хора и сцены, и сама обстановка содержит в себе все начала драмы. Помолимся же только матери Муз[2] быть к нам благосклонной и помочь мне сохранить все в моем повествовании.

2. Это было давно, еще до моего рождения. Мой отец и мать вскоре после женитьбы, вследствие неладов между их родителями, приехали в Феспии для жертвоприношения Эроту. Отец привел мать на празднество, так как именно от нее должна была исходить молитва и жертва. Из Херонеи его сопровождали близкие друзья, а в Феспиях он встретил Дафнея, сына Архидама,— этот Дафней был влюблен в Лисандру, дочь Симона, и имел наибольший успех среди всех сватавшихся к ней,— и приехавшего из Титоры[3] Соклара, сына Аристиона. Были там и тарсиец Протоген, и македонянин

Зевксипп, связанные с отцом гостеприимством; присутствовало также, по словам отца, большинство видных беотийцев.

Два или три дня они провели в городе, спокойно ведя философские беседы в палестрах и встречаясь в театре: но потом, избегая докучного состязания кифаредов, предвестника склок и интриг, все отступили, словно под неприятельским натиском, и расположились на Геликоне рядом с Музами.

На следующее утро к ним присоединились Антемион и Писий, люди весьма достойные, но несколько настроенные друг против друга, так как соперничали в соискании благосклонности Вакхона, по прозванию Красавец.

Тут надо пояснить, что в Феспиях проживала Исменодора, женщина богатая и знатная, и притом, клянусь Зевсом, примерного образа жизни: вдовствуя уже немалое время, она не навлекла на себя ни единого упрека, хотя была молода и красива. Вакхон был сыном ее близкой приятельницы, и она задумала женить его на одной девушке, состоявшей с ней в родстве. Но частые встречи и разговоры с юношей пробудили в ней чувство к нему. Слыша и говоря о нем много хорошего и видя, что многие почтенные люди добиваются его дружбы, она влюбилась и, не имея каких-либо дурных помыслов, вознамерилась открыто вступить в брак и начать совместную жизнь с Вакхоном. Однако этот план показался необычным и странным, и мать Вакхона находила опасным неравенство общественного положения сторон в таком браке. К тому же отпугивали Вакхона от женитьбы и некоторые его товарищи по охоте, подшучивая над несоответствием их воз-

растов, и эти шутки оказывали на него более сильное действие, чем серьезные доводы, так как он, будучи еще эфебом, стеснялся женитьбы на вдове. Однако он, оставив в стороне всех остальных, просил Писия и Антемиона высказаться, что они сочтут более правильным. Антемион был двоюродный брат Вакхона, старший по возрасту, а Писий — самый серьезный из поклонников, и по этой причине он заявил, что, высказываясь за брак, Антемион приносит юношу в жертву Исменодоре. Антемион же отвечал, что Писий, заслуживая одобрения во всем прочем, в этом вопросе уподобляется недоброжелательным любовникам, лишая своего друга домашнего очага, брачного союза и благосостояния, чтобы только тот как можно дольше обнажался в палестре, блистая своей нетронутой молодостью.

3. И вот, чтобы, постепенно разгорячаясь, не дойти до взаимного раздражения, они явились к моему отцу и его друзьям с просьбой быть у них как бы третейскими судьями; и, как будто по заранее подготовленному решению, на стороне одного из спорящих оказался Дафней, а на стороне другого Протоген.

Итак, Протоген стал безо всякой сдержанности поносить Исменодору. «Клянусь Гераклом,— воскликнул Дафней,— чему после этого можно удивляться, если среди нас находится,

чтобы воевать с Эротом, Протоген, у которого всякая шутка и всякое серьезное дело имеет началом и целью Эрота, который ради Эрота

и отчизну и разум забыл?[4]

Ведь если Лаия его медлительный Эрот увел[5] только на пять дней пешего пути от его родины, то твой,

трепеща быстрыми крылами[6],

летит за море из Киликии в Афины, чтобы выслеживать красавцев». И действительно, такова, в сущности, была у Протогена причина путешествия.

4. Окружающие засмеялись, Протоген же ответил: «Так ты полагаешь, что я воюю с Эротом, а не сражаюсь за Эрота против распущенности и нечестия, которые насильственно прикрывают самыми красивыми и торжественными именами постыднейшие действия и страсти?» На это Дафней возразил: «Ты, значит, называешь постыднейшим действием сочетание мужчины и женщины, священнее которого нет и не может быть никакого другого соединения?» — «Действительно,— сказал Протоген,— законодатели справедливо превозносят это соединение как необходимое для продолжения человеческого рода и прославляют его перед толпой. Но у истинного

Эрота нет ничего общего с гинекеем, и я утверждаю, что отношение к женщинам или девушкам тех, кто к ним пристрастился, так же далеко от Эрота, то есть любви, как отношение мух к молоку или пчел к сотам или поваров к откармливаемым ими в темноте телятам и птицам, к которым они не испытывают никаких дружественных чувств.

Но подобно тому, как влагаемое в нас природой влечение к хлебу и другой пище ограничено мерой достаточности, а излишество в этом получает название обжорства, или чревоугодия, так женщина и мужчина от природы нуждаются в даваемом ими друг другу удовлетворении, но если ведущее к этому влечение достигает такой силы, что становится яростным и неудержимым, то не подобает давать ему имя Эрота. Эрот, соприкоснувшись с молодой и одаренной душой, приводит ее к добродетели по пути дружбы; а желания, устремленные на женщину, в лучшем случае завершаются преходящим телесным наслаждением. В этом смысл ответа, который был дан Аристиппом человеку, жаловавшемуся, что Лаида его не любит. "Я знаю,— сказал Аристипп,— что вино и рыба меня не любят, и, однако, я с удовольствием пользуюсь тем и другим". Ведь цель желания — наслаждение и удовлетворение. А Эрот, утратив ожидание дружбы, не желает оставаться прежним и ублажать цветущую молодость, раз она не воздает ему душевным расположением, основанием для дружбы и добродетели.

Ты помнишь обращенные к жене слова трагического персонажа:

Готов легко терпеть я даже ненависть,
когда за то корысти ожидать могу[7].

Нисколько не более причастен Эроту тот, кто не из корысти, а ради полового удовлетворения терпит дурную и бессердечную жену. Так комик Филиппид, высмеивая ритора Стратокла, сказал:

...поцеловать в затылок не дотянешься.

Если и такое душевное состояние приходится назвать Эротом, то это Эрот поддельный и незаконный, как бы низводящий гинекей до Киносарга[8]. Или точнее: подобно тому как только горный орел — настоящий, тот, которого Гомер называет "черным" и "ловчим"[9], а другие — низкопородные, питающиеся по болотным местам рыбой и непроворными птицами и в поисках пропитания часто издающие какие-то жалобные крики,— так и Эрот подлинный только один, обращенный к мальчикам, не "блистающий огнем желания", как сказал о любви к девушкам Анакреон, не "надушенный и наряженный", а простой и неиспорченный, каким ты увидишь его в философских собеседованиях в гимнасиях и палестрах, в поисках молодых людей, достойных того, чтобы обратиться к ним с настойчивым благородным призывом к добродетели.

Но другого Эрота, расслабляющего и домоседствующего, близкого к женским уборам и ложам, ищущего изнеженности, развращенности и недостойных мужа наслаждений, чуждого дружбы и божественного огня, необходимо отвергнуть, как и отверг его Солон: он запретил рабам любить мальчиков

и заниматься гимнастикой, но не препятствовал их общению с женщинами, исходя из того, что дружба есть нечто прекрасное и гражданственное, а наслаждение — нечто пошлое и неблагородное. Поэтому и любовь рабов к мальчикам не может быть благородной: это только телесное сочетание, как и любовь женщин».

5. Протоген хотел бы и продолжать свою речь, но его прервал Дафней. «Клянусь Зевсом,— сказал он,— хорошо, что ты упомянул о Солоне: его надо привлечь как образцового носителя Эрота,

> пока он среди любезных цветов юности знает
> любовь мальчика,
> желая его бедер и сладостных уст[10].

Присоединим к Солону и Эсхила, который говорит:

> ...забыт тобою нежных чресл почет твоих
> и крепкое забыто лобызание.

Иные, вероятно, насмехаются над этими поэтами, которые заставляют влюбленных, как жрецов и гадателей, рассуждать о "бедрах" и "чреслах". Но я усматриваю здесь важнейшее свидетельство по вопросу о любви к женщинам. Ведь если противное природе общение с мужчинами не устраняет дру-

жеского расположения и не вредит ему, то согласное с природой общение с женщинами должно в еще большей мере через благосклонность вести к дружескому расположению. Ведь словом "благосклонность", Протоген, древние обозначали согласие женщины на общение с мужчиной; так, Пиндар говорит, что Гефест родился от Геры "без Харит"[11]; Сапфо с такими словами обращается к девушке, еще не достигшей брачного возраста:

...ты показалась мне маленькой девочкой, чуждой Харитам.

А Гераклу в одной трагедии задают вопрос:

Ты силою добился благосклонности?[12]

Но когда мальчики, либо подвергаясь разбойному насилию, либо добровольно, в силу собственной развращенности, позволяют, как выражается Платон, "покрывать и засевать себя наподобие четвероногих"[13], то такая "благосклонность" не только не содержит ничего благого, но безобразна и чужда Афродиты.

Думаю поэтому, что Солон написал те стихи еще в молодости, "отягченный обилием семени", по выражению Платона[14], состарившись же, он говорит иначе:

Дороги мне Киприды дары, дары Диониса,
Дороги Музы, что нам отдых и радость несут;

он как бы нашел в браке и философии успокоение после волнений и бурь любви к мальчикам.

Итак, Протоген, если рассудить по правде, то надо признать, что любовь к мальчикам и любовь к женщинам происходит от одного и того же Эрота. Если же ты, не желая уступить в споре, настаиваешь на их различении, то окажется, что этот обращенный на мальчиков Эрот заслуживает порицания: появившись на свет поздно, как бы у престарелых родителей, незаконный и темного происхождения, он воздвигает гонение на законного и старшего Эрота. Совсем недавно он проник в гимнасии вслед за обычаем обнажаться при телесных упражнениях, проталкиваясь среди мальчиков и мимоходом обнимая их за плечи, понемногу отрастил крылья, и вот его уже не сдержать, и он бранит и поносит брачного Эрота, хранителя бессмертия человеческого рода, передающего светоч жизни от поколения к поколению.

Этот незаконный Эрот отрекается от наслаждения: стыд и страх заставляют его искать благопристойное объяснение для своего пристрастия к молодым и красивым. И вот таким предлогом становится для него дружба и добродетель. Он покрывается пылью палестры, омывается холодной водой, нахмуривает брови и громогласно объявляет, что занимается философией и соблюдает целомудрие в соответствии с законом; но вот ночью, без помех —

сладка добыча, если страж глаза сомкнул[15].

Если же, как говорит Протоген, с мальчиками не происходит плотское общение, то как возможен Эрот там, где нет Афродиты, которую он волею богов призван почитать и ко-

торая уделяет ему от своего достоинства и силы? А если и есть какой-то Эрот без Афродиты, подобно тому как существует опьянение без вина, вызываемое напитком из фиг или ячменя, то он будет способен только возбуждать, не принося плода и завершения, а только пресыщение и отвращение».

6. Слушая это, Писий явно раздражался против Дафнея и, когда тот приостановился, воскликнул: «Клянусь Гераклом, какое легкомыслие и какая дерзость! Люди, уподобляясь собакам, которых их пол привязывает к самке, переселяют бога из гимнасиев, портиков и освещенных солнцем мест философских собеседований в притоны, с их бритвами и притираниями общедоступных женщин: ведь честным женщинам, конечно, не подобает ни влюбляться, ни быть предметом влюбленности».

Тут, вспоминал мой отец, он сам, прикоснувшись к руке Протогена, сказал:

> «То слово изощрило рать аргивскую[16].

Клянусь Зевсом, Писий, забыв всякую меру, заставляет нас стать на сторону Дафнея. Ведь он устраняет из брачного общения любовь и делает его непричастным к вдохновляемой божеством дружбе; а тогда, без порождаемых Эротом доверия и приязни, целость брака поддерживается, словно ярмом и уздой, только стыдом и страхом».

Писий заметил: «Для меня этот довод имеет мало значения. С Дафнеем же происходит то, что мы наблюдаем у меди, которая не так легко плавится непосредственно от огня, как от раскаленной текучей меди: если подлить ее, то вместе с ней разжижается и начинает течь и твердая медь. Подобно этому и на Дафнея не столь действует красота Лисандры, но то, что, давно встречаясь с другом, который воспламенен и полон огня, он и сам загорается и несомненно сгорит, если не найдет спасения у нас.

Но я вижу,— добавил он,— что происходит то, к чему более всего стремился бы Антемион: я задеваю наших судей. Поэтому умолкаю». — «И прекрасно,— сказал Антемион,— надо было с самого начала ближе придерживаться нашего вопроса».

7. «В таком случае объявляю,— сказал Писий,— что с моей стороны нет возражений против того, чтобы в каждую женщину был кто-нибудь влюблен. Но богатство этой женщины заключает в себе опасность для юноши. Как бы мы, одарив Вакхона знатностью и роскошью, не утопили незаметно олово в меди. Было бы, в его возрасте, большей удачей, если бы, женившись на простой и скромных достатков женщине, он сохранил бы преобладание в этом союзе, как вино в смешении с водой. Но мы видим, что Исменодора хо-

чет распоряжаться и властвовать: иначе она не отвергла бы женихов такой знатности и богатства, предпочтя им юношу, едва оставившего хламиду эфеба и еще нуждающегося в руководстве.

Поэтому благоразумные люди сами отбрасывают излишнее богатство жен, как бы подстригая крылья, порождающие важность и пустое тщеславие, а то и позволяющие улететь. Да если это и не произойдет, то лучше быть связанным золотыми оковами, как в Эфиопии[17], чем богатством жены».

8. «Но ты не упомянул,— сказал Протоген,— что мы рискуем внести неуместное и смешное изменение в совет Гесиода:

> Тридцать годов для женитьбы тебе достаточный возраст.
> Дева же, в пору придя, пусть на пятый год
> встретится с мужем [18].

А мы свяжем молодого и незрелого человека с женщиной на столько же лет старшей, уподобляясь тем, кто пытается прививкой ускорить созревание фиников или фиг. "Но она пылает любовью". Кто же препятствует ей устраивать ночные шествия к его дверям, петь грустные серенады, украшать гирляндами его портреты, сражаться с соперниками? Ведь все это признаки влюбленности. И пусть она нахмурится,

перестанет роскошествовать и примет обличье, свойственное ее возрасту.

Если же у нее есть совесть и понимание приличия, то пусть она спокойно сидит дома, дожидаясь сватающихся и добивающихся ее взаимности. А от женщины, заявляющей о своей влюбленности, каждый скорее убежит с отвращением, чем сочтет такую распущенность основанием для того, чтобы вступить с ней в брак».

9. Когда Протоген закончил свою речь, отец сказал: «Видишь, Антемион, они опять вводят общий вопрос и заставляют коснуться его нас, не уклоняющихся от того, чтобы объявить себя поборниками супружеского Эрота?» — «Клянусь Зевсом,— сказал Антемион,— это так. Разверни же теперь против них шире защиту Эрота. И окажи также помощь богатству, которым особенно запугивает Писий».

«Какое же обвинение,— сказал отец,— мы сочтем невозможным выдвинуть против женщины, если отвергнем Исменодору за ее любовь и богатство? Она недоступна и богата. Но что, если она вдобавок молода и красива? Что, если она знатного происхождения? И разве женщины строгой жизни с их суровостью и насупленностью не обладают злобным и невыносимым нравом, разве они не заслуживают прозва-

ний фурий, вымещающих на мужьях свою строгую жизнь? Так не лучше ли привести себе в жены какую-нибудь фракиянку Абротонон[19] или милетянку Вакхиду[20] без брачной обрядности, а просто купив ее на рынке и осыпав ее орехами[21]? Ведь мы знаем многих, которые постыдно рабствовали у таких жен. Самосские флейтистки и танцовщицы, Аристоника[22], Энанта с ее бубном, Агафоклея[23] попирали ногами царские диадемы. Сириянка Семирамида была служанкой и наложницей воспитанного в царском доме раба. Встретившись с ней, великий царь полюбил ее, и она приобрела над ним такую власть, что отважилась на дерзкую просьбу — предоставить ей хотя бы на один день, восседая на троне в царской диадеме, распоряжаться государственными делами. Царь согласился и приказал всем служить и подчиняться ей так же, как ему самому. И она в своих первых распоряжениях соблюдала умеренность, испытывая телохранителей; когда же увидела, что они беспрекословно и незамедлительно повинуются, она приказала схватить Нина[24], затем заключить его в оковы и, наконец, убить; а совершив все это, она с блеском царствовала в Азии много лет. Ради Зевса, разве не была рабыней-варваркой, купленной на рынке, и Белестиха[25], которой влюбленный в нее царь посвятил в Александрии храмы с надписью: "Афродите Белестихе"? А та, которая здесь разделяет с Эротом храм и божеское почитание и которой в Дельфах воздвигнута позолоченная статуя наравне с царями и царицами[26], — каким приданым она так покорила своих возлюбленных?

Но если эти люди по собственной слабости незаметно для самих себя стали добычей женщин, то другие, будучи бедняками и сочетавшись с богатыми и знатными женщинами, не развратились и не утратили своего достоинства, а встречали со стороны жен покорность, основанную, однако же, на взаимном уважении. А тот, кто доводит жену до скудости, стесняя ее, словно кольцо, чтобы оно не соскользнуло со слишком тощего пальца, уподобляется коневодам, которые состригают кобылам гривы, а затем ведут их к реке или озеру: видя свое отражение обезображенным, каждая кобыла, говорят, смиряет свою надменность и принимает случку с ослом.

Итак, искать богатства в браке, пренебрегая добродетелью и происхождением жены, низко и недостойно свободного человека, а избегать богатства при наличии добродетели и знатности глупо.

Антигон в послании к начальнику гарнизона у Мунихии[27], закончившему укрепление этого пункта, писал, что надо не только сделать крепким ошейник, но и собаку заставить отощать, имея в виду ограничение ресурсов афинян. И мужу богатой или красивой женщины подобает стремиться не к тому, чтобы она стала некрасивой или бедной, а к тому, чтобы самому сравняться с ней, противопоставляя ее преимуществам свою умеренность, благоразумие и отсутствие рабского преклонения перед ней; так он достигает того, что чаши весов сравняются и он сможет руководить своей женой по справедливости и с пользой.

И со стороны возраста нет препятствий для брака, если исходить из того, что его условием должна быть способность женщины родить и иметь потомство: как известно, Исменодора находится в самом расцвете молодости». Тут он с улыбкой посмотрел на Писия и сказал: «Ведь она моложе любого из ее соперников, и у нее нет седины, как у некоторых поклонников Вакхона. Если они не слишком стары, чтобы общаться с Вакхоном, то и ей ничто не мешает позаботиться о юноше лучше самой молодой девушки. Ведь в юности труднее преодолевается несходство характеров, и проходит немало времени, пока сглаживаются возникающие расхождения и обиды, а вначале все полно волнений и порывов уйти из общей упряжки, особенно если вмешается Эрот, который угрожает, как буря, опрокинуть корабль супружеского благополучия: кормчего нет, а из самих супругов каждый управлять не может, а быть управляемым не хочет.

Если же управляет младенцем кормилица, ребенком — учитель грамоты, эфебом — гимнасиарх[28], юношей — его поклонник, а человеком зрелого возраста — закон и стратег, так что никто не оказывается безначальным и вполне самостоятельным, то что удивительного, если благоразумная жена как старшая руководит жизнью молодого мужа, полезная ему своим жизненным опытом и милая любовью и душевной склонностью?

Наконец,— сказал отец в заключение,— мы как беотийцы должны почитать Геракла и не сетовать по поводу несоответствия возраста вступающих в брак, помня, что Геракл

оставил свою жену Мегару Иолаю[29], когда тому было шестнадцать лет, а ей тридцать три года».

10. Так шли у них разговоры, как рассказывал отец, когда из города прискакал к ним верхом знакомый Писия, чтобы сообщить о неожиданном происшествии.

Исменодора, уверенная, как можно предположить, что Вакхон не против их брака и только стесняется тех, кто его отговаривает, решила не упустить юношу. Призвав к себе тех из друзей, которых она считала наиболее смелыми и способными оказать содействие, а также близких ей женщин, она выждала час, когда Вакхон обычно, возвращаясь из палестры, проходил мимо ее дома. И вот на этот раз, когда он, по окончании упражнений, приблизился, сопровождаемый двумя или тремя товарищами, Исменодора встретила его у дверей и только коснулась его хламиды. Тут же его все подхватывают, живехонько завертывают в хламиду, да еще в плащ двойной ширины, вносят в дом и запирают двери на засов. А там женщины без промедления стащили с него хламиду и одели его в свадебный гиматий; а рабы, бегая вокруг домов Исменодоры и Вакхона, украшали их двери зеленью оливы и лавра, и по переулку с музыкой шествовала флейтистка.

Среди граждан и гостей Феспий одни смеялись, другие негодовали, взывая к гимнасиархам, в обязанности которых

входит строжайший надзор над эфебами и их поведением. О состязаниях никто и не вспоминал, все покинули театр, а у дверей Исменодоры шло громкое обсуждение происшедшего, а иногда и возникали ожесточенные споры.

11. Когда знакомый Писия, продолжал отец, прискакал, словно с военной вестью, и в смятении рассказывал о похищении Вакхона Исменодорой, Зевксипп засмеялся и, как знаток Еврипида, продекламировал:

В богатстве смертной доли не забудь, жена[30].

Писий же, вскочив с места, воскликнул: «О боги, где же предел подрывающей наш город распущенности? Здесь вольнолюбие уже переходит в беззаконие. Впрочем, не смешно ли говорить о нарушении законов и справедливости, когда сама природа попирается произволом женщины. Видано ли нечто подобное на Лемносе?[31] Пойдем, пойдем, передадим женщинам и гимнасий и Совет, раз уж город пришел в окончательный упадок».

Сказав это, Писий ушел, а за ним последовал и Протоген, отчасти разделяя его негодование, отчасти стараясь его успокоить.

Антемион заметил: «Вот дерзостный поступок, поистине достойный Лемноса, поступок женщины, одержимой —

мы можем это сказать между собой — непреодолимой страстью».

На это с улыбкой возразил Соклар: «Так ты думаешь, что тут действительно похищение и насилие, а не хитрая уловка разумного юноши, решившего вырваться из объятий своих поклонников и перебежать на сторону красивой и богатой женщины?» — «Не говори так, Соклар,— отвечал Антемион,— и отбрось эти подозрения против Вакхона. Ведь если бы даже он не был от природы так прямодушен и прост, то от меня он не скрыл бы этого, делясь со мной и всеми другими своими помыслами и зная, что в этом деле я самый искренний приверженец Исменодоры. С Эротом — а не "с сердцем", по слову Гераклита,— "бороться трудно: за то, чего он добивается, он отдаст и жизнь", и деньги, и добрую славу. Кто в нашем городе благонравнее Исменодоры? Когда коснулось ее злословие, когда пало на ее дом подозрение в чем-либо дурном? Поистине, приходится допустить, что эта женщина подверглась какому-то внушению свыше, превосходящему силу человеческого разума».

12. В разговор вступил Пемптид. «Есть ведь и телесная болезнь,— сказал он, улыбаясь,— называемая священной; ничего странного, если также и исступленнейшую душевную страсть иные назовут священной и божественной.

В Египте я как-то присутствовал при споре двух соседей, которым пересекла дорогу проползшая между ними змея: оба признали ее за доброго демона, но каждый хотел считать его своим; так и из вас одни ведут Эрота в места мужских собраний, а другие — в гинекей, но те и другие признают его за великое и божественное благо. Если эта страсть имеет такую силу и важность, то не удивительно, что ее возвеличивают и чтят те, кому подобало бы изгонять ее отовсюду и бороться с ней. Я до сих пор молчал, потому что спор велся более вокруг частных, чем общих вопросов, но теперь, после ухода Писия, я был бы рад услышать от вас, чем были принуждены счесть Эрота богом те люди, которые впервые пришли к этой мысли».

13. Такой вопрос задал Пемптид, и отец начал отвечать ему, когда из города прибыл второй гонец, посланный Исменодорой за Антемионом: в Феспиях продолжалось смятение, и не было согласия между самими гимнасиархами — одни считали необходимым затребовать Вакхона обратно, другие же советовали не вмешиваться.

Антемион поднялся и ушел, а отец снова обратился к Пемптиду. «Ты, Пемптид,— сказал он,— коснулся очень большого и трудного вопроса, можно даже сказать, что ты колеблешь непоколебимые основания наших понятий о богах, требуя

для них отчета и доказательства. Достаточно унаследованной от предков древней веры, для которой ты не найдешь более убедительного подтверждения,

> хотя бы все напряг ты силы разума[32].

Эта вера — опора и основа всего нашего благочестия, и если она подорвана и потеряла устойчивость в чем-то одном, то и вся становится зыбкой и полной сомнений.

Ты, конечно, знаешь, какой шум поднялся, когда Еврипид начал свою "Меланиппу" таким стихом:

> Зевс, кто ты, только понаслышке знаю я[33].

Но, получив вторично хор — ибо он очень дорожил этой трагедией, написанной в великолепном панегирическом стиле,— он изменил этот стих так, как он читается теперь:

> Зевс — так вещает голос древней истины...

Какая же разница, относится ли к вере в Зевса, или в Афину, или в Эрота то, что мы станем подвергать сомнению или отрицанию? Ведь не впервые ныне Эрот требует алтаря и жертвоприношения, он не пришелец, воспринятый нами от варварского суеверия, как какие-нибудь Аттисы и Адонисы[34], тайком пробравшиеся к нам под покровительством полумужей и женщин и присвоившие себе не подобающие им почести, за что они должны были бы подвергнуться судебному преследованию.

Когда Эмпедокл говорит о дружбе:

Разумом видима только она, а глазам недоступна,—

то это же надо отнести и к Эроту: он имеет не зримый, а только умопостигаемый образ, наравне с наиболее древними богами.

Если ты для каждого из них будешь добиваться доказательств существования, если будешь исследовать все священное и к каждому алтарю подходить с философской проверкой, то ни один из этих богов не останется за пределами твоих придирчивых подозрений. Не буду уклоняться далеко.

Величье Афродиты кто постигнуть мог[35]?
Она всему на свете процветание,
Ее творенье все, что на земле живет[36].

Совершенно справедливо назвал ее Эмпедокл "дарящей жизнь", а Софокл — "благоплодной". И однако же великое и удивительное дело Афродиты является и делом сопутствующего ей Эрота, без соучастия которого оно теряет всякую привлекательность, оставаясь

далеким от любви и почитания[37].

Действительно, чуждое Эроту телесное общение, имея своим пределом удовлетворение потребности, подобное удовлетворению голода и жажды, не приводит ни к чему прекрасному; но благодаря Эроту богиня, устраняя пресыщение, приносит дружескую любовь и душевное единение. Поэтому Парменид в "Происхождении мира" говорит об Эроте как о старшем среди всех порождений Афродиты:

Первым Эрота она породила, древнейшего бога.

Гесиод же с большей, по-моему, философской глубиной называет Эрота старейшим из всех вообще богов, причастным к рождению всего существующего[38].

Итак, если мы лишим Эрота приносимых ему почестей, то не останутся незатронутыми и почести Афродиты. И тут нельзя ссылаться на то, что некоторые бранят Эрота, но воздерживаются от нападок на Афродиту; так с одной и той же трагической сцены мы слышим:

Эрот бездельник — божество бездельников[39],—

а вместе с тем:

Киприда, дети,— это не только Киприда,
она может быть носительницей и многих других имен:
она и Аид, она и неистребимая жизнь,
она и исступленная Лисса[40].

Так и среди прочих богов нет, пожалуй, ни одного, который избегнул бы злословия со стороны злословящего невежества. Обратимся к примеру Ареса, как бы занимающего на чертеже противоположное Эроту место: сколько почестей уделяют ему люди, и ему же приходится слышать столько порицаний:

Слепой Арес с обличьем вепря дикого
какие беды нам сулит, о женщины![41]

Гомер называет его перебежчиком и запятнанным кровью[42]. Хрисипп, рассуждая об его имени, вводит в свое объяснение

злой смысл: он называет Ареса "убийцей"[43], и по этому пути идут те, которые полагают, что "Арес" — это наименование буйственного, раздражительного и злобного начала в нашей природе. Другие скажут, что Афродита — это любовное желание, Гермес — слово, Музы — искусства, Афина — разум. Ты видишь, какая пропасть безбожия разверзается перед нами, если мы сведем каждого бога к олицетворению той или иной из наших страстей, способностей или добродетелей».

14. «Я это вижу,— отвечал Пемптид,— но нечестиво не только считать богов нашими страстями, но и обратное — считать наши страсти богами». Тогда отец спросил: «Что же, считаешь ли ты Ареса богом или нашей страстью?» И когда Пемптид ответил, что Ареса, поддерживающего в нас гневливость и мужественность, он принимает за бога, отец воскликнул: «Значит, Пемптид, то, что в нас является началом буйства, воинственности, раздоров, имеет своего бога, а начало дружбы, общительности, сближения божеству непричастно? И когда люди убивают друг друга, то за ними: за их оружием, сражениями у стен, уводом добычи — имеет наблюдение какой-то бог Эниалий или Стратий[44], судья и вершитель, а когда мы стремимся к душевной близости, завершающейся брачным общением, то нет бога, который был бы нашим свидетелем, надзирателем, руководителем и помощником?

Охотящимся на ланей, зайцев и оленей сопутствует с кличем некая богиня Агротера, а те, кто ловит волков и медведей при помощи хитрых приспособлений — подкопов и тенет,— обращаются с молитвой к Аристею[45],

> кто для зверей ловушки первым устроил[46].

У Эсхила Геракл, намереваясь застрелить птицу, призывает в помощники другого бога:

> Феб-дальновержец, ты направь стрелу мою[47].

А человека, добивающегося самой прекрасной добычи — любви, не направляет и не поддерживает ни один бог, ни один демон? Я думаю, что ни дуб, ни оливы, ни виноградная лоза, которую Гомер почтил названием "укрощенной", не превосходят, милый Дафней, красотой и достоинством человеческое растение, которое черпает силы своего развития в просвечивающей в нем свежести и красоте как тела, так и души».

15. «Ради богов,— откликнулся Дафней,— кто же думает иначе?» — «Да все те, клянусь Зевсом,— сказал ему отец,— кто, допуская, что богам присуща забота о пахоте, посеве и выращивании урожая (ведь существуют же, по Пиндару, некие нимфы дриады,

которым выпал жребий равного с деревьями века,
деревьям же увеличивает многорадостный
Дионис священный блеск процветания),

думают, что никого из богов или демонов не касается забота о воспитании и образовании сменяющих друг друга урожаев детей и юношей, что нет бога, который имел бы попечение довести растущего человека до добродетели и не позволил бы ему уклониться или отойти от добрых задатков в его природе вследствие дурного окружения и отсутствия руководителя.

Но неприятно и стыдно даже говорить об этом, когда мы на каждом шагу встречаемся с человеколюбивой заботой божества, предусматривающего удовлетворение всех наших потребностей, в том числе и тех, в которых больше необходимости, чем красоты. Так уже само наше рождение, в крови и муках, лишенное благообразия, все же имеет божественных покровителей Илифию и Лохию[48]. Без попечительства этих бодрых защитников было бы, пожалуй, лучше не родиться вовсе, чем родиться безобразным. И в болезни человека не покидает бог, ведающий этой областью, и даже после смерти, когда его защитником, успокоителем и проводником становится бог, говорящий о себе:

Не врачевание, не лира, не пророчества,
удел мой — души мертвых провожать в Аид[49].

Но покровительство этого рода заключает в себе нечто зловещее; а можно ли назвать дело более священное и состязание более заслуживающее иметь бога своим распорядите-

лем и судьей, чем эти заботы, связанные с соисканием благосклонности прекрасных молодых людей под руководством Эрота: в этом нет ничего постыдного или вызванного низменной необходимостью. Здесь только убеждение и обаяние, приносящее поистине "сладостный труд" и "благотомительное утомление"[50] и ведущее к добродетели и дружбе не "мимо от богов"[51] завершаемым, а имеющим своим руководителем и владыкой самого бога Эрота, товарища Муз, Харит и Афродиты. Он сочетает самое отрадное с самым прекрасным,

в сердце посеяв желанье, дающее сладкую жатву,

согласно Меланиппиду[52]. Выскажемся ли мы об этом както иначе, Зевксипп?»

16. «Нет, клянусь Зевсом,— отозвался тот,— только так. Противоположное мнение было бы нелепо». — «Нелепо,— добавил отец,— еще и следующее. Уже древние различали четыре рода близости в человеческих отношениях — близость по крови, близость гостеприимства, близость товарищеская и близость эротическая. Каждый из этих родов имеет своего бога-покровителя — либо дружбы, либо гостеприимства, либо кровной близости, и только эротический род, словно получив неблагоприятное предзнаменование, остается лишенным божественной заботы и управления, тогда как

именно он более всех в этом нуждается».— «Да,— сказал Зевксипп,— есть и в этом величайшая непоследовательность».

«Но здесь,— сказал отец,— наше рассуждение подходит, хотя и вскользь, к некоторым мыслям Платона.[53] Есть безумие, насылаемое на душу некими дурными смешениями вредных телесных соков,— тяжелая и опасная болезнь; но есть и другое безумие, источник которого не внутри, а вне нас: это некое проникающее в нас вдохновение, которое овладевает нашим разумом, сообщая ему движение высшей силы. И подобно тому как исполненный духа получает наименование "мужественный", а исполненный мысли — "разумный", так это состояние души, которой овладела божественная сила, носит название "вдохновение". Прорицательная сторона вдохновения восходит к одержимости Аполлона, а вакхическая к Дионису.

Вступите в хоровод с корибантами[54],—

говорит Софокл: ибо служение Великой Матери и Пану причастно вакхическому исступлению.

Третье безумие охватывает нежную и чистую душу от Муз, подвигая ее на поэтическое и мусическое творчество. И каждому очевидно, от какого бога исходит воинственное исступление,

чуждое хорам и кифарам, порождающее слезы
и громкий плач в народе[55].

Но остается еще один вид исступления, отчуждающий человека от его обычного душевного состояния с величайшей силой, и о нем, Дафней, я хочу задать вопрос Пемптиду...[56]

"Кто из богов подъемлет благоплодный тирс"[57], знаменующий наиболее язвительное и горячее вдохновение, которое обращено к добрым юношам и целомудренным женщинам?

Ведь мы видим воина, который, отложив в сторону свои доспехи, отрешился и от воинственного исступления:

Покорился Атрид, и клевреты
весело с плеч Менелая оружия светлые сняли[58],

он сидит как посторонний наблюдатель подвигов других; необузданные пляски вакхантов и корибантов затихают и успокаиваются, как только музыканты оставили трохеический ритм и фригийский лад; точно так же и Пифия, сойдя со вдохновляющего ее треножника, обретает полное успокоение. Но любовное безумие, раз оно охватило и воспламенило человека, не прекратит никакая Муза, никакой чарующий напев, никакая перемена места: влюбленные и в присутствии прекрасного предмета их любви находят в нем отраду, и в отсутствии тоскуют по нем, и днем преследуют, и ночью поют у его дверей, и трезвые призывают, и в застолье приветствуют.

Сказанное кем-то о созданиях поэтического воображения, что они могут быть названы снами бодрствующих людей, с большим основанием можно отнести к воображению влюбленных, которые, находясь вдали от своих возлюбленных, разговаривают с ними как с присутствующими, приветствуют их, обращаются к ним с упреками. Ведь наше зрение все остальные образы вписывает в память как бы водяными красками, и они скоро бледнеют и исчезают, и только образы лю-

бимых, как вписанные восковой краской, сохраняются навсегда живыми, движущимися, говорящими.

Римлянин Катон говорил, что душа влюбленного живет в душе любимого. Я же сказал бы, что в душе влюбленного присутствует вся душа любимого, вся его жизнь, характер и действия и благодаря этому влюбленный легко сокращает долгий путь, подобно киникам, которые говорят, что нашли "верный и скорый путь к добродетели". Ведь душа быстро приходит к дружбе и добродетели, как бы несомая на волне страсти вместе с богом.

Подводя итог, я скажу, что не без участия божества преисполняет восторг души влюбленных и не иной является их покровителем и направителем, как тот, которому мы посвящаем нынешнее празднование и приносим жертву.

Но так как мы различаем богов преимущественно по их силе и полезности, соответственно с тем, что и среди человеческих преимуществ мы выделяем как наиболее божественные царственность и добродетель, рассмотрим сначала, не уступает ли Эрот в силе кому-либо из богов.

Великую силу победы всегда одерживает Киприда[59],—

говорит Софокл; велика и мощь Ареса; но в этих богах мы некоторым образом наблюдаем те две силы, которые в той или иной мере уделены и остальным богам: одна из них направлена на сближение с прекрасным, другая — на противодействие злому, и обе изначала врожденны нашей душе, как это развивает Платон в своем учении об идеях.

Установим же сразу, что цена делу Афродиты, когда в нем не участвует Эрот, одна драхма и что юноша, не будучи влюбленным, не стал бы переносить труды и опасности ради чувственного наслаждения.

Не будем называть Фрину, милый друг, но как часто какая-нибудь Лайда или Гнатенион[60],

Возжегши в доме свет призывный вечером[61],

выражает готовность принять у себя путника, но тот проходит не останавливаясь.

Но вот "подул внезапно ветер" Эрота и страсти, и то, что было так ничтожно, становится драгоценнее богатств Тантала и царской власти Гигеса[62]. Настолько бессильна и безрадостна благосклонность Афродиты, если Эрот не оживит ее своим дыханием.

Еще более уяснится это тебе из следующего. Многие сводили с другими не только гетер, но и своих жен. Так, один римлянин по имени Габба угощал как-то обедом Мецената. Заметив, что тот обменивается знаками внимания с его женой, он потихоньку склонил голову, как будто уснув. Но когда кто-то из рабов, подбежав из другой комнаты к столу, попытался унести вино, Габба, отбросив позу спящего, воскликнул: "Мошенник, разве ты не понимаешь, что я сплю только для одного Мецената?" Может быть, этот пример не показателен: ведь Габба был шутом. Но вот другой. В Аргосе Никострат был политическим противником Фаилла. Когда в город пришел царь Филипп, все были уверены, что Фаилл, жена ко-

торого была очень красива, благодаря ей, если она будет иметь свидание с Филиппом, достигнет власти и высокого положения. Поэтому сторонники Никострата установили наблюдение за домом Фаилла, но тот, переодев свою жену в воинские сапоги, хламиду и македонскую шапку, тайком отправил ее к Филиппу под видом воина царской стражи.

В противоположность этому можешь ли ты среди всех влюбленных настоящего и прошлого указать такого, который хотя бы ради почестей Зевса стал сводником своего возлюбленного? Думаю, что нет. Это и невероятно, раз никто из тиранов не встречал врагов среди своих политических противников, а только среди своих соперников в любовных делах. Ведь вы слышали, что и афинянин Аристогитон, и метапонтинец Антилеон, и акрагантинец Меланипп не выступали против тиранов, когда те бесчинствовали в своей политической деятельности и пьянствовали, но когда те посягали на их возлюбленных, то, как бы защищая нечто священное и неприкосновенное, не щадили самих себя[63].

Говорят также, что Александр обратился к Феодору, брату Протея, с таким письмом: "Пришли мне твою музыкантшу, приняв от меня десять талантов, но только если ты не влюблен в нее".

Другой товарищ Александра, Антипатрид, однажды пришел на дружескую встречу вместе со своей кифаристкой. Александр, почувствовав расположение к этой женщине, спросил у него, не влюблен ли он в нее. Когда тот ответил: "И даже очень", Александр воскликнул: "Ах, чтоб ты пропал, если так", но сдержал себя и не коснулся этой женщины».

17. «Посмотрим теперь,— продолжал отец,— насколько превосходен Эрот в Аресовых делах, будучи не бездеятельным, каким назвал его Еврипид, и не чуждым воинству и не "ночуя на нежных щеках девушки"[64].

Муж, исполненный Эротом, сражаясь, нисколько не нуждается в Аресе, но, чувствуя присутствие покровительствующего ему бога,

> Огонь, и хлябь морскую, и эфирный ток
> пройти готовый[65],

сражается за своего друга там, где тот этого ожидает. Когда у Софокла Ниобиды гибнут, поражаемые стрелами, один из них призывает на помощь не кого-то другого, а своего поклонника:

> О, защити меня своей рукой...[66]

А о том, при каких обстоятельствах пал в сражении Клеомах-фарсалиец, вы, вероятно слыхали». — «Нет,— ответил Пемптид и другие,— и очень хотели бы услыхать от тебя».— «И стоит того,— сказал отец. — Он пришел союзником к халкидянам, когда у тех была в разгаре Лелантская война с эретрийцами[67]. Пехота была у халкидян достаточно сильна, но им было трудно сопротивляться набегам вражеской конницы. Поэтому они просили Клеомаха как человека выдающейся храбрости первым напасть на всадников. Клеомах спросил присутствовавшего при этом своего возлюбленного, хочет ли он увидеть это сражение. Тот ответил утвердительно,

дружески поцеловал Клеомаха и надел ему шлем. Воодушевленный Клеомах, собрав вокруг себя лучших из фессалийских воинов, произвел блистательный набег и обратил в смятение, а затем и в бегство вражескую конницу. Вслед за этим бежали и гоплиты, и эретрийцы одержали полную победу. Но Клеомах встретил смерть в этом бою. Его могилу показывают на площади Халкиды, где доныне сохраняется высокая колонна. А любовь к мальчикам, которая у халкидян ранее осуждалась, теперь окружена у них большим почетом и уважением, чем где-либо. (Аристотель, однако, подтверждая, что Клеомах был убит в том сражении, в котором он одержал победу над эретрийцами, случай с поцелуем возлюбленного относит к другому союзнику халкидян, посланному к ним из фракийской Халкиды. Отсюда возникла у халкидян народная песня:

> О сыны доблестных отцов, одаренные дивно Харитами,
> не откажите героям в общении с юностью вашей,
> ведь вместе с мужеством цветет в градах халкидян
> освободитель Эрот.

Имя влюбленного было Антон, а его возлюбленного — Филист, как сообщает поэт Дионисий[68] в своих "Этиологиях".)

А у вас, Пемптид, в Фивах не было ли в обычае, что влюбленный дарил своему возлюбленному в день его внесения в воинские списки полное вооружение? А муж по имени Паммен[69], хорошо знающий силу Эрота, изменил воинский строй гоплитов, упрекнув Гомера как далекого от Эрота за то, что

он построил ахеян по филам и фратриям, вместо того чтобы поставить рядом влюбленного и возлюбленного —

> щит со щитом, шишак с шишаком[70],—

единственное непобедимое среди воинских построений. Ведь бывает, что покидают в строю близких по филе, родственников и даже, Зевс свидетель, родителей и детей, но между двумя воодушевленными Эротом никогда еще не прошел, разлучив их, ни один неприятель. Более того, влюбленные иногда и помимо случаев крайней необходимости выказывают презрение к опасности и страданиям: так, Терон-фессалиец, опершись левой рукой на стену, обнажил меч и отсек себе большой палец, предлагая сопернику сделать то же самое. А другой, упав в сражении лицом вниз, в ожидании смертельного удара умолил врага обождать краткое время, чтобы возлюбленный не увидел его раненным в спину.

Не только наиболее воинственные племена более других преданы Эроту — беотийцы, лакедемоняне, критяне, но то же было и среди героев древности — Мелеагр, Ахилл, Аристомен[71], Кимон, Эпаминонд; возлюбленными последнего были Асопих и Кафисодор, который вместе с ним пал в битве при Мантинее и был рядом с ним погребен. Асопих же остался наиболее опасным и грозным для врагов, и первый, кто решился поразить его, Евкнам из Амфиссы, удостоился почестей героя в Фокиде.

Перечислить все встречи Геракла с Эротом дело трудное, так они многочисленны. Но Иолая доныне почитают как его

возлюбленного все влюбленные, и на его могиле принимают заверения и клятвы от своих любимых. Говорят также, что Геракл, будучи искусным врачевателем, спас от смертельной болезни жену Адмета Алкестиду[72], угождая Адмету, который был в нее влюблен, а сам был возлюбленным Геракла. Ведь и об Аполлоне миф говорит, что он, будучи влюблен в Адмета,

рабскую службу нес у него в течение года[73].

Очень кстати нам здесь вспомнилась Алкестида. Ведь хотя с Аресом у женщин нет ничего общего, она, одержимая Эротом, отваживается на смерть, вопреки своей женской природе. И если можно извлечь что-либо поучительное из мифов, то предание об Алкестиде, о Протесилае[74] и об Орфеевой Евридике показывает, что Эрот единственный из богов, ради которого Аид оказывает уступку, тогда как вообще он, как говорит Софокл,

ни милости, ни снисхождения
не знает, свят ему один лишь свой закон[75].

Влюбленных же он совестится, и только по отношению к ним он не столь неумолим и непреклонен. Поэтому, мой друг, хотя и хорошо быть посвященным в элевсинские таинства, я вижу, что и служителям, и посвященным в таинства Эрота уготована лучшая доля в Аиде; я не доверяюсь полностью мифам, но и не отказываю им вовсе в доверии; они каким-то образом соприкасаются с божественной правдой, когда говорят, что есть для влюбленных какой-то путь восхожде-

ния из Аида к свету. Как именно это происходит, они не знают, как бы сбившись с тропы философского рассуждения, которая была впервые показана Платоном. Только слабые и неясные проблески истины рассеяны в египетской мифологии, но извлечь их и прийти от этих малых начал к великим выводам — дело очень трудное.

Итак, оставим это в стороне и, после того как мы показали силу Эрота, рассмотрим его благосклонность к людям и оказываемые им благодеяния — не в том смысле, что он доставляет тем, на кого он обращен, много добра, ибо это очевидно для каждого, но еще больше в том смысле, что делает лучшими самих влюбленных. Еврипид, хотя и искушенный в делах Эрота, восхищается лишь наименее значительным из этих благ, когда говорит:

Поэтом делает
Эрот того, кто от природы Музам чужд[76].

Он делает также рассудительным легкомысленного и мужественным, как мы видели, робкого — подобно тому как под воздействием жара гибкие древесные ветви становятся жесткими.

Каждый влюбленный, хотя бы он был от природы мелочен, становится щедрым, предупредительным и великодушным, всякие следы скаредности и сребролюбия в нем расплавляются, словно железо в огне, и он радуется, одаривая любимого, больше, чем радовался бы, сам получая подарки от других.

Вам, вероятно, известен такой случай. Анит, сын Антемиона, влюбленный в Алкивиада, однажды давал праздничный обед приезжим гостям[77]. Внезапно в пиршественный зал ворвался с веселой компанией Алкивиад и, забрав со стола половину кубков, удалился. Когда гости стали возмущаться, говоря: "Этот юноша поступил с тобой дерзко и оскорбительно", Анит ответил: "Нет, очень любезно, ведь мог бы и все забрать, а он и мне оставил столько же"».

18. Зевксиппу этот рассказ очень понравился. «Клянусь Гераклом,— сказал он,— я почти готов отказаться от унаследованной нами вражды к Аниту как гонителю философии и Сократа, если он был так кроток и обходителен со своим возлюбленным».

«Более того,— сказал отец,— не превращает ли Эрот вообще людей угрюмых и мрачных в приветливых и общительных?

Там, где горит огонек, приветливый облик у дома,—

не так ли светлеет от эротического огня и облик человека? Но большинство людей проявляют в последнем случае странное равнодушие: увидав ночью свет в доме, воспринимают это как нечто чудесное и восхитительное; а видя, как мелкая и низменная душа внезапно наполняется разумением, свобо-

долюбием, благородством, привлекательностью, щедростью, они не испытывают потребности воскликнуть вслед за Телемахом:

Здесь ясно присутствие бога[78].

А не удивительно ли, скажи, Дафней, ради Харит, также и следующее. Влюбленный, пренебрегая почти всем, кроме предмета своей любви,— не только товарищами и домашними, но и законами, и начальниками, и царями,— ничего не боясь и ни перед чем не преклоняясь, готовый противостать самому "копью Зевса"[79], при первом взгляде на своего возлюбленного

...поник, как кочет, рабское склонив крыло[80],

и его отвага сломлена, и подкошена гордость его души.

Уместно вспомнить и Сапфо, находясь по соседству с Музами. Римляне говорят, что сын Гефеста Как выдыхал струи пламени; а из уст Сапфо исходят речи поистине смешанные с огнем, и она в песнях воспроизводит жар своего сердца,

благозвучными Музами врачуя Эрота,

как говорит Филоксен. Если Лисандра еще не изгладила у тебя, Дафней, память о твоих прежних любовных переживаниях, напомни нам те стихи, в которых прекрасная Сапфо говорит, как при виде возлюбленной ее голос замирает, по телу пробегает огонь, она бледнеет и ее охватывает головокружение». Когда Дафней прочитал эти известные всем стихи, отец подхватил: «Ради Зевса, разве это не явная одержимость богом? Не демоническое волнение души? Достигает ли такой

силы потрясение, которое испытывает Пифия на своем треножнике? Кого из жрецов приводит в такое исступление звучание флейты, гимны в честь Великой Матери и тимпан?

И ведь многие видят то же самое тело, ту же самую красоту, но охвачен Эротом только один. По какой причине? Но разве непонятно, что имеет в виду Менандр, когда говорит, что любовь — это

души болезнь,
удар, источник раны внутренней.

Виновник этой болезни бог, который одного поразит, а других оставит незатронутыми.

То, что было бы уместнее сказать в самом начале, я не должен оставить несказанным хотя бы здесь, раз уж это "подвернулось на уста"[81], по выражению Эсхила, ибо это имеет величайшее значение. Если для всего, что входит в наше сознание не через чувственное восприятие, мы черпаем доверие либо в мифе, либо в законе, либо в рассуждении, то во мнениях о богах нашими руководителями и зрителями всецело являются поэты, законодатели и, в третью очередь, философы. И что боги существуют, это все они утверждают одинаково, но весьма расходятся друг с другом относительно их числа, взаимоотношений, сущности и силы. Философы полагают, что боги,

не зная болезней и старости,
не зная трудов, избежали тяжелостопной
переправы Ахеронта[82].

Отсюда для них неприемлемы вводимые поэтами божества — Раздоры, Мольбы, и они отказываются признать в числе богов сыновей Ареса Страх и Ужас. Во многом философы расходятся и с законодателями. Так, Ксенофан советовал египтянам, если они считают Осириса смертным, не почитать его как бога, а если считают богом, то не оплакивать. С другой стороны, поэты и законодатели не хотят и слушать философов, говорящих, как о богах, о каких-то идеях, числах, монадах и духах, и не могут их понять.

Вообще мнения в этой области представляют великое разнообразие и противоречивость. Но подобно тому как в Афинах некогда было три партии — паралиев, эпакриев и педиеев, которые находились в постоянных раздорах между собой, но впоследствии, собравшись вместе для голосования, отдали все голоса Солону, избрав его верховным судьей, архонтом и законодателем, как мужа бесспорно первенствующего своими доблестями,— так и три теологические партии, расходясь во мнениях и нелегко воспринимая отдельные взгляды одна от другой, в одном непоколебимо единодушны и Эрота одинаково включают в число богов наиболее выдающиеся из поэтов, законодателей и философов,

> единым гласом громко восхваляя,

как выразился Алкей об избрании Питтака тираном у митиленян.

Так Эрот, царь, архонт и гармост, провозглашенный Гесиодом, Платоном и Солоном, нисходит с Геликона в Академию,

в царском убранстве, с венком на голове, сопровождаемый свитой дружбы и товарищества. Объединены же они не "узами оков"[83], о которых говорит Еврипид, вводя образ холодной, тягостной и постыдной необходимости, налагаемой на угнетенных, а окрыленным стремлением к прекраснейшему и божественному бытию, о котором лучше, чем я, сказали другие».

Когда отец закончил свою речь, Соклар сказал: «Видишь, вот уже второй раз ты, соприкоснувшись с одним и тем же предметом, как-то обрываешь сам себя и уходишь в сторону. Если позволительно высказать мое мнение, ты неправ, когда, вопреки взятым на себя обязательствам, отказываешься приобщить нас к столь священным для нас истинам. Вот ты и раньше, как бы нехотя коснувшись Платона и египтян, прошел мимо, и сейчас так же поступаешь. Конечно, то, что уже "ясно сказано"[84] Платоном, или скорее содействующими нам богинями через Платона, ты не должен повторять, "даже если мы тебя об этом попросим"[85]; но твой намек, что египетский миф совпадает с тем, что говорит об Эроте Платон, ты не должен оставить темным и нераскрытым для нас; мы будем рады услышать о великом хотя бы малое».

Так как и другие присоединились к просьбе, то отец сказал, что египтяне, как и эллины, признают двух Эротов, общенародного и небесного, но за третьего Эрота принимают солнце и высоко почитают Афродиту, отождествляя ее либо с луной, либо с землей.

Мы также усматриваем большое сходство между Эротом и солнцем. Ни то, ни другое не огонь, хотя это и утверждают

некоторые, а сладостное и живительное сияние и тепло, которое, несясь от солнца к телу, доставляет ему питание и рост, а от Эрота — доставляет те же блага душам. И как солнце теплее, показавшись из туч после дождя или после тумана, так Эрот, восстановленный примирением с любимым после размолвки, вызванной гневом или ревностью, становится сладостнее и сильнее. Далее, как о солнце некоторые думают, что оно гаснет и возгорается, так же и Эрота они считают смертным и непостоянным. И наконец, как тело, не подвергшись предварительным упражнениям, не может без вреда для себя переносить сияние солнца, так и душа, не получив надлежащего воспитания, не способна безболезненно перенести Эрота: и тело и душа выходят из своего обычного состояния и впадают в болезнь, в которой должны винить не силу бога, а собственную слабость.

Только в том приходится установить различие, что солнце показывает зрению одинаково прекрасное и безобразное, а Эрот направляет свой свет только на прекрасное, побуждая влюбленных только на него обращать взоры, а всем остальным пренебрегать.

Землю мы считаем вовсе несходной с Афродитой, но те, кто называет Афродитой луну, опираются на некоторое сходство: луна причастна и земле и небу и является местом смешения бессмертного и смертного; она бессильна сама по себе и остается темной, если не освещена солнцем, как Афродита без поддержки Эрота. Итак, можно признать, что у луны больше сходства с Афродитой, а у солнца с Эротом, чем с остальными богами, однако это сходство — отнюдь не пол-

ное тождество: как душа и тело сущности не совпадающие, а различные, так и солнце есть нечто зримое, а Эрот — нечто умозрительное. И если такое утверждение не покажется слишком резким, то можно было бы сказать, что солнце даже противодействует Эроту: оно отвлекает ум от умозрительного к ощутимому, чаруя прелестью зримого и соблазняя только в этом зримом искать и истину, и все блага, а более нигде.

Ко всему, что цветет, что блестит на земле,
Нас влечет необорная страсть[86],

говорит Еврипид.

И не знаем мы мира иного,

а вернее, не помним, и только Эрот может напомнить забытое.

Действительно, подобно тому как у проснувшегося при сильном и ярком свете расходятся и разбегаются все образы, явившиеся его душе во сне, так при том изменении бытия, какое составляет рождение в этот свет, солнце, очевидно, поражает наше сознание как бы неким зелием, и от радостного удивления забывается все то прежнее. А между тем подлинной явью для души было именно то бытие, и, придя сюда, она видит сон, в котором с восхищением приветствует солнце как прекраснейший и божественнейший образ.

Радостно-ложным она обольщается тотчас виденьем[87],

уверенная, что все окружающее ее здесь прекрасно и ценно, пока не встретится ей в лице божественного Эрота здравый

врачеватель и спаситель: ведя ее от тел к истине, из Аида в «поле истины», где утверждена великая и чистая и неложная красота, которой она жаждет приобщиться, он направляет ее, как руководитель таинств — их участника. Но раз душа возвращена в этот мир, Эрот не может общаться с ней самой по себе, а только при посредстве тела. Подобно тому как геометры, обращаясь к ученикам, еще не способным представить себе умопостигаемые предметы, показывают им осязаемые и зримые воспроизведенные подобия шаров, кубов, додекаэдров, так небесный Эрот, изощряясь в очертаниях, красках и формах, показывает нам в блистающих молодостью образах отражения прекрасного — прекрасные, но божественного — смертные, не подверженного изменениям — подверженные, умопостигаемого — чувственные и так постепенно пробуждает нашу разгорающуюся память.

И вот некоторые, ложно наставляемые друзьями и близкими, пытаясь насильно и безрассудно погасить страсть, не пришли ни к чему хорошему, но или наполнились чадом смятения, или, обратившись к темным и недостойным наслаждениям, бесславно увяли. Те же, кто, руководствуясь здравыми рассуждениями и совестью, как бы отняли у огня его безудержность, но оставили душе сияние, свет и теплоту, которая вызывает не сотрясение, как сказал кто-то, теснящее атомы семени под воздействием возбуждения и благодаря их гладкости[88], а удивительный животворный разлив, подобный движению соков в растении и раскрывающий поры взаимопонимания и благорасположения. Не проходит много времени, и они,

минуя тело любимых, проникают до глубины их существа, разверзшимися очами созерцают их нравственный облик и вступают в общение с ними в речах и делах, если те хранят в душе очертания и образ прекрасного; если же нет, то оставляют их без внимания и обращаются к другим, подобно тому как пчелы оставляют пышно расцветшие, но не содержащие меда растения. Там же, где они встречают след, намек, радостный признак присутствия бога, они исполняются божественного восторга и загораются радостным воспоминанием того, что поистине всем несет радость, блаженство и любовь.

20. То, что пишут и поют об Эроте поэты,— по большей части шутки, свойственные разгульному веселью, но кое-что сказано ими серьезно, либо по собственному разумному рассуждению, либо потому, что с помощью бога пришли они к истине: одно из таких высказываний относится к его происхождению:

Это могучий бог,
рожденный быстрой Иридой
и златокудрым Зефиром[89],

если только вас не переубедили грамматики, говоря, что это образ, относящийся к переливчатой изменчивости цветов радуги». — «А к чему же еще может это относиться?» —

спросил Дафней. «Слушайте,— ответил отец,— я скажу об этом так, как велит сама действительность. Ирида, то есть радуга,— это преломление солнечных лучей, встретивших облако умеренной влажности и прозрачности и средней толщины; вследствие преломления нам кажется, что явление происходит в самом облаке. Таково же и эротическое переживание, производимое благородными и прекраснолюбивыми душами: они вызывают преломление памяти от того, что мы наблюдаем здесь как прекрасное и называем таковым, к тому, что, находясь за нашими пределами, божественно, и прелестно, и блаженно, и, единственное, поистине прекрасно.

Но большинство влюбленных, преследуя и нащупывая в мальчиках и женщинах угадываемый образ той красоты, не могут найти ничего более прочного, чем наслаждение, смешанное с горечью; таково заблуждение Иксиона, пытающегося в облаке уловить призрачный образ предмета своей страсти[90]; так и дети, прельщенные радугой, пытаются схватить ее руками.

Иное отношение к возлюбленному у здравого и мыслящего влюбленного: его взгляд преломляется в сторону божественной и умопостигаемой красоты: встретившись с красотой зримого тела, он пользуется ею как опорой для памяти, любуется ею и, радуясь этому общению, еще более воспламеняется мыслью. Но, оставаясь в этом телесном мире, он не сидит в бездеятельном восхищении, пораженный божественным светом, а оказавшись после смерти в мире потустороннем, не ищет бегства и возвращения в земной мир, чтобы витать у дверей новобрачных, уподобляясь злым призракам преданных те-

лесным наслаждениям мужчин и женщин, не заслуживающих названия влюбленных.

Истинный же причастник Эрота, оказавшись в том мире и вступив по заслугам в общение с красотой, окрыляется и сопровождает своего бога в вышнем хороводе до тех пор, пока не вернется на луга Луны и Афродиты, где уснет, ожидая нового рождения.

Но все это уже выходит за пределы нашего теперешнего разговора. Эроту же, как и прочим богам, по слову Еврипида,

> любезны должные от смертных почести[91]

и неугодно пренебрежение ими; он благосклонен к приемлющим его достойным образом, но суров к своевольным. Не так преследует и наказывает за обиды гостей и просителей Ксений и за неуважение к родителям Генетлий, как выслушивает жалобы оскорбленных любовников Эрот, строгий каратель грубости и высокомерия.

Надо ли напоминать об Евксинтете и Левкокоме?[92] Или о той, которая на Кипре еще и ныне носит прозвание Выглядывающей? Но может быть, вы не слыхали о наказании критянки Горго, участь которой была сходна с Выглядывающей. Та была превращена в камень, выглянув в окно на погребение человека, который был в нее влюблен. А Горго полюбил некий Асандр, молодой человек хорошего нрава и благородного происхождения. Хотя он из блистательного положения впал в бедность, однако не считал себя недостойным просить Горго в жены, тем более что приходился ей родственником.

Горго была богата, и к ней сваталось много людей с большими достоинствами, однако Асандру удалось расположить в свою пользу всех ее домашних и опекунов...[93]

21. Кроме того, источники зарождения любви принадлежат не одному какому-либо полу, а одинаково обоим. Разве не могут происходить как от мальчиков, так и от женщин те образы, которые проникают в тело подверженных Эроту, приводят в движение и возбуждение его состав и стекаются в семя вместе с другими атомами?

То же относится к прекрасным и священным воспоминаниям, возвращающим нас к божественной и истинной олимпийской красоте и окрыляющим душу — что препятствует им происходить от девушек и женщин, равно как от мальчиков и юношей, если сквозь свежесть и привлекательность внешнего образа просвечивает чистая и благородная душа — как хорошо сшитая обувь, по слову Аристона, показывает красоту ноги, — когда тот, кто способен это воспринять, распознает в прекрасных и чистых телесных очертаниях прямые и нерушимые следы светлой души?

Один драматический персонаж, преданный удовольствиям, на вопрос:

Склоняешься ль к мужским иль женским прелестям?[94] —

отвечает:

Где красота, туда лишь и склоняюсь я[95].

Но этот ответ говорит лишь о его низменных вожделениях; что же, человек, преклоняющийся перед истинно прекрасным, в своем любовном выборе будет исходить не из красоты и благородства души, а из половых различий?

Далее, любитель лошадей не меньше восхищается природными качествами Подарга[96], чем Агамемноновой Эты, и охотник высоко ценит не только кобелей, но воспитывает также критских и лаконских сук; что же, ценитель прекрасного в людях не будет беспристрастен по отношению к обоим полам, но станет проводить различие между любовью к мужчинам и любовью к женщинам, словно между мужской и женской одеждой?

Говорят, что цветущая внешность — это "цвет добродетелей". Нелепо же думать, что женщина не может иметь и признаков природной добродетели. Ведь правильно сказано в стихах Эсхила:

Надежный признак для меня влюбленности
горящий взор вкусившей мужа девушки[97].

Но разве во внешности женщины возможны только признаки дерзновенного, разнузданного и испорченного нрава, а скромность и целомудрие в ней светиться не могут? Или много и такого зримо обнаруживается, но не трогает душу и не призывает Эрота? И то, и другое предположение противно разуму и истине.

Итак, раз доказано, что обоим полам присущи одни и те же черты и они должны совместно вести защиту от общего противника, выступим, Дафней, против тех соображений, которые только что развил Зевксипп. Он отождествил Эрота с неукротимой страстью, уносящей душу к необузданности, не столько будучи сам убежден в этом, сколько наслушавшись людей угрюмых и чуждых Эроту.

Одни из них, привлеченные приданым, вводят в свой дом ничтожных женщин, а вместе с деньгами мелочные расчеты, влекущие за собой каждодневные супружеские раздоры. Другие, озабоченные более тем, чтобы найти потомство, а не жену, уподобляются цикадам, откладывающим свою грену на морской лук или что-либо подобное: народив детей с кем пришлось, они готовы распроститься с браком или же, оставаясь в нем, не думают о том, чтобы любить и быть любимыми.

А между тем само слово "уважать"[98], лишь одной буквой отличаясь от "вмещать", как мне кажется, прямо показывает возникающее под воздействием времени и привычки соединенное с необходимостью благоволение. Тот, кого Эрот внезапно поразит своим веянием, сначала будет сохранять различение "моего" и "не моего", как говорится в Платоновом "Государстве"[99]: ибо не сразу оказывается "все общее у друзей" и, равным образом, у влюбленных. Но, преодолевая раздельность тел, они постепенно сводят и сплавляют свои души, не желая быть двумя и не считая себя двумя.

Взаимная терпимость, столь необходимая в браке, еще более чем внутренним влечением, воспитывается извне под

воздействием совести и боязни, внушаемой законами: они всегда остаются в поле зрения живущих совместно, которые

> Узде, кормилу следуют покорственно[100].

Но Эрот приносит столько самообладания, постоянства, доверия, что если войдет в соприкосновение даже с необузданной душой, то отвратит ее от других влюбленных, сломив ее дерзостность, сокрушив ее надменность и грубость и внушив ей совестливость, сдержанность и спокойствие, и, придав скромный образ, сделает ее послушной только одному.

Вы слыхали, конечно, о воспетой поэтами многолюбимой Лайде — как она воспламенила страстью всю Элладу и, более того, стала предметом ревностного спора от моря до моря: но когда Эрот внушил ей любовь к фессалийцу Гипполоху, то она,

> омываемый волнами с двух берегов
> покинув Коринф[101],

убегая от остальных многочисленных любовников и от огромного полчища гетер, тайно ото всех удалилась в Фессалию. А там женщины из ревности к ее красоте заманили ее в святилище Афродиты, где закидали камнями до смерти; еще и ныне это святилище носит имя Афродиты-человекоубийцы.

Мы знаем служанок, отвергших любовные домогательства своих господ, и подданных, пренебрегших царицами, когда в их душе господствовал Эрот: подобно тому как в Риме после избрания диктатора все остальные магистраты слагают

свои полномочия, так и те, кем овладеет Эрот, освобождаются от всех остальных господ и начальников, будто служители храма. А благородная женщина, которую Эрот сочетал с законным мужем, скорее потерпит объятия медведя или змея, чем прикосновение и ложе постороннего мужчины.

22. Примеров этому множество у вас, сограждан и содружественников Эрота, но нельзя пройти мимо примера галатской женщины Каммы. Это была жена тетрарха Сината, отличавшаяся необыкновенной красотой. В нее влюбился один из знатнейших галлов Синорикс. Убедившись, что ни силой, ни просьбами он не может склонить ее к взаимности, пока жив Синат, он убил его. Прибежищем и утешением в этом бедствии было для Каммы наследственное в ее роду жреческое служение Артемиде. Почти все время она проводила у богини и не допускала к себе ни одного мужчину, хотя к ней сватались многие цари и властители. Однако, когда попытку встретиться с ней, чтобы заговорить о браке, предпринял Синорикс, она не отвергла этой попытки и не обратила к нему никаких упреков по поводу прошлого, как будто его поступок, вызванный страстью к ней, не заключал в себе ничего низменного; итак, он, доверившись, пришел к ней с брачным предложением. Она встретила его с протянутой рукой и, подведя к алтарю богини,

совершила возлияние из чаши, наполненной медовым напитком, в который, как оказалось, заранее подмешала яд. Затем, выпив около половины содержимого, она передала галлу остаток. Когда же увидела, что он все выпил, радостно воскликнула, обращаясь по имени к своему убитому мужу: "Дожидаясь нынешнего дня, любимейший муж, я жила без тебя в горе. Теперь радостно прими меня к себе: я отомстила за тебя подлейшему человеку и счастлива, что жила с тобой общей жизнью, а с ним умираю общей смертью". И Синорикс, вынесенный на носилках, тут же умер, а Камма прожила еще один день и одну ночь и, как передают, встретила смерть в радостном спокойствии.

23. Таких примеров было много и у нас, и у варваров; кто же после этого потерпит утверждение, будто Афродита, присоединяясь к Эроту, препятствует возникновению дружбы? Что же касается общения, или, вернее, гнусного сочетания мужского с мужским, то каждый разумный скажет:

Гибрида, не Киприда здесь зачинщица[102].

Поэтому тех, кто добровольно подвергается этому извращению, мы относим к самому низкому роду порочности, не видя в них ничего достойного доверия, уважения и дружбы, а скажем вслед за Софоклом:

Счастлив такого друга не имеющий,
а кто имеет, стоит сожаления[103].

Те же, кто непорочен от природы, но обманом или насилием был вынужден предать свое тело, ни к кому на свете не питают такой ненависти, как к тем, кто ими так злоупотребил, и жестоко мстят им, если представится случай: так, Архелая убил ставший его возлюбленным Кратей, а ферейского Александра — Пифолай; амбракийский тиран Периандр[104] спросил у своего возлюбленного, не забеременел ли он уже, и тот, озлобившись, убил его. Но для женщины это сближение — источник дружбы, как приобщение к великим таинствам. И тут меньше означает сама радость общения, чем возрастающее от него с каждым днем взаимное уважение, приязнь и желанность. Не пустое говорят Дельфы, называя Афродиту "желанной", и Гомер, именуя брачное сочетание любовью. Солон показал себя мудрым законодателем в вопросах брака, предписав сближаться с женами не реже чем трижды в месяц, не ради наслаждения, а с тем чтобы, обновляя брак, освободить его от набирающихся при всей взаимной благожелательности в повседневной жизни разногласий — наподобие того как государства время от времени возобновляют свои дружественные договоры.

Скажут: "Много зла и безумств происходит от любви к женщинам". Но не больше ли от любви к мальчикам?

Его увидев, позабыл я сам себя.
Прекрасный безбородый нежный юноша.
С ним умереть, чтоб эпиграммой сделаться[105].

Все это проявления необузданной страсти к мальчикам; наряду с этим возможна и такая же страсть к женщинам, но как то, так и другое — не Эрот.

Нелепо, как я уже сказал, утверждать, что женщинам вообще чужда добродетель. Надо ли говорить, в частности, об их скромности и рассудительности, об их верности и справедливости, если многие из них показали замечательные примеры мужества, героизма и величия духа? Но, не отрицая их прекрасной природы во всем прочем, отказывать им в способности к дружбе и вовсе дико.

Женщины глубоко любят своих детей и супругов, и их добросердечность — благодатная почва для дружбы, доверия и приязни. Подобно тому как поэзия, украсив речь напевностью, размеренностью и ритмом, придала ей и большую воспитательную силу, и большую способность причинить вред, так природа, одарив женщину миловидностью лица, проникновенностью голоса и привлекательностью внешнего вида, дала дурной женщине средства совращать и обманывать, а благонравной — снискать расположение и дружбу мужа.

Платон, видя, что Ксенократ, человек выдающихся дарований, обладает слишком суровым характером, советовал ему приносить жертвы Харитам; а добродетельной женщине можно посоветовать приносить жертвы Эроту, чтобы он благосклонно охранял ее брак и не допустил ее мужа, увлекшись другой женщиной, после этого с сокрушением повторить стих из комедии:

Какой жене я, злополучный, изменил!

Ибо в браке большее благо любить, чем быть любимым: это избавляет от многих ошибок и, более того, ото всего, что увечит и губит брак.

24. Болезненность в начале супружеских отношений, милый Зевксипп, не должна вызывать страх, как ранение или укус; а впрочем, пожалуй, и ранение, как в прививке деревьев, не препятствие к тому, чтобы стать единым целым с близкой женщиной. Ранение, к тому же, и дает начало беременности: ибо нет смешения без приспособления одной части к другой.

Тяготят и детей начатки обучения, и философия — приступающих к ней юношей; но в дальнейшем не остается этой тягостности ни у них, ни у любящих супругов. Эрот сначала производит некое кипение и смятение, подобное тому, какое бывает иногда при смешении двух различных жидкостей, но через некоторое время, успокоившись и очистившись, он приходит к прочнейшей устойчивости. Таково то соединение, которое поистине можно назвать соединением в целом, соединение супругов, объединенных Эротом, тогда как соединение людей, только живущих вместе, можно уподобить соприкосновениям и переплетениям эпикуровских атомов, испытывающих непрерывный ряд взаимных столкновений и отталкиваний, но не создающих никакого единства, какое создает Эрот, присутствующий в брачном общении.

Нет никакой большей радости, более постоянной привязанности, столь светлой и завидной дружбы, как там,

> Где однодушно живут, охраняя домашний порядок,
> муж и жена[106].

И закон покровительствует браку, и природа показывает, что даже богам нужен Эрот для совместного рождения. Поэты имеют основание говорить, что

> Земля дождя алкает[107],

а небо — земли; философы учат, что Солнце сочетается с Луной и оплодотворяет ее; и разве Земле, матери людей, родительнице всех животных и растений, не предстоит когда-нибудь погибнуть и совершенно угаснуть, когда мощное желание бога покинет материю и она перестанет искать и черпать в нем начало и движение.

Но не буду далеко отклоняться от основного предмета нашей беседы. Ты знаешь, сколько насмешек вызывает непрочность любви к мальчикам: говорят, что этого рода связь, как яйцо, легко рассекается волосом, а сами влюбленные, подобно кочевникам, проведя весну в цветущей области, затем ретируются оттуда, словно из неприятельской земли. Более грубо выразился софист Бион, сказав, что каждый волос на теле красавцев — это Гармодий или Аристогитон, избавляющий влюбленных от той распрекрасной тирании, которой они себя подвергли. Было бы, однако, несправедливо относить это к случаям истинной любви, и тут надо согла-

ситься с метким словом Еврипида: обнимая и целуя прекрасного Агатона, когда тот был уже бородатым, он сказал, что прекрасное прекрасно и в своей осени. Но любовь к благородной женщине не только не знает осени и процветает при седине и морщинах, но остается в силе и до могильного памятника. Трудно найти примеры длительной любви мальчиков, но нет числа примерам женской любви, полной верности, постоянства и самоотверженной готовности перенести любое испытание. Хочу привести только один такой пример, относящийся к нашему времени, к правлению императора Веспасиана[108].

25. Цивилис, поднявший восстание в Галлии, имел, конечно, много сообщников, в числе которых был Сабин, молодой человек, выдававшийся во всей Галлии знатностью и богатством. Заговор потерпел неудачу, и среди зачинщиков одни в ожидании расправы покончили самоубийством, другие бежали, но были схвачены.

Сабину же обстоятельства давали возможность скрыться и найти убежище в варварских странах. Но у него была жена по имени Эппона (по-гречески это имя можно передать как Героиня), лучшая из женщин: ее он не мог ни покинуть, ни взять с собой. А в его поместье была подземная сокровищница, известная только двум вольноотпущенникам. И вот он, якобы решившись отравиться, отпустил всех своих остальных слуг,

а сам вместе с двумя хранителями тайны укрылся в подземелье. Оттуда он отправил к жене вольноотпущенника Марциала с известием, что он умер от яда, а вместе с его телом сожжено и подворье: он хотел, чтобы подлинное горе жены послужило достоверным подтверждением слуха о его смерти.

Так и вышло: она со стенаниями и плачем бросилась на землю и провела три дня и три ночи без пищи. Узнав об этом и опасаясь, как бы она не довела себя до смерти, Сабин велел Марциалу тайно сообщить ей, что он жив и скрывается, но просит ее продлить на некоторое время свой траур, не упуская ничего, чтобы сделать это притворство убедительным. И она это исполняла, как будто разыгрывая трагическую роль, соответствующую такому положению; но страстно желая повидать мужа, она ночью ушла к нему, а затем вернулась. Но после этого она тайно от всех провела вместе с мужем более семи месяцев как бы в царстве Аида.

За это время она переменила Сабину до неузнаваемости одежду, прическу и головной убор и привела его с собой в Рим, так как явилась какая-то благоприятная надежда. Но, ничего не достигнув, пришлось вернуться, и она почти непрерывно оставалась с мужем в подземелье, лишь время от времени наведываясь в город, чтобы ее видели близкие и родственники.

Но самое невероятное, это что она, купаясь вместе с другими женщинами, сумела скрыть свою беременность. Дело в том, что средство, которым женщины пользуются, чтобы придать своим волосам золотисто-рыжую окраску, содержит вещество, вызывающее рост телесной ткани, производя как

бы ее опухание. Умащая большим его количеством все свое тело, кроме живота, она делала незаметным постепенное увеличение брюшной округлости. Родильные страдания она перенесла без всякой помощи в подземелье, как львица в своем логове, и родила двух сыновей, которых и вскормила. Один из этих сыновей пал убитым в Египте, а другой, по имени Сабин, совсем недавно побывал у нас в Дельфах[109].

В дальнейшем император все же казнил Эппону, но за это убийство он и сам был наказан судьбой, ибо в скором времени весь его род был полностью истреблен[110]. Казнь Эппоны была самым мрачным деянием за все время этого правления, таким, которое должно было внушить отвращение и негодование всем богам. Но скорбь окружающих была смягчена твердостью, с которой Эппона встретила казнь, и ее гордым свободоречием, более всего уязвившим Веспасиана: она пожелала ему обменять свою судьбу на ее судьбу, ибо она лучше провела свою жизнь во тьме под землей, чем он провел свою, царствуя».

26. На этом, как говорил отец, закончилась их беседа об Эроте, когда они уже подходили к Феспиям. Тут они увидели приближающегося бегом им навстречу Диогена, одного из друзей Писия. Когда Соклар еще издали окликнул его: «Диоген, уж не объявляешь ли ты нам войну?», тот ответил:

«Храните благоречие перед готовящейся свадьбой и идите скорее, вас ожидают к жертвоприношению». Все, конечно, обрадовались, а Зевксипп спросил Диогена, продолжает ли сердиться его приятель. «Напротив,— отвечал Диоген,— он первый примирился с Исменодорой и теперь по собственному почину, возложив на себя венок и облекшись в белый гиматий, собирается сопровождать свадебную процессию через площадь к святилищу бога». — «Так идем же, клянусь Зевсом,— воскликнул отец,— идем, чтобы пошутить над Писием и поклониться богу: мы видим, что он радостно присутствует здесь и благосклонен к тому, что у нас происходит».

Примечания

[1] *...списывающие у Платона его Илисс...* — Имеется в виду начальный эпизод «Федра» (229 а—230 с). *Илисс* — река в Аттике.

[2] Т. е. Мнемосине (Памяти), дочери Урана и Геи.

[3] *Титора* — городок неподалеку от горы Парнас (на границе Фокиды и Локриды, близ сев. побережья Коринфского залива), посвященной Аполлону и Музам.

[4] Из неизвестной трагедии.

[5] По преданию, фиванский царь Лаий воспылал страстью к прекрасному юноше Хрисиппу, сыну аргосского царя Пелопа, и похитил его.

[6] Из стихов Архилоха.

[7] Из неизвестной трагедии.

[8] *Гинекей* — женская половина дома. *Киносарг* — местность близ Афин, где находился гимнасий, предназначенный для незаконнорожденных детей афинских граждан.

[9] См. Ил. XX, 252; XXIV, 315.

[10] Из «Элегий» Солона.

[11] В оригинале игра слов: греческое «благосклонность» (в смысле любовного расположения или влечения) созвучно слову «Харита».

[12] Из неизвестной трагедии.

[13] Федр, 250 е.

[14] Законы, VIII, 839 b.

[15] Из неизвестной трагедии.

[16] Из неизвестной трагедии.

[17] Согласно Геродоту («История», III, 23), в Эфиопии золото ценилось ниже меди, и из него делали тюремные цепи.

[18] Труды и дни, 696—698.

[19] *Абротонон* — мать Фемистокла, происходившая из Малой Азии или из Фракии (см. Плутарх, Фемистокл, гл. I).

[20] *Вакхида* — милетская гетера (время жизни неизвестно).

[21] По обычаю, вновь купленных рабов осыпали орехами.

[22] *Аристоника* — лицо неизвестное.

[23] *Агофоклея* — любовница египетского царя Птолемея IV Филопатора (222—205 гг. до н. э.). Пользуясь слабохарактерностью

царя, она вместе со своей матерью Энантой решала важные государственные дела.

[24] *Нин* — легендарный ассирийский царь. Баснословная история о том, как Семирамида обманным путем захватила власть, встречается у ряда античных писателей (напр., у Элиана, Пестрые рассказы, VII. I).

[25] *Белестиха* — возлюбленная египетского царя Птолемея II Филадельфа (282—246 гг. до н. э.).

[26] Имеется в виду знаменитая гетера Фрина, возлюбленная выдающегося скульптора Праксителя (середина IV в. до н. э.). О позолоченной статуе Фрины в Дельфах работы Праксителя сообщает Павсаний (Описание Эллады, X, 14, 7; ср. I, 20, 1—2).

[27] Речь идет о македонском царе Антигоне Гонате, который занял своим гарнизоном Мунихию.

[28] *Гимнасиарх* — должностное лицо, надзиравшее за обучением в гимнасии.

[29] По одной из версий мифа, Геракл отдал Мегару в жены своему возлюбленному и другу Иолаю.

[30] Из несохранившейся трагедии Еврипида.

[31] По преданию, женщины однажды истребили всех мужчин на острове Лемнос (северная часть Эгейского моря).

[32] Еврипид, Вакханки, 203.

[33] Из утраченной трагедии Еврипида.

[34] *Аттис* — по преданию, юный фригийский бог, возлюбленный богини Кибелы, оскопивший себя в припадке безумия. *Адонис* —

сиро-финикийский бог, принятый в греческий пантеон. По преданию, прекрасный юноша Адонис, возлюбленный Афродиты, был убит на охоте кабаном. Супруга Аида Персефона по просьбе Афродиты разрешила Адонису часть времени в году проводить на земле.

[35] Из утраченной трагедии Еврипида.

[36] Еврипид, Ипполит, 449—450.

[37] Эсхил, Хоэфоры, 295.

[38] Теогония, 120.

[39] Из утраченной трагедии Еврипида.

[40] Из утраченной трагедии Софокла. *Лисса* — олицетворение безумной ярости, бешенства.

[41] Из утраченной трагедии Софокла.

[42] Ил. V, 31, 831 и др.

[43] *Хрисипп из Сол в Киликии* (276—204 гг. до н. э.) — один из основоположников стоицизма. Греческое слово «убийца» созвучно с именем «Арес».

[44] *Стратий* («Воинственный») — эпитет Зевса.

[45] *Аристей* — по преданию, сын Аполлона и нимфы Кирены, покровитель охоты и пчеловодства.

[46] Из неизвестного стихотворения.

[47] Из неизвестной трагедии Эсхила.

[48] *Илифия* — богиня-покровительница родов и рожениц, дочь Зевса и Геры. *Лохия* — олицетворение рождения. «Илифия» и «Лохия» могли быть эпитетами других богинь, например, Артемиды.

[49] Из неизвестной трагедии.

[50] Еврипид, Вакханки, 66.

[51] Одиссея, II, 372.

[52] *Меланиппид* — имя двух поэтов начала и конца V в. до н. э. Какой из них имеется в виду, неизвестно.

[53] Федр. 244 а сл.

[54] Из утраченной трагедии Софокла.

[55] Эсхил, Умоляющие, 681 сл.

[56] Пропуск в рукописях.

[57] Из неизвестной трагедии.

[58] Ил. VII, 121.

[59] Софокл, Трахинянки, 497.

[60] *Лаида* и *Гнатенион* — вероятно, коринфские гетеры конца V в. до н. э.

[61] Из неизвестной трагедии.

[62] *Гигес* (ок. 685—652 гг. до н. э.) — первый лидийский царь из династии Мермнадов, сменившей династию Гераклидов после убийства Кандавла.

[63] Об Антилеоне из Метапонта известно лишь то, что он погиб, убив метапонтского тирана, а по другим сведениям — тирана южно-

италийской Гераклеи. Время его жизни неизвестно. Меланипп, как сообщает Элиан (Пестрые рассказы, II, 4), был возлюбленным некоего Харитона. Когда тиран сицилийского города Акраганта Фаларис (VI в. до н. э.) тяжко обидел Меланиппа, Харитон взялся отомстить за него и пробрался к тирану, но был схвачен. Узнав об этом, Меланипп добровольно явился во дворец и все открыл Фаларису. Восхищенный благородством друзей, тот якобы помиловал обоих.

64 Софокл, Антигона, 783.

65 Из неизвестной трагедии.

66 Из утраченной трагедии Софокла.

67 Т. е. война за Лелант.

68 *Дионисий Коринфский* (жил, вероятно, во 2-й пол. III в. до н. э.) — поэт и ученый-грамматик.

69 *Паммен* — фиванский полководец, выдвинувшийся после смерти Эпаминонда. В биографии Пелопида (гл. XVIII) Плутарх сообщает, что Паммен рекомендовал ставить влюбленных рядом в боевом строю.

70 Ил. XIII, 131; XVI, 215.

71 *Мелеагр* — по преданию, сын калидонского (Калидон — город в Этолии) царя Ойнея, убивший страшного вепря, насланного Артемидой. *Аристомен* прославился во время борьбы мессенян против спартанского владычества (середина VII в. до н. э.).

72 Этот мифологический сюжет, своеобразно перетолкованный здесь Плутархом, лег в основу трагедии Еврипида «Алкестида»: Мойры, по просьбе Аполлона, согласились продлить жизнь царю города Фер Адмету, если кто-нибудь добровольно согласится уме-

реть вместо него; свою жизнь предложила юная жена Адмета Алкестида, которую и спас Геракл.

[73] Из неизвестного произведения.

[74] *Протесилай* — по преданию, греческий воин, первым вступивший на землю Трои и, согласно предсказанию оракула, первым встретивший смерть. По просьбе его жены Лаодамии Протесилаю было разрешено вновь показаться на земле, после чего он с женой последовал в царство смерти.

[75] Из утраченной трагедии Софокла.

[76] Из утраченной трагедии Еврипида.

[77] Эта история рассказана Плутархом в биографии Алкивиада (гл. IV). *Анит*, богатый кожевенник и неудачливый стратег, был в 399 г. до н. э. главным обвинителем Сократа.

[78] Од. XIX, 40.

[79] Из I Пифийской оды (5) Пиндара.

[80] Из несохранившейся трагедии Фриниха (2-я пол. VI — нач. V в. до н. э.), предшественника Эсхила.

[81] Из утраченной трагедии Эсхила.

[82] Из несохранившейся оды Пиндара.

[83] Из утраченной трагедии Еврипида.

[84] Од. XII, 453.

[85] Платон, Федр, 253d.

[86] Еврипид, Ипполит, 193 сл.

[87] Из неизвестного произведения.

[88] Здесь, как и ниже (гл. 21), Плутарх излагает мнение атомистов.

[89] Из стихов Алкея. *Ирида* — богиня радуги, вестница богов. *Зефир* — бог западного ветра. Обычно Эрота считали сыном Ареса и Афродиты.

[90] *Иксион* — по преданию, царь фессалийского племени лапифов, которого Зевс избавил от вины за убийство и безумия. Получив разрешение присутствовать на трапезе богов, Иксион воспылал страстью к Гере, но Зевс создал ее образ в виде облака, которое, соединившись с Иксионом, породило кентавров.

[91] Еврипид, Ипполит, 7.

[92] *Евксинтет* и *Левкоком* — влюбленные из критского города Лебена (см. Страбон, География, X, 4, 12). Больше о них ничего не известно.

[93] Далее часть диалога утеряна. Содержание ее предположительно сводится и следующему: после окончания рассказа о Горго собеседники возвращаются в Феспии. По дороге Зевксипп со ссылками на авторитеты излагает свои возражения против супружеской любви, которые опровергаются в сохранившейся концовке диалога (гл. 21 сл.).

[94] Из неизвестного произведения.

[95] Из неизвестной комедии.

[96] *Подарг* («Быстроногий») — имя коней Гектора (Ил. VIII, 185) и Менелая (XXIII, 295).

[97] Из несохранившейся трагедии Эсхила.

[98] По-гречески «уважать» — *στεργειν*, «вмещать» — *στεγειν*.

[99] Платон, Государство, V, 462 c.

[100] Из утраченной трагедии Софокла.

[101] Из утраченной трагедии Еврипида.

[102] Из неизвестной трагедии. *Гибрида* — здесь: персонификация дерзости и нечестия.

[103] Из утраченной трагедии Софокла.

[104] Македонский царь Архелай (413—399 гг. до н. э.) был убит Кратеем на охоте, а Александра Ферского брат его жены Фивы Пифолай убил в 359 г. до н. э. по наущению последней. Периандр был тираном города Амбракии в Эпире (годы правления неизвестны).

[105] Из неизвестной комедии.

[106] Од. VI, 183.

[107] Из утраченной трагедии Еврипида.

[108] Веспасиан Флавий правил с 69 по 79 г. н. э. В 69—70 гг. он подавил восстание германского племени батавов под предводительством Юлия Цивилиса. Приводимая ниже история Юлия Сабина сообщается и у Тацита (История, IV, 67). Юлий Сабин скрывался более 9 лет с помощью своей жены (которую Тацит называет Эппониной) и был схвачен лишь в 79 г.

[109] Указание на время написания диалога. Плутарх родился в 46 г. н. э., был принят в коллегию дельфийских жрецов в возрасте около 50 лет; следовательно, диалог написан после 95 г.

[110] Старший сын Веспасиана, Тит Флавий, умер к 81 г. н. э., а младший, Домициан Флавий, погиб в 96 г. в результате заговора.

Содержание

Предисловие. *В. Татаринов* 5

Об Исиде и Осирисе. Пер. и примеч. *Н. Н. Трухиной* . . **7**

Пир семи мудрецов. Пер. и примеч. *М. Л. Гаспарова* . .**109**

О «Е» в Дельфах. Пер. и примеч. *Н. Б. Клячко* **167**

О том, что пифия более не прорицает стихами.
Пер. и примеч. *Л. А. Фрейберг* **207**

Почему божество медлит с воздаянием.
Пер. и примеч. *Л. А. Ельницкого* **257**

О демоне Сократа. Пер. и примеч. *Я. Боровского* **325**

Об Эроте. Пер. и примеч. *Я. Боровского* **389**

Литературно-художественное издание

Плутарх

ИСИДА И ОСИРИС

Ответственный редактор *М. Яновская*
Редактор *Ю. Кулишенко*
Художественный редактор *А. Пилипенко*
Компьютерная верстка *А. Павленко*
Корректоры *С. Никулин, И. Коновалова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@ eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина»,
ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс: (032) 245-00-19.

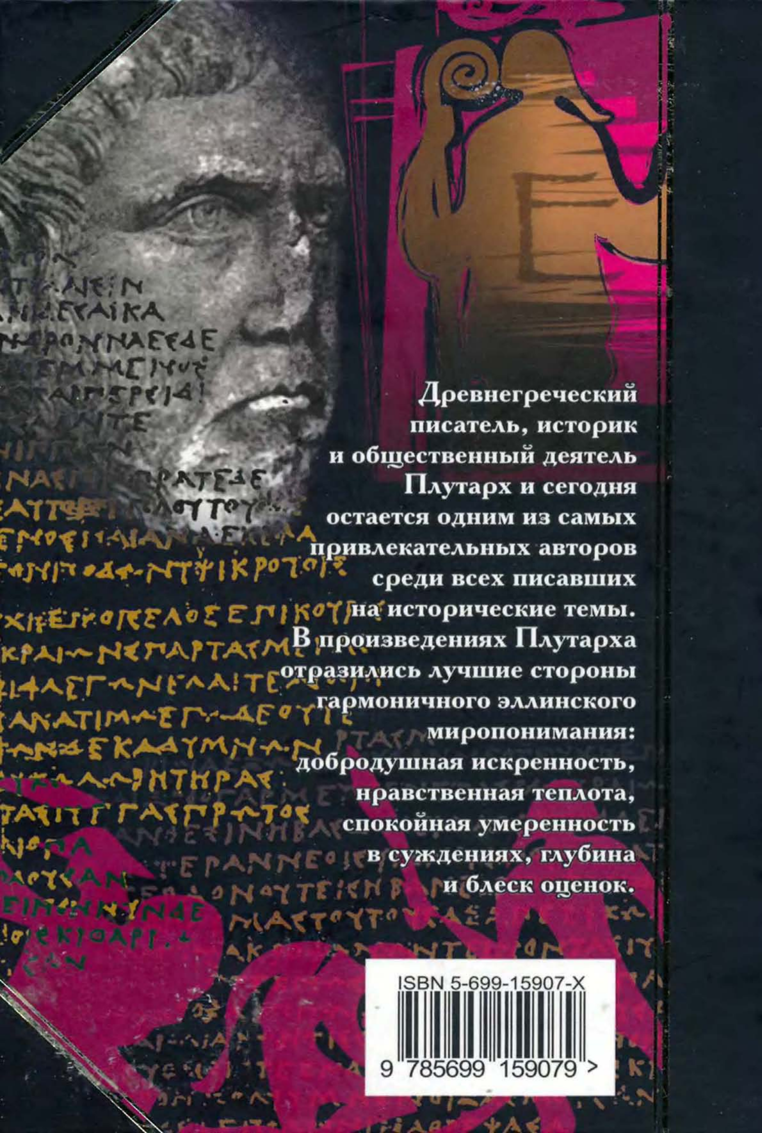
Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12 . Тел : 937-85-81, 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать 15.03.2006. Формат 70x100 1/32.
Гарнитура «Академия». Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 18,85.
Тираж 5000 экз. Заказ 1806

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г.Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Древнегреческий
писатель, историк
и общественный деятель
Плутарх и сегодня
остается одним из самых
привлекательных авторов
среди всех писавших
на исторические темы.
В произведениях Плутарха
отразились лучшие стороны
гармоничного эллинского
миропонимания:
добродушная искренность,
нравственная теплота,
спокойная умеренность
в суждениях, глубина
и блеск оценок.
ISBN 5-699-15907-X
9 785699 159079 >